

Тяжкий крест несем мы, братья,
Мысль убита, рот зажат,
В глубине души проклятья,
Слезы на сердце кипят.

Русь под гнетом, *Русь болеет*;
Гражданин в тоске немой –
Явно плакать он не смеет,
Сын от матери больной!

Нет в тебе добра и мира,
Царство скорби и цепей,
Царство взяток и мундира,
Царство палок и плетей.

(«не русский», враг «народа» И.С. Никитин, между 1849-1861 гг.).

Постыдно гибнет наше время!..
Наследство дедов и отцов –
Послушно носит наше племя
Оковы тяжкие рабов.

И сто́им мы позорной доли!
Мы добровольно терпим зло:
В нас нет ни смелости, ни воли...
На нас проклятие легло!

Мы рабство с молоком всосали,
Сроднились с болью наших ран.
Нет! В нас отцы не воспитали,
Не подготовили граждан.

Не мстить нас матери учили
За цепи сильным палачам –
Увы! Бессмысленно водили
За палачей молиться в храм!

Про жизнь свободную не пели
Нам сестры ... нет! под гнетом зла
Мысль о свободе с колыбели
Для них неведомой были!

И мы молчим. И гибнет время...
Нас не пугает стыд цепей –
И цепи носит наше племя
И молится на палачей...
(И.С. Никитин, между 1849-1861 гг.).

«Что касается жалобы первого заявителя на отсутствие справедливого судебного разбирательства, ... его осуждение за административное правонарушение в неподчинении законным требованиям полиции было основано на письменной версии событий, представленной сотрудниками полиции D.S. и V.S. ... их рапорта были составлены с использованием шаблона и не содержали никакой индивидуальной информации, за исключением имени первого заявителя, а также имен и званий сотрудников полиции. В ходе внутригосударственного разбирательства заявитель утверждал, что он был задержан D.S. и V.S., ссылаясь на видеозапись, имеющуюся в материалах административного дела. Первый заявитель также утверждал, что информация, предоставленная полицией, была неточной. В частности, он утверждал, что до его ареста полиция не отдавала приказов, которые он мог бы нарушить. Он просил суд вызвать и допросить D.S. и V.S. (...) (§ 65 *Постановления от 10.11.20 г. по делу «Navalnyy and Gunko v. Russia»*). Суды отказались вызывать и допрашивать двух

сотрудников полиции в качестве свидетелей (...). Суды рассмотрели видеозапись, представленную первым заявителем, и отклонили его жалобы на ее основании. Они отметили, что запись не содержала даты и времени, когда она была сделана, и сочли, что она свидетельствует о неповиновении со стороны первого заявителя по отношению к сотрудникам полиции, когда они не пустили его на сцену (...) (§ 66 **там же**). В свете вышеизложенного, представляется, что **основные доказательства** против первого заявителя, а именно **письменные показания сотрудников полиции и протоколы, не были проверены в судебном разбирательстве**. Суды основывали свое решение исключительно на стандартных документах, представленных полицией и **отказывались принимать дополнительные доказательства или вызывать сотрудников полиции** (§ 67 **там же**). ... с учетом спора о **ключевых** фактах, лежащих в **основе** обвинения, когда **единственные** доказательства против первого заявителя исходили от **сотрудников полиции, которые играли активную роль в оспариваемых событиях**, суды **должны** были использовать **всякую разумную** возможность, чтобы проверить их инкриминирующие показания (...). Их невыполнение противоречило основополагающим принципам уголовного права, в частности, *dubio pro reo* (...). Более того, суды не требовали от полиции **оправдания** вмешательства в **право** на свободу собраний, что включало разумную возможность разойтись, когда было отдано такое распоряжение (...) (§ 68 **там же**). В случае второго заявителя суды также основывали свое решение исключительно на стандартных документах, представленных полицией и отказались проверить объяснение заявителя о том, что дорожного движения не было, что район все еще был оцеплен полицией и что он не мог покинуть место встречи. Более того, суды ограничили объем административного дела предполагаемым неповиновением заявителя, **не приняв во внимание «законность» приказа полиции** (...) (§ 69 **там же**). Вышеизложенных соображений достаточно для того, чтобы Суд пришел к выводу, что административное производство в отношении заявителей в целом было проведено в **нарушение** их права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции» (§ 70 **там же**).

«... хотя в принципе уголовные обвинения предъявляются в случае деяний, признанных наказуемыми по внутреннему уголовному праву, понятие «уголовного обвинения» **должно толковаться по смыслу Пакта** (...). ... это понятие может также распространяться на санкции, которые **независимо** от их квалификации во внутреннем праве **должны** рассматриваться как уголовные **по своей природе с учетом их цели, характера или строгости**. В данном случае автор был задержан, доставлен в суд, признан виновным и приговорен к 15 дням административного ареста за распространение приглашений на публичное мероприятие. ...» (п. 6.6 **Соображений КПЧ от 23.07.20 г. по делу «Erzhan Sadykov v. Kazakhstan»**).

«... свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности. Эти свободы имеют ключевое значение для любого общества и являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества (...). Любые ограничения свободы выражения мнений должны строго отвечать требованию необходимости и соразмерности, могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют (...) (п. 7.3 **Соображений КПЧ от 23.07.20 г. по делу «Erzhan Sadykov v. Kazakhstan»**). Комитет отмечает довод государства-участника о том, что национальное законодательство полностью соответствует положениям пункта 3 статьи 19 Пакта и направлено на регулирование, а не ограничение свободы выражения мнений. Вместе с тем ... государство-участник **не представило никаких разъяснений в обоснование ограничения** и **не проверило**, ставили ли действия автора под угрозу права или репутацию других лиц, государственную безопасность или общественный порядок, здоровье или нравственность населения в свете пункта 3 статьи 19 Пакта. **В отсутствие таких объяснений** ... назначение автору наказания в виде лишения свободы на 15 дней за распространение приглашений на мирное публичное мероприятие, хотя и несанкционированное, **не было необходимой и соразмерной мерой** в соответствии с **условиями, изложенными в пункте 3 статьи 19 Пакта** (...). Поэтому ... **права автора по пункту 2 статьи 19 Пакта были нарушены** (п. 7.4 **там же**). ... **право на мирные собрания** является одним из **основных** прав человека, которое крайне важно для публичного выражения взглядов и

мнений отдельных лиц и **является необходимым в демократическом обществе** (...). Это **право** предполагает **возможность** организации мирного собрания в общедоступном месте и участия в нем. **Организаторы собрания обычно имеют право выбирать место**, в котором их может увидеть и услышать их целевая аудитория, и **какое-либо ограничение этого права является недопустимым**, за исключением случаев, когда а) оно налагается в соответствии с законом; и б) является необходимым в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Когда **государство-участник** налагает ограничения с целью увязать право человека на собрания с вышеупомянутыми общими интересами, оно **должно руководствоваться целью содействовать осуществлению данного права, а не стремиться избыточно или несоразмерно ограничивать его** (...). Таким образом, государство-участник **обязано обосновать необходимость любого** ограничения права, гарантируемого статьей 21 Пакта, и **доказать**, что такое ограничение **не является несоразмерным препятствием для осуществления** этого права (...) (п. 7.5 там же). ... **режимы получения разрешений**, в соответствии с которыми лица, желающие проводить собрания, должны обращаться за соответствующим разрешением к властям, **подрывают идею** о том, что мирные собрания являются **одним из основных прав** (...). В тех случаях, когда такие требования сохраняются, на практике **должен действовать уведомительный порядок**, при этом разрешение выдается установленным образом **при отсутствии веских оснований для иных действий. Такие системы также не должны быть чрезмерно бюрократизированными** (...). **Уведомительный порядок, со своей стороны, на практике не должен означать систему санкционирования** (...) (п. 7.6 там же). ... государство-участник **опиралось только** на положения закона о публичных мероприятиях, который требует получения разрешения местных властей на проведение мирных собраний, **ограничивая тем самым право на мирные собрания**. Государство-участник **не пыталось доказать**, что задержание автора, судебное разбирательство по его делу и применение к нему санкции, влекущей за собой лишение свободы, за организацию мирного собрания **были необходимы в демократическом обществе и соразмерны интересам** государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц, **как того требует статья 21 Пакта**. В этих обстоятельствах и **в отсутствие какой-либо другой информации или разъяснения уместности ... государство-участник нарушило права автора в соответствии со статьей 21 Пакта** (п. 7.7 там же). ... В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник **обязано** предоставить автору **эффективное средство правовой защиты**. Для этого **необходимо** предоставить **полное возмещение ущерба** лицам, **права которых, закрепленные в Пакте, были нарушены**. Соответственно, государство-участник **обязано**, в частности, предоставить автору **адекватную компенсацию**, в том числе **возмещение понесенных судебных издержек**. Государство-участник также **обязано** принять **все необходимые** меры для недопущения подобных нарушений в будущем. В этой связи Комитет вновь заявляет, что **государству-участнику следует пересмотреть свое законодательство с целью обеспечения полного осуществления в государстве-участнике прав, предусмотренных статьями 19 и 21 Пакта**, включая право на организацию и проведение мирных (в том числе стихийных) собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций» (п. 9 там же).

«... штрафы, которые обжаловали заявители, были наложены не судом по окончании состязательного судебного разбирательства, а административным органом... Хотя поручение таким властям судебного преследования и наказания за аналогичные мелкие правонарушения не противоречит Конвенции, заинтересованное лицо **должно** иметь **возможность обжаловать любое** решение, вынесенное против него или нее, в суде, который **предлагает гарантии статьи 6** (...) (§ 138 **Постановления от 04.03.14 г. по делу «Grande Stevens v. Italy»**). Таким образом, в административном производстве **обязательство соблюдать статью 6 Конвенции** не исключает наложение «штрафа» административным органом в первую очередь. Однако для того, чтобы это было возможно, **решения, принимаемые административными органами, которые сами по себе не удовлетворяют требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции, должны**

подлежать **последующему** контролю со стороны судебного органа, обладающего полной юрисдикцией (...). Характеристики судебного органа с полной юрисдикцией включают право отменить решение указанного ниже органа по вопросам фактов и права во **всех** отношениях. Он **должен** обладать юрисдикцией для **изучения всех** вопросов факта и права, относящихся к рассматриваемому спору (...)» (§ 139 **там же**).

«... принцип презумпции невиновности **требует**, среди прочего, что при исполнении своих обязанностей члены суда не должны исходить из предвзятого мнения о том, что обвиняемый совершил инкриминируемое преступление; бремя доказывания лежит на обвинении, и любые сомнения **должны** приносить пользу обвиняемому. Отсюда также следует, что обвинение **должно** проинформировать обвиняемого о деле, которое будет возбуждено против него, а также представить доказательства, **достаточные** для его осуждения, чтобы он мог **подготовить и представить** свою защиту **соответствующим** образом (...)» (§ 159 **Постановления от 04.03.14 г. по делу «Grande Stevens v. Italy»**).

«... **право** заключенного на доступ **к юридической поддержке** является **фундаментальной гарантией против жестокого обращения** (...)» (§ 141 **Постановления от 07.07.11 г. по делу «Shishkin v. Russia»**).

- Истец:** Шляков Валентин Валентинович,
временно проживающего по адресу:
683003, г. Петропавловск-Камчатский,
ул. Вилюйская, дом 20, кв. 4,
тел.: 8(4152)420968
- Представители:** Иванова Ирина Александровна
председатель международного
общественного движения «Общественный
контроль правопорядка»,
проживающая по адресу: 6, pl du Clauzel,
app 3, 43000 Le Puy en Velay, France.
тел.: + 33 4 71 09 61 77
E-mail: odokprus.mso@gmail.com
- Усманов Рафаэль Раисович
15.03.56 г. рождения, правозащитник,
проживающий по адресу:
8 Rue Honore de Balzac, app 24, 17000, La
Rochell, France
E-mail: usmanov.rafael.2015@mail.ru
тел.: + 33 773 50 10 59
- Ответчики:**
1. действующий под видом президента РФ
не имеющий юридического образования
профессиональный Взяточник, Вор,
Бандит и Убийца, то есть Мафиози
Путин Владимир Владимирович
101000, г. Москва, Кремль
Интернет-приемная:
<http://letters.kremlin.ru>
 2. действующие под видом членов Совета
Федерации РФ элитные Жулики, Воры,
Бандиты и Убийцы, то есть Мафиози и
Оккупанты
103426, Москва, ул. Б. Дмитровка, д.
26.

Тел.: + 7 (495) 629-70-09
Факс: + 7 (495) 629-67-42, 697-41-67.

3. действующие под видом членов государственной Думы РФ элитные Жулики, Воры, Бандиты и Убийцы, то есть Мафиози и Оккупанты
103265, Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1.
Тел.: + 7 (495) 692-62-66.
4. действовавший и действующий под видом Председателя правительства РФ не имеющие юридического образования профессиональные Взятчники, Воры, Бандиты и Убийцы, то есть Мафиози
Медведев Дмитрий Анатольевич,
Мишустин Михаил Владимирович
(«Новое правительство пошло в раз-нос»: <https://youtu.be/O9X2k3K1sSk>)
103274, г. Москва, Краснопресненская набережная, д. 2.
5. преступная и террористическая организация, действующая под видом Генеральной прокуратуры РФ, возглавлявшаяся и возглавляемая не имеющими юридического образования профессиональными Взятчиками, Бандитами и Убийцами, то есть Мафиози
Чайкой Юрием Яковлевичем,
Красновым Игорем Викторовичем
<http://genproc.gov.ru/management/>
125993, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 15 а.
Интернет-приемная:
<https://ipriem.genproc.gov.ru/contacts/ipriem/>
6. преступная и террористическая организация, действующая под видом Следственного комитета РФ, возглавляемая не имеющим юридического образования «спецсубъектом»
(<https://youtu.be/TKEKiSrXj3k>), «хозяином в доме» (<https://youtu.be/aY3nKi4Ero0>), профессиональным Взятчиком и Головорезом, то есть Мафиози
Бастрыкиным Александром Ивановичем
105005, г. Москва, Технический пер. д. 2.
7. преступная и террористическая организация, действующая под видом ФСБ РФ, возглавлявшаяся и возглавляемая не имеющими юридического образования профессиональными Взятчиками,

Ворами, Наркаторговцами и Убийцами,
то есть Мафиози
Патрушевым Николаем Платоновичем,
Бортниковым Александром
Васильевичем
107031, г. Москва, Лубянская пл., д. 2.

8. преступная и террористическая организация, действующая под видом Верховного Суда РФ, возглавляемая не имеющим юридического образования (иск№2772Шизофреник (<https://clc.to/Dea4w>)), профессиональным Взятчиком, Вором, Мошенником, Бандитом и Убийцей, то есть Мафиози Лебедевым Вячеславом Михайловичем 121260, г. Москва, ул. Поварская, д. 15.
9. преступная и террористическая организация, действующая под видом Высшей квалификационной коллегии РФ, то есть Сборище не имеющих юридического образования Врагов народа (п.п. 2.3 жалобы № 2952: Жал.№2952Путин (<http://clc.am/7jQqww>)), возглавляемая профессиональным Взятчиком, Бандитом и Убийцей, то есть Мафиози Тимошиным Николаем Викторовичем 123995, г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8, стр. 4.
тел.: (495) 609-55-22, 609-55-17.
10. преступная и террористическая организация, действующая под видом Совета судей РФ, фактически возглавляемая Куцевским режиссером, не имеющим юридического образования профессиональным Взятчиком, Вором, Бандитом и Убийцей, то есть Мафиози Бондар Анатолием Владимировичем (Бондар Анатолием Владимировичем - будущий Председатель Верховного Суда России и грязный коррупционер: https://youtu.be/k_QuAXK_kUs) 123995, г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8, стр. 4,
Тел.: 8 (495) 609-55-01, 609-55-03 (06),
E-mail: ssrf@ssrf.ru
11. преступная и террористическая организация, действующая под видом МВД РФ, возглавлявшаяся и возглавляемая не имеющими юридического образования профессиональными Взятчиками, Ворами, Бандитами и Убийцами, то есть Мафиози

Нургалиевым Рашидом Гумаровичем,
Колокольцевым Владимиром
Александровичем
г. Москва, ул. Садовая-Сухаревская, д.
11.

12. преступная и террористическая организация, действующая под видом ФПА РФ, возглавляемая не имеющим юридического образования профессиональным Взятчиком, Бандитом и Убийцей, то есть Мафиози Пилипенко Юрием Сергеевичем
119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
Тел.: (495) 787-28-35, 787-28-36
E-mail: mail@fparf.ru, strelchuk@fparf.ru
13. преступная и террористическая организация, действующая под видом Мэрии г. Москвы, возглавляемая не имеющим юридического образования профессиональным Вором, Взятчиком и Бандитом Собяниным Сергеем Семеновичем
125032, г. Москва, ул. Тверская, д. 13,
14. преступная и террористическая организация, действующая под видом прокуратуры г. Москвы, возглавляемая не имеющим юридического образования профессиональным Вором, Взятчиком и Бандитом Поповым Денисом Геннадьевичем
109992, ГСП-2, г. Москва, пл. Крестьянская Застава, д. 1,
Тел.: +7 (495) 951-71-97,
15. преступная и террористическая организация, действующая под видом УФСБ по г. Москве и Московской области, возглавляемая профессиональным Взятчиком, Бандитом и Убийцей Дорофеевым Алексеем Николаевичем
101000, г. Москва, ул. Большая Лубянка, 20,
Тел.: +7 (495) 625-28-19.
E-mail: moscow_mo@fsb.ru
16. преступная и террористическая организация, действующая под видом ГСУ СК РФ по г. Москве, возглавляемая не имеющим юридического образования профессиональным Вором, Взятчиком и Бандитом Ярош Сергеем Михайловичем
119002, г. Москва, ул. Арбат, д. 16/2, стр. 1
Тел.: 8 (495) 690-65-53

Факс: 8 (495) 691-63-15

17. преступная и террористическая организация, действующая под видом ГУ МВД РФ по г. Москве, возглавляемая не имеющим юридического образования профессиональным Вором, Взятчиком и Бандитом
Барановым Олегом Анатольевичем
127994, г. Москва, ул. Петровка, д. 28,
Тел.: 8 (495-2) 694-92-29
18. преступная и террористическая организация, действующая под видом Московского горсуда, возглавляемого не имеющей юридического образования профессиональной Воровкой, Взятчицей и Бандитом
Егоровой Ольгой Александровной
107996, г. Москва, Богородский вал, д. 8.
Тел.: 8 (495) 963-55-52
E-mail: mgs@mos-gorsud.ru
19. преступная и террористическая организация, действующая под видом ККС г. Москвы, возглавляемая не имеющей юридического образования профессиональной Воровкой, Взятчицей и Бандитом
Ишмуратовой Любовь Юрьевной
107996, г. Москва, Богородский вал, д. 8.
Тел.: 8 (495) 533-89-37
E-mail: info.mow@vkks.ru
20. преступная и террористическая организация, действующая под видом АП г. Москвы, возглавляемая не имеющим юридического образования профессиональным Вором, Взятчиком и Бандитом
Поляковым Игорем Алексеевичем
1119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43,
Тел.: +7 (495) 909-85-94
E-mail: info@advokatymoscow.ru
21. Министерство финансов РФ
109097, г. Москва, ул. Ильинка, д. 9.

Исковое заявление № 3194.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

Всеобщая декларация прав человека – далее Всеобщая декларация.

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью – далее Декларация.

Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в

области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права – далее Принципы о компенсации.

Международный пакт о гражданских и политических правах – далее Пакт.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах – далее Пакт об экономических правах.

Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы – далее Декларация о праве.

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению **в какой бы то ни было форме** – далее Свод Принципов.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод – далее Конвенция.

Хартия Европейского Союза об **основных правах** – далее Хартия.

Руководящие принципы по пресечению безнаказанности в связи с грубыми нарушениями прав человека, принятые Комитетом министров Совета Европы 30.03.11 г. – далее Руководящие принципы.

Заключение № 11 КСЕС «О качестве судебных решений» (ССЖЕ (2008) Ор. № 5), принятого в Страсбурге 18.12.08 г. – далее Заключение.

1. Шлякову В.В. и его знакомой Диане Лондарь из общения на Telegram канале стало известно о том, что 14.05.20 г. вблизи Останкинского телевидения будет проходить несогласованный митинг, который организаторы назвали "штурм Останкино". Цель митинга было докричаться до руководства телеканала и потребовать **показать митингующих в прямом эфире**, чтобы они могли рассказать правду людям о происходящей несправедливости и **преступлениях** властей. То есть **на практике реализовать** свои **фундаментальные права** собираться мирно без оружия и высказывать мнение по вопросам, представляющим повышенный общественный интерес, которые **защищены** ст.ст. 19, 21 Пакта, ст.ст. 10, 11 Конвенции, ст.ст. 29, 31 Конституции РФ.

1.1 Поскольку у Шлякова В.В. имеется свой аккаунт на Ютуб-канале и на этом канале он размещает видеоролики, представляющие общественный интерес, поэтому его деятельность равнозначна деятельности СМИ, а сам он фактически занимается правозащитной деятельностью (§§ 82, 83, 86, 87 **Постановления от 27.06.17 г. по делу «Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others v. Bosnia and Herzegovina»**, §§ 21, 25, 26, 29 - 32 **Постановления от 16.04.19 г. по делу «Rebechenko v. Russia»**).

1.1.1 14.05.20 г. около 13:00 Шляков В.В. и Лондарь Д.В. с циничным нарушением установленного законом порядка были задержаны сотрудниками полиции Останкинского ОВД вблизи Останкинского телевидения. При задержании, то есть заключении под стражу (п. «h» ст. 2 **Директивы Европейского парламента и Совета ЕС 2013/33/ЕС от 26 июля 2013 г.**), сотрудники полиции им пояснили, что здесь планируется несогласованный митинг и они хотели бы проверить их на причастность к этим событиям. В итоге сотрудники полиции потребовали показать им их кюар-код. У Лондарь Д.В. кюар-код был и она им его показала, а у Шлякова В.В. его не было. Далее сотрудники полиции **незаконно** потребовали, чтоб Шляков В.В. и Лондарь Д.В. проехали с ними в участок. Они отказались. Тогда сотрудники полиции пояснили **задержанным**, что в случае отказа к ним будет применена физическая сила и спецсредства, что является преступлением, предусмотренным п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. После этого Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. сотрудники полиции **посадили в служебный легковой автомобиль** и доставили в участок полиции по Останкинскому району. Так как Лондарь Д.В. была задержана впервые, она испугалась, что ей предъявят организацию митинга или продержат в участке до самой ночи и очень просила Шлякова В.В. не настаивать на том, что они пришли на митинг и чтоб сотрудники полиции не отразили это в протоколе, а сказать, что у неё со Шляковым В.В. было свидание. Однако, сотрудники полиции и сами не желали писать про не состоявшийся митинг, хотя Шляков В.В. им в устной форме сообщил, для чего приехал в тот район. В момент, когда на Шлякова В.В. составляли протокол, в кабинете дверь была открыта и он слышал, как в соседнем кабинете какой-то полицейский начальник ругал своих сотрудников по телефону на громкой связи. Шляков В.В. так же слышал свою фамилию и как тот им говорил, что если они оформят Шлякова В.В. как за попытку участия в митинге, то от этого могут быть проблемы и потребовал от сотрудников полиции оформить Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. как

нарушителей режима самоизоляции. На своём коротком совещании сотрудники полиции приняли решение не составлять протокол за попытку участия в митинге, а составить протокол только за нарушение режима самоизоляции и за отсутствие у Шлякова В.В. кода-ключа, хотя он и дальше говорил, что кроме встречи с Дианой Лондарь он приехал на митинг. Далее Лондарь Д.В. попросила Шлякова В.В. не настаивать на своем и не говорить, что они приехали в тот район для участия в митинге, так как она была напугана задержанием. Шляков В.В. пожалел девушку и подписал тот протокол, который составили сотрудники полиции.

1.1.2 В участке Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. под **угрозой** ареста **заставили** подчиниться снятию отпечатков пальцев. В общей сложности их продержали в ОВД по Останкинскому району более 4-х часов, после чего они смогли самостоятельно покинуть участок полиции. Далее Шляков В.В. проводил Лондарь Д.В. до метро, а сам поехал домой на трамвае.

1.1.3 Однако, для того, чтоб понять всё произошедшее, необходимо обратиться к подлежащим применению нормам права. Поэтому «... В силу п. 13 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» полиции предоставлено право доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение **в целях** решения вопроса о задержании гражданина (**при невозможности решения данного вопроса на месте**); установления личности гражданина, **если имеются основания полагать**, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда, либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания, либо как пропавший без вести; защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом, а также в других случаях, предусмотренных федеральным законом, – **с составлением протокола** в порядке, установленном частями 14 и 15 статьи 14 данного Федерального закона. Согласно перечисленным частям статьи 14 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» о задержании составляется протокол, в котором указываются дата, время и место его составления, должность, фамилия и инициалы сотрудника полиции, составившего протокол, сведения о задержанном лице, дата, время, место, основания и мотивы задержания, **а также факт уведомления близкого родственника (родственника) или близкого лица задержанного лица**. Протокол о задержании подписывается составившим его сотрудником полиции и задержанным лицом. В случае, если задержанное лицо отказывается подписать протокол, в протоколе о **задержании** делается соответствующая запись. **Копия протокола вручается задержанному лицу**. В силу положений частей 1, 3 ст. 27.2 КоАП РФ доставление, то есть принудительное препровождение физического лица **в целях** составления протокола об административном правонарушении **при невозможности его составления на месте** выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным, осуществляется перечисленными в ней должностными лицами. О доставлении **составляется протокол** либо делается **соответствующая запись в протоколе** об административном правонарушении или **в протоколе** об административном задержании. **Копия протокола о доставлении вручается доставленному лицу** по его просьбе. Согласно ч. 1 ст. 37.3 и ч. 1 ст. 27.4 КоАП РФ административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы физического лица, может быть применено в **исключительных случаях, если это необходимо для** обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении. Об административном задержании **составляется протокол**, в котором указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о задержанном лице, время, место и мотивы задержания. Из приведенных правовых положений следует, что доставление **в целях** установления личности гражданина сотрудником полиции осуществляется **если имеются основания полагать, что** гражданин находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда, либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания, либо как пропавший без вести, в **любом** из указанных случаев **подлежат составлению протокол** о доставлении и протокол о задержании. Положениями п. 19 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» предусмотрено право полиции производить регистрацию, фотографирование, аудио-, кино- и видеосъемку, дактилоскопирование лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, заключенных под стражу, обвиняемых в совершении

преступления, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, иных задержанных лиц, если в течение установленного срока задержания достоверно установить их личность не представилось возможным, а также других лиц в соответствии с федеральным законом. Из содержания указанной нормы следует, что фотографирование и дактилоскопирование **осуществляется в отношении лиц**, задержанных по подозрению в совершении преступления, заключенных под стражу, обвиняемых в совершении преступления, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, иных задержанных лиц, если в течение установленного срока задержания достоверно установить их личность не представилось возможным, а также других случаях, прямо предусмотренных законом. ...» (**Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.20 г. по делу № 88А-4068/2020**).

Также здесь следует иметь в виду, что «В статье 1064 ГК РФ установлены **общие основания** привлечения к ответственности вследствие причинения вреда (...). Резолютивная часть **решения не содержала указания на применимый принцип, вытекающий из статьи 1064 ГК РФ, и, следовательно, была неинформативной для представителей общественности, которые не обладали соответствующими юридическими знаниями** (§ 44 **Постановления от 17.01.08 г. по делу «Ryakib Biryukov v. Russia»**). ... цель пункта 1 Статьи 6 Конвенции в данном контексте, а именно **контроль со стороны общественности за деятельностью судебных органов с целью обеспечения права на справедливое судебное разбирательство** - не была достигнута в настоящем деле, где **причины, позволяющие понять**, почему не были удовлетворены требования заявителя, **были недоступны для общественности**» (§ 45 **там же**).

Из смысла приведенного следует, что когда норма закона имеет **общие основания** (например, п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»), то необходимо указывать те **конкретные** требования, по которым подлежит применению данная норма. В противном случае её применение будет **неинформативным**, а, значит, и **не применимым на практике**, поскольку Жертва в этом случае **лишается возможности её понимания**, а, значит, и соблюдения. И в этом случае сама ссылка правоприменителя на данную норму **лишается правового смысла** и само требование этого правоприменителя к Жертве становится **незаконным**.

1.1.4 «... Комитет также принимает к сведению утверждения авторов о том, что после их **незаконного** задержания **они не были уведомлены о причинах** их ареста и не были в срочном порядке доставлены к судье. Государство-участник **не предоставляет никаких опровержений** или разъяснений в отношении этих конкретных дат, а лишь утверждает, что авторы были арестованы и с ними обращались в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (п. 9.5 **Соображений КПЧ от 11.03.20 г. по делу «Rizvan Taysumov and Others v. Russian»**). Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, в котором говорится о **запрете на произвольное и незаконное** лишение свободы, т.е. **лишение свободы, которое не предусмотрено этими основаниями и не соответствует прописанным в законе процедурам**. Эти два запрета частично накладываются друг на друга в том смысле, что аресты и содержание под стражей могут иметь место в нарушение применимого права, но при этом не быть произвольными, или могут допускаться законом, но при этом быть произвольными, или же могут быть одновременно и произвольными, и незаконными. **Произвольными также являются арест или содержание под стражей, которые не имеют под собой законного основания** (...). Статья 9 также **требует** соблюдения внутренних правил, определяющих, когда требуется получение санкции на дальнейшее содержание под стражей от судьи или иного должностного лица (...), где могут содержаться отдельные лица (...), когда задержанного необходимо доставить в суд (...), а также установленные законом предельные сроки содержания под стражей (...). Лицам, лишенным свободы, **должна предоставляться помощь в получении доступа к эффективным средствам правовой защиты для обеспечения соблюдения прав**, в том числе при первоначальном и периодическом судебном пересмотре законности их содержания под стражей, а также **для недопущения условий содержания под стражей, несовместимых с Пактом** (...) (п. 9.6 **там же**). ... авторы **не были проинформированы при их задержании о причинах их ареста или выдвинутых против них обвинениях** и не были в срочном порядке доставлены к судье для проверки законности их задержания. Ввиду изложенных обстоятельств и **в отсутствие дополнительной информации или разъяснений со стороны государства-**

участника Комитет делает вывод о том, что **государство-участник нарушило права авторов по пунктам 2 и 3 статьи 9»** (п. 9.7 **там же**).

«Что касается исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, то власти Российской Федерации **не указали**, какие **конкретные** действия заявительница **должна** была предпринять в 2017 году после ее привлечения к административной ответственности и выводов судов, относящихся к правомерности ее административного задержания (...), и **могли ли они иметь любую успешную перспективу**. Таким образом, довод властей Российской Федерации должен быть отклонен как необоснованный (§ 32 **Постановления от 08.10.19 г. по делу «Korneyeva v. Russia»**). ... использование процедуры административного доставления является законным в соответствии с законодательством Российской Федерации (а именно частью 1 статьи 27.2 КоАП РФ), **когда отсутствует возможность** составить протокол о правонарушении по месту его обнаружения. **Ни один** из документов, составленных на национальном уровне (например, протокол доставления, рапорты сотрудников полиции, протокол об административном правонарушении или любое судебное постановление), **не проясняет фактические и правовые элементы**, которые могли бы **объяснить**, почему протокол об административном правонарушении не мог быть составлен на месте. Материалы, **ранее представленные** властями Российской Федерации, **не проясняют эти элементы**, кроме ссылки на то, что на месте проведения митинга было "много других участников", или на активное поведение заявительницы во время митинга. **Отсутствуют основания** сомневаться в том, что **поведение заявительницы** было мирным, или оспаривать ее утверждение о том, что митинг был мирным (...). Кроме того, несмотря на доводы властей Российской Федерации в Европейском Суде, следует отметить, что **в протоколе доставления не упоминалась какая-либо (возможно, законодательная) цель**, которая могла бы **оправдать в соответствии с законодательством Российской Федерации** обращение к процедуре административного доставления для **прекращения любого продолжающегося правонарушения**, а не основная законодательная цель этой процедуры, то есть для составления протокола об административном правонарушении (...) (§ 34 **там же**). Что касается обращения к **процедуре задержания** после доставления заявительницы в отдел полиции, то ... **цель** составления протокола об административном правонарушении **более не оправдывает, с точки зрения законодательства Российской Федерации**, продолжающееся лишение свободы после достижения **этой цели**. В отношении цели "правильного и своевременного рассмотрения дела", упомянутой в протоколе об административном задержании (...), то КоАП РФ по-прежнему **требует**, чтобы данная мера была **оправдана с учетом "исключительных" обстоятельств**. **Никаких подобных обстоятельств, кроме простого удобства, не было приведено на бытовом уровне** или, самое позднее, в Европейском Суде. **Ничто** в материалах дела не указывает на то, что **существовали риски повторного совершения правонарушения, фальсификации доказательств, попыток оказать давление на свидетелей или скрыться от правосудия, что могло бы свидетельствовать в пользу дальнейшего содержания заявительницы под стражей**. Даже если эти соображения можно было бы считать "исключительным случаем", упомянутым в части 1 статьи 27.3 КоАП РФ, как часть обоснования отказа от чрезмерного и неправомерного обращения к процедуре административного задержания, **в настоящем деле нет ничего**, что могло бы **привести к выводу** о том, что такие соображения были **обоснованы и оправданы** лишением свободы заявительницы 12 марта 2017 г., после 22.00, до ее освобождения 13 января 2017 г., около 20.00 (...) (§ 35 **там же**). Соответственно, **имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции**, по крайней мере, после 14.50 12 марта 2017 г. до **освобождения заявительницы из-под стражи** 13 июня 2017 г., около 20.00» (§ 36 **там же**).

1.1.5 Несмотря на то, что и существующее «законодательство» и практика, связанные с «согласованиями», достаточно подробно рассмотрены в **Постановлении от 07.02.17 г. по делу «Lashmankin and Others v. Russia»**, тем не менее, **зная, к кому мы обращаемся, приходится** повторять, что «**Принцип соразмерности требует** соблюдать равновесие между **требованиями целей**, перечисленных в пункте 2 статьи 11 Конвенции, с одной стороны, и **требованиями свободного выражения мнений** лицами, собравшимися на улице или в других общественных местах, словами, жестами или даже молчанием, с другой стороны (...)» (§ 144 **Постановления от 15.10.15 г. по делу «Kudrevi ius and Others v. Lithuania»**, то же в § 412 **Постановления от 07.02.17 г. по делу «Lashmankin and Others v. Russia»**). **Под защиту** свободы собраний, закрепленной в **статье 11 Конвенции**, попадают и митинги, способные вызвать раздражение или

оскорбить противников идей или требований, которые хотят отстоять митингующие (...). За исключением случаев подстрекательства к насилию или пренебрежения демократическими принципами, меры, являющиеся вмешательством в осуществление свободы собраний и выражения мнения, какими бы шокирующими и недопустимыми ни казались властям некоторые мнения или слова, вредят демократии, а часто даже ставят ее под угрозу (...) (§ 145 там же). При **определении соразмерности** вмешательства **преследуемой цели** следует также принимать во внимание характер и суровость назначенного наказания (...). Когда к митингующим применяются санкции уголовно-правового характера, это **требует особого обоснования** (...). Мирная демонстрация в принципе **не должна** порождать угрозу применения уголовной санкции (...). Таким образом, Европейский Суд должен особенно внимательно рассматривать дела, в которых внутригосударственные власти применили санкции в виде лишения свободы за **действия, не связанные с применением силы** (...) (§ 146 там же). В принципе духу статьи 11 Конвенции не противоречит, если по соображениям общественного порядка и национальной безопасности Договаривающаяся Сторона требует получать разрешение на проведение собраний (...). Действительно, ... необходимость уведомлять о массовом мероприятии и даже проходить процедуры по выдаче разрешения на его проведение обычно не посягает на суть права, предусмотренного статьей 11 Конвенции, **если цель** этих процедур заключается в том, чтобы предоставить властям возможность принять **разумные и надлежащие** меры по обеспечению благополучного проведения какого-либо собрания, встречи или иного мероприятия (...). Организаторы массовых мероприятий **обязаны** следовать правилам, регулирующим данный процесс, соблюдая действующее законодательство (...) (§ 147 там же). Предварительное уведомление направлено не только на то, чтобы сопоставить право на собрания с правами и законными интересами других лиц (в том числе с их правом на свободу передвижения), но и на предотвращение беспорядков и преступлений. **С целью** установить равновесие между этими противоречащими друг другу интересами государства-участники, как правило, предусматривают предварительные административные процедуры, когда готовится массовое выступление (...). Однако **подобного рода процедуры не должны являться скрытым препятствием при осуществлении охраняемой Конвенцией свободы мирных собраний** (...) (§ 148 там же). Поскольку государства вправе выдвигать требование получать разрешение, у них должна быть возможность налагать санкции на участников митингов, которые это требование не соблюдают (...). В то же время свобода принимать участие в мирных собраниях настолько важна, что человеку **нельзя** назначать наказание, даже если оно находится на нижней границе диапазона дисциплинарных санкций, за участие в митинге, который **не был запрещен, если он сам не совершил при этом каких-либо предсудительных действий** (...). Это справедливо и в тех случаях, когда в результате митинга причиняется ущерб или происходит какое-то иное нарушение общественного порядка (...) (§ 149 там же). Такая противозаконная ситуация, как организация митинга без предварительного разрешения, необязательно оправдывает вмешательство в осуществление человеком права на свободу собраний (...). Правила проведения публичных собраний, например, требование предварительно о них уведомлять, крайне важны для благополучного проведения массовых митингов, поскольку они позволяют властям свести к минимуму перебои в движении транспорта и принять иные меры по обеспечению безопасности, однако **необходимо, чтобы их реализация не становилась самоцелью** (...). В частности, в тех случаях, когда митингующие не прибегают к насилию, властям государства важно проявить определенную степень терпимости к мирным выступлениям, если только свобода собраний, которую гарантирует статья 11 Конвенции, не лишится при этом всякого смысла (...) (§ 150 там же). Если на проведение мероприятия не было получено предварительного разрешения, а значит, оно **является "незаконным", это не развязывает властям руки; они по-прежнему ограничены требованием соразмерности, содержащимся в статье 11 Конвенции**. Прежде всего **следует установить, почему** на проведение митинга не было выдано разрешения, **о каком общественном интересе идет речь**, и с **какими угрозами связано проведение митинга**. Методы, используемые полицией для сдерживания митингующих, удержание их на одном месте или разгон митинга также являются важными факторами при **определении соразмерности** вмешательства (...). Так, был сделан вывод, что использование полицией баллончиков с перцовым газом для разгона несанкционированной демонстрации является несоразмерным, хотя Европейский Суд и признал, что демонстрация могла вызвать перебои в движении транспорта (...) (§ 151 там же). ... при особых обстоятельствах, когда спонтанное выступление, например, в **ответ**

на какое-то политическое событие, может быть оправдано, если оно не сопряжено с незаконными действиями его участников, то разгон этого выступления исключительно из-за несоблюдения требования предварительно уведомить о его проведении может представлять собой несоразмерное ограничение **свободы мирных собраний** (§ 152 там же). ... принцип, установленный в деле "Букта и другие против Венгрии", нельзя понимать настолько широко, что отсутствие предварительного уведомления о спонтанной демонстрации ни при каких обстоятельствах не может служить законным основанием для ее разгона. **Право на проведение спонтанных демонстраций** может перевешивать обязательство предварительно уведомлять о массовых собраниях лишь в особых обстоятельствах, например, когда **возникает необходимость немедленно отреагировать** на то или иное событие путем проведения митинга. В частности, такое отступление от общего правила может быть оправдано, **если в случае задержки такая реакция лишилась бы всякого смысла** (...) (§ 153 там же). Кроме того, нужно отметить, что разогнан может быть даже такой митинг, на проведение которого на законных основаниях было получено разрешение, например, если он перерастает в массовые беспорядки (...) (§ 154 там же). Любая демонстрация в общественном месте в известной степени может нарушить обычную жизнь, в том числе вызвать перебои в движении транспорта (...). Сам по себе этот факт **не оправдывает** вмешательства в осуществление права на свободу собраний (...), так как государству важно проявить определенную степень терпимости (...). Необходимую "степень терпимости" нельзя устанавливать in abstracto (лат. - в общем плане): Европейский Суд должен **учитывать конкретные обстоятельства дела** и, в частности, **масштабы "нарушения обычной жизни"** (...). При этом важно, чтобы организации и иные лица, организующие демонстрации, являясь участниками демократического процесса, следовали правилам их проведения и соблюдали действующее законодательство (...) (§ 155 там же). Умышленный отказ организаторов следовать этим правилами и решение выстроить всю демонстрацию или ее часть таким образом, чтобы обычная жизнь и иные виды деятельности были нарушены в большем объеме, чем это **неизбежно в сложившихся обстоятельствах**, представляют собой действия, которые не могут подлежать такой же привилегированной защите согласно Конвенции, как политические высказывания, дискуссия по вопросам, представляющим интерес для общества, или мирное выражение мнений по подобным вопросам. Напротив, ... государства-участники пользуются широкими пределами усмотрения при определении необходимости принимать меры по ограничению таких действий (...) (§ 156 там же). Ограничения свободы мирных собраний в общественных местах могут быть направлены на защиту прав других лиц для предотвращения беспорядков или перебоев в движении транспорта (...). Поскольку слишком большое количество народа на массовых мероприятиях сопряжено с угрозами, в разных странах довольно часто вводятся ограничения, касающиеся места, даты, времени, формы или способа проведения запланированного мероприятия (...) (§ 157 там же). Государства **обязаны** не только воздерживаться от **необоснованных** косвенных ограничений права мирных собраний, но и **охранять это право**. **Основной целью** статьи 11 Конвенции **является защита человека от произвольного вмешательства органов государственной власти в осуществление прав, охраняемых этой статьей** (...), однако в дополнение к этому могут существовать и **позитивные обязательства** по **обеспечению эффективного пользования этими правами** (...) (§ 158 там же). На внутригосударственные органы власти возложена **обязанность** принимать **надлежащие** меры в отношении **любой** законной демонстрации **с целью обеспечить** ее мирное проведение и безопасность всех граждан (...). Однако они не могут гарантировать это абсолютно во всех обстоятельствах и пользуются широкими пределами усмотрения при выборе средств, которые они могут использовать (...). В этой сфере **обязательство**, которое они принимают на себя **согласно статье 11 Конвенции**, касается не результатов, которых нужно достичь, а **мер, которые необходимо принять** (...) (§ 159 там же). В частности, ... **важно принимать профилактические меры** по обеспечению безопасности, например, обеспечивать дежурство на месте проведения митингов бригад "скорой помощи" с целью гарантировать благополучное проведение подобного рода митингов, собраний или иных мероприятий, будь то политического, культурного или иного характера (...)» (§ 160 там же).

«... если внутригосударственные органы пользуются широкими пределами усмотрения, **процессуальные гарантии**, доступные лицу, **имеют особое значение при определении того, вышли ли власти государства-ответчика за пределы своего усмотрения при создании регулятивной базы**. В частности, Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о том, **являлся ли справедливым процесс принятия**

решений, повлекший меры вмешательства, и **обеспечивал ли он надлежащее уважение интересов, гарантированных лицу Конвенцией** (...) (§ 418 **Постановления от 07.02.17 г. по делу «Lashmankin and Others v. Russia»**). ... отказ в согласовании места публичного собрания только на основании того, что оно состоится в то же время и в том же месте, что и другое публичное мероприятие, в отсутствие ясного и объективного указания на то, что оба мероприятия не могут проводиться целесообразным образом в результате применения полицейских сил, составляет непропорциональное вмешательство в свободу собраний (...) (§ 422 **там же**). ... сам по себе риск столкновений между демонстрантами и их оппонентами является недостаточным в качестве оправдания для запрета мероприятия. Если бы любая возможность напряженности и оживленного обмена мнениями противоположных групп во время демонстрации требовала ее запрета, общество столкнулось бы с лишением возможности выслушивать иные взгляды по любому вопросу, который оскорбляет чувствительность мнения большинства. Участники публичного мероприятия **должны иметь возможность** продолжать свою демонстрацию без опасения подвергнуться физическому насилию со стороны противников. Таким образом, в **обязанности** государств-участников входит принятие **разумных и подходящих** мер для **обеспечения** мирного проведения **законных** демонстраций (...). В этой связи ... ссылка на негативное отношение других лиц на взгляды, высказываемые на публичных собраниях, не может служить оправданием для отказа в разрешении проведения собрания или для решения о его перенесении из центра города на окраину. Отсутствуют признаки того, что решение принималось внутригосударственными властями с учетом оценки ресурсов, необходимых для нейтрализации угрозы. Вместо рассмотрения мер, которые могли бы позволить провести публичное мероприятие заявителей без препятствий, власти предпочли перенести его проведение из центра города в отдаленное и пустынное место (...) (§ 425 **там же**). ... Действительно, во многих случаях власти предлагали места для проведения мероприятий вне центра города, далеко от правительственных учреждений и с ограниченным доступом людей, то есть вне пределов видимости и слышимости **целевой аудитории** (...). ... практика разрешения властями проведения собрания только в месте, не находящемся в пределах видимости и слышимости **целевой аудитории**, где его воздействие заглушается, **несовместимо с требованиями** статьи 11 Конвенции (...) (§ 426 **там же**). ... в период, относящийся к обстоятельствам дела, **правовая система Российской Федерации не позволяла добиться судебной проверки отказа властей в согласовании места, времени или способа проведения публичного мероприятия до его запланированной даты** (...). Кроме того, **пределы** судебной проверки **ограничены** рассмотрением законности предложения об изменении места, времени или способа проведения публичного мероприятия и **не включают какую-либо оценку его "необходимости" и "пропорциональности"** (...). Действительно, **широта дискреции исполнительной власти такова**, что, по-видимому, **трудно, если не невозможно доказать**, что **любые** предложения об изменении места, времени или способа проведения публичного мероприятия являются незаконными или "необоснованными" (...) (§ 428 **там же**). ... Подводя итог, Европейский Суд учитывает, что в делах, возникающих по индивидуальным жалобам, **его задача** обычно заключается не в отвлеченной оценке соответствующих законодательства и практики, а в **рассмотрении способа, которым это законодательство применялось к заявителю при конкретных обстоятельствах** (...). Факты настоящего дела демонстрируют отсутствие адекватных и эффективных правовых гарантий против произвольного и дискриминационного осуществления широкой дискреции, предоставленной органам исполнительной власти. Соответственно, **внутригосударственные правовые нормы, регулирующие полномочия по предложению изменения места, времени или способа проведения публичных мероприятий, не отвечают конвенционным требованиям "качества закона"**... » (§ 430 **там же**).

1.1.6 Также «... Европейскому Суду **следует внимательно проанализировать доводы, принятые во внимание во время законодательного процесса и повлекшие выбор, сделанный законодателем**, и определить, было ли установлено справедливое равновесие между конкурирующими интересами государства или общества в целом и лиц, которых прямо затронет этот законодательный выбор (...)» (§ 117 **Постановления от 04.04.18 г. по делу «Correia de Matos v. Portugal»**).

«... выражение "предусмотрено законом" в статьях 8 - 11 Конвенции не только **требует**, чтобы оспариваемая мера имела некоторую основу во внутригосударственном законодательстве, но также **касается качества** указанного закона. Закон **должен** быть доступен заинтересованным лицам и сформулирован с достаточной определенностью,

позволяющей им при необходимости с помощью соответствующей консультации **предвидеть** в степени, которая является **разумной** при таких обстоятельствах, **последствия, которые может повлечь данное действие** (...). Кроме того, закон **должен** быть сформулирован в достаточно ясных выражениях, чтобы **давать адекватное представление об обстоятельствах и условиях**, при которых публичные органы вправе прибегнуть к вмешательству в **права, гарантированные Конвенцией** (...) (§ 410 **Lashmankin and Others**). Чтобы внутригосударственное законодательство отвечало этим требованиям, оно **должно** предусматривать **меры правовой защиты от произвольного вмешательства публичных властей в права, гарантированные Конвенцией**. В вопросах, затрагивающих **основные права**, противоречило бы принципу верховенства права, одному из **основных** принципов демократического общества, воплощенных в Конвенции, если бы исполнительная власть пользовалась дискрецией в степени неограниченных полномочий. В связи с этим в законе **должны** быть указаны с достаточной ясностью **пределы** дискреционных полномочий компетентных органов и **порядок их осуществления** (...)» (§ 411 **там же**).

1.1.7 Поскольку **приходится** обращаться к Мафиози, Бандитам и их Обслуге, поэтому следует напомнить, что «Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что, подвергнув ее административному аресту и штрафу, государство-участник нарушило ее право на свободу собраний. Автор утверждает, что была арестована в ходе мирной акции протеста, представлявшей собой «прямую и непосредственную» реакцию на объявление результатов парламентских **выборов, которые были сочтены сфальсифицированными**. Государство-участник утверждает, что автор была задержана и приговорена к выплате штрафа за организацию публичного мероприятия без подачи уведомления органу местной власти за десять дней до планируемого мероприятия, как того требует Федеральный закон № 54-ФЗ, а также за отказ подчиниться законному распоряжению сотрудников полиции, которые пытались прекратить данную акцию (п. 7.2 **Соображений КПЧ от 06.04.18 г. по делу «Elena Popova v. Russia»**). ... **право на мирные собрания, гарантируемое статьей 21 Пакта**, является **одним из основных** прав человека, **которое выступает неотъемлемым элементом публичного выражения мнений и убеждений личности и необходимо в демократическом обществе** (...). Это право подразумевает **возможность организации мирного собрания в общественном месте и участия в нем**. Организаторы собрания **обычно имеют право выбирать место, в котором их может увидеть и услышать их целевая аудитория**, и какое-либо ограничение этого права является недопустимым, за исключением случаев, когда а) оно налагается в соответствии с законом; и б) является необходимым в демократическом обществе, отвечая интересам государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Когда государство-участник налагает ограничения **в целях** обеспечения равновесия между правом человека на собрание и вышеупомянутыми общими интересами, оно **должно руководствоваться целью содействовать осуществлению данного права, вместо того чтобы стремиться избыточно или несоразмерно ограничивать его** (...). Государство-участник, таким образом, **обязано обосновать** ограничение права, защищаемого статьей 21 Пакта (...) (п. 7.3 **там же**). В данном случае административный арест и штраф, наложенные на автора, представляют собой **нарушение ее права** на мирные собрания. Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что данное ограничение было наложено в соответствии со статьей 31 Конституции РФ и статьей 5 (4) (1) Закона о публичных мероприятиях, которая требует подачи уведомления в местные органы власти (...). Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что требование направлять уведомление отвечает интересам защиты общественного порядка, а также прав и свобод других граждан (...). Комитет далее отмечает утверждение автора о том, что, несмотря на то, что такое ограничение, возможно, является правомерным согласно внутреннему законодательству, ее арест, осуждение и наложение административного штрафа **не были необходимыми в демократическом обществе для достижения законных целей**, на которые ссылается государство-участник (...). Автор далее утверждает, что **протест в ответ на такую важную проблему, как обвинения в фальсификации результатов выборов, носил абсолютно мирный характер, не причинял никому вреда и не представлял опасности для кого-либо или чего-либо** (...) (п. 7.4 **там же**). ... требования о подаче уведомления могут быть совместимы с допустимыми ограничениями, предусмотренными в статье 21 Пакта (...). Однако, несмотря на то, что требование о подаче предварительного уведомления может иметь большое значение для нормального

проведения демонстраций, его применение **не может быть самоцелью** (...). Любое вмешательство в право на мирное собрание **должно быть обосновано** государством-участником **с учетом второго предложения статьи 21**. Это особенно верно в случае спонтанных демонстраций, которые **в силу своего характера не могут зависеть от требования** подачи предварительного уведомления (п. 7.5 **там же**). Комитет отмечает утверждение автора о том, что **суды рассмотрели только** вопрос о том, было ли получено предварительное уведомление, и **не пояснили, каким образом действия автора перестали быть мирными или нарушили общественный порядок, например, создавая помехи движению пешеходов и транспортных средств** (см. пункт 3.2 выше), при этом **государство-участник не оспаривает это утверждение**. В этой связи Комитет, исходя из представленных ему материалов, считает, что государство-участник не продемонстрировало, что административный арест и штраф в отношении автора в результате **спонтанного и мирного** общественного протеста были **необходимы** в демократическом обществе и **соразмерны** интересам национальной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц, **как это предусмотрено в статье 21 Пакта**. В силу этих причин Комитет полагает, что с учетом обстоятельств настоящего дела **государство-участник нарушило положения статьи 21 Пакта** (п. 7.6 **там же**). ... Согласно подпункту а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник **обязано** предоставить лицам, права которых, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты. Соответственно, государство-участник **обязано**, в частности, предоставить автору достаточную компенсацию и возмещение штрафа и **любых** понесенных ей юридических издержек. Кроме того, государство-участник **обязано** принять меры для обеспечения того, чтобы аналогичные нарушения не повторялись в будущем. В этой связи **государству-участнику следует пересмотреть свои национальные законы в целях обеспечения их соответствия статье 21 Пакта, в том числе в контексте спонтанных демонстраций**» (п. 9 **там же**).

1.1.8 «Комитет также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что автор был наказан не за выражение своего мнения, а за **организацию незаконного собрания**, на которое **он не получил предварительного разрешения**. В этой связи ... поскольку государство-участник **ввело процедуру организации** массовых мероприятий, **оно фактически установило ограничения на осуществление прав** на свободу выражения мнений и собраний (...). ... государство-участник **наложило ограничения на права автора**, в частности на его право распространять всякого рода информацию и идеи, **предусмотренное в пункте 2 статьи 19 Пакта**, и его право на мирные собрания, **предусмотренное статьей 21**. Исходя из вышесказанного, Комитет должен определить, могут ли эти ограничения, наложенные на права автора, быть **оправданы** с точки зрения пункта 3 статьи 19 и второго предложения статьи 21 (п. 9.3 **Соображений КПЧ от 12.03.20 г. по делу «Halelkhan Adilkhanov v. Kazakhstan»**). ... **свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности** и такие свободы имеют **ключевое** значение для **любого** общества. Они являются **основополагающими** элементами **любого** свободного и демократического общества. ... именно государство-участник **должно** продемонстрировать, что **ограничения прав автора по статье 19 (3)** являлись **необходимыми и соразмерными** а) для соблюдения прав и защиты репутации других лиц и б) для охраны государственной безопасности и общественного порядка, здоровья или нравственности населения. **Любое** ограничение осуществления таких свобод **должно строго отвечать требованию необходимости и соразмерности**. Ограничения могут устанавливаться **лишь для тех целей**, для которых они **предназначены**, и они **должны** быть прямо связаны с **конкретной целью**, достижение которой они **преследуют**, и быть ей **соразмерны** (...). ... именно государству-участнику **надлежит доказать**, что **ограничения прав автора**, которые **предусмотрены статьей 19 Пакта**, были **необходимыми и соразмерными** (...) (п. 9.4 **там же**). ... По словам автора, это **собрание носило мирный характер**, и его **участники не совершали никаких противоправных действий**. Комитет также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что автор был наказан за организацию незаконного собрания, на которое он не получил предварительного разрешения. По мнению государства-участника, лица, принимавшие участие в собрании, создавали препятствие для свободного прохода других людей мимо памятника Райымбеку, и в этих обстоятельствах действия сотрудников полиции и судов были законными, поскольку они были направлены на поддержание общественного порядка, а санкции, примененные в отношении автора, были оправданными и соразмерными (п. 9.5

там же). ... хотя по утверждению **государства-участника** эти ограничения были необходимы для поддержания общественного порядка, оно **не сослалось на какие-либо конкретные основания в поддержку необходимости** ограничений, введенных в отношении автора, как это **требуется в соответствии с пунктом 3 статьи 19** (...). Кроме того, **государство-участник не привело достаточных причин**, по которым было необходимо задержать и наказать автора в свете совершенных им 1 марта 2013 года конкретных действий, и **не обосновало** необходимость наложения на него административного штрафа, как это **требуется в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта** (...). В этой связи ... государство-участник **должно** продемонстрировать, что **ограничения на право автора по статье 19** являются **необходимыми**, и что, даже если государство-участник вводит систему, направленную на обеспечение равновесия между соблюдением права отдельных лиц на свободу слова и общими интересами поддержания общественного порядка в определенном месте, эта **система не должна функционировать таким образом, который несовместим с положениями статьи 19 Пакта** (...). В данных обстоятельствах ..., хотя наложенные на права автора ограничения опираются на внутреннее законодательство, **не было приведено доказательств** того, что они являются **оправданными** и **соразмерными согласно условиям пункта 3 статьи 19 Пакта**. Поэтому он приходит к выводу о том, что **права автора по пункту 2 статьи 19 Пакта** были нарушены (...) (п. 9.6 **там же**). ... **право** на мирные собрания, **гарантируемое статьей 21 Пакта**, является **фундаментальным** правом человека, которое имеет **существенное** значение для публичного выражения мнений и убеждений личности и **незаменимо** в демократическом обществе. Это право предполагает **возможность** организации мирного собрания в общественном месте и участия в нем. Организаторы собрания, как правило, имеют право выбирать место, где их может увидеть и услышать их **целевая аудитория**, а **ограничения этого права недопустимы, за исключением случаев**, когда ограничение а) устанавливается в соответствии с законом и б) является необходимым в демократическом обществе **в интересах** охраны государственной или общественной безопасности (ordre public), общественного порядка, здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Когда государство-участник налагает ограничения **в целях** обеспечения равновесия между правом человека на собрания и вышеупомянутыми общими интересами, оно **должно руководствоваться целью содействовать осуществлению данного права**, а не стремиться избыточно или несоразмерно ограничивать его (...). Таким образом, государство-участник **обязано обосновать** необходимость ограничения **права, гарантируемого статьей 21 Пакта**, и **доказать**, что такое ограничение не является несоразмерным препятствием для **осуществления этого права** (...) (п. 9.7 **там же**). ... требование запрашивать у властей разрешение в тех случаях, когда **режим выдачи разрешения фактически равнозначен системе уведомления**, а разрешение на проведение публичного мероприятия выдается в установленном порядке, само по себе не является нарушением статьи 21 Пакта, **если его применение согласуется с положениями Пакта** (...). Неуведомление властей о проведении собрания **не должно делать участие в нем незаконным** и само по себе **не должно служить основанием для разгона собрания или ареста его участников** или организаторов, а также **для применения необоснованных санкций**, например предъявления им обвинений в совершении уголовных преступлений (...). Даже в случае несанкционированного собрания любое вмешательство в право на мирные собрания **должно быть мотивировано в соответствии со вторым предложением статьи 21** (...) (п. 9.8 **там же**). ... ни государство-участник, ни национальные суды не представили каких-либо пояснений в отношении того, каким образом задержание автора и наложение на него административного штрафа были **оправданы** в соответствии с **условиями необходимости** и **соразмерности, предусмотренными в статье 21 Пакта**. В этой связи Комитет делает вывод о том, что представленные ему факты указывают также на **нарушение прав автора, предусмотренных статьей 21 Пакта** (п. 9.9 **там же**). ... Согласно пункту 3 а) статьи 2 Пакта, государство-участник **обязано** предоставить автору эффективное средство правовой защиты. В частности, оно **должно предоставить полное возмещение лицам, чьи права, гарантируемые Пактом, были нарушены**. Соответственно, государство-участник **обязано**, среди прочего, принять соответствующие меры для того, чтобы предоставить г-ну Адильханову **надлежащую компенсацию**. Государство-участник также **обязано** принять **все необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем**. В этой связи ... **в соответствии со своими обязательствами по пункту 2 статьи 2 Пакта** государству-участнику **следует пересмотреть свое законодательство** с целью обеспечения того, чтобы

права, предусмотренные статьями 19 и 21 Пакта, могли быть в полной мере реализованы в государстве-участнике» (п. 11 там же).

1.1.9 «... **арест или заключение в наказание за законное осуществление прав, гарантируемых Пактом, включая свободу мнений и их свободного выражения и свободу собраний, носит произвольный характер** (...). В свете выводов Комитета о нарушении прав автора по статьям 19 и 21 и в отсутствие разъяснения со стороны государства-участника относительно необходимости арестов автора в обстоятельствах осуществления ее прав по Пакту Комитет также считает, что лишение свободы, которому была подвергнута автор, носило произвольный характер. Соответственно, ... вышеуказанные факты вскрывают нарушение прав автора по статье 9 (1) Пакта (п. 13.10 **Соображений КПЧ от 04.04.18 г. по делу «Adelaida Kim v. Uzbekistan»**). ... Согласно пункту 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник несет **обязанность** предоставить автору эффективное средство правовой защиты. А для этого требуется предоставить **полное** возмещение лицам, **у которых были нарушены их права по Пакту**. Соответственно, государство-участник **несет обязанность** среди прочего предпринять надлежащие шаги к тому, чтобы предоставить автору **адекватную** компенсацию и **соответствующие** меры удовлетворения, включая возмещение **любых** понесенных ею судебных или иных расходов, а также неденежных убытков. Государство-участник также несет **обязанность** предпринять **все необходимые** шаги к тому, чтобы **предотвратить** возникновение аналогичных нарушений в будущем» (п. 15 там же). Также «... **не было никаких правовых оснований для задержания автора после того, как ее личность была установлена**. ... никто не должен произвольно задерживаться за осуществление своего права на свободу выражения мнений, включая свободу искать, получать и распространять информацию (...). Поэтому с учетом обстоятельств, изложенных выше, Комитет приходит к выводу о том, что **права автора, предусмотренные пунктом 1 статьи 9 Пакта**, были нарушены» (п. 6.2 **Соображений КПЧ от 15.10.18 г. по делу «Liubou Pranevich v. Belarus»**).

1.1.10 Таким образом, «**Вопиющие** примеры произвольного принудительного содержания включают в себя ... **аресты с целью вымогательства взяток** и в **других аналогичных преступных целях** (п. 16 **Замечаний КПЧ общего порядка № 35**). Произвольными являются арест или содержание под стражей **в наказание за законное осуществление прав, гарантированных в соответствии с Пактом**, включая право на свободу мнений и их свободное выражение (статья 19) (...), свободу собраний (статья 21), свободу ассоциации (статья 22), свободу религии (статья 18), а также **право на неприкосновенность частной жизни** (статья 17). ...» (п. 17 там же). Также «... Понятие "произвольности" не следует приравнивать к понятию "противозаконности", а следует толковаться более широко, включая в него элементы **неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий** (...), наряду с элементами **целесообразности, необходимости и соразмерности**. ...» (п. 12 **Замечаний КПЧ общего порядка № 35**). «Общим принципом ... считается то, что заключение под стражу является "произвольным", когда несмотря на соблюдение буквы национального закона со стороны государственных органов имел место элемент недобросовестности или обмана (...), или когда органы власти не применили **правильно соответствующее** законодательство (...» (§ 78 **Постановления от 09.07.09 г. по делу «Mooren v. Germany»**). «... понятие **произвольных действий** не сводится к произвольным действиям процедурного характера, а **распространяется на целесообразность вмешательства в права** индивида по статье 17 и **совместимость** таких действий с **целями, принципами и предметом** Пакта (...» (п. 8.8 **Соображений КПЧ от 21.07.11 г. по делу «Jama Warsame v. Canada»**), например, **когда без достаточных на то оснований берут отпечатки пальцев**, что относится к вмешательству в личную жизнь (§§ 66 - 69, 78 - 86 **Постановления от 04.12.08 г. по делу «S. and Marper v. United Kingdom»**, §§ 45 - 47, 104 **Постановления от 05.11.15 г. по делу «Chukayev v. Russia»**, §§ 51, 53 **Постановления от 26.06.18 г. по делу «Fortalnov and Others v. Russia»**, §§ 29, 46 **Постановления от 18.04.13 г. по делу «M.K. v. France»**). «... **крайне важно** толковать сомнения в пользу лица, **являющегося объектом анализа**» (п. 10.4 **Соображений КПП от 07.02.20 г. по делу «H.V. v. Spain»**).

Здесь также следует помнить о том, что «... **объект и цель** Конвенции, международного договора по правам человека, **защищающего людей на объективной основе** (...), **требуют** толковать и применять ее положения таким образом, чтобы ее **требования были реально действующими** и **практически осуществимыми** (...). ...

поскольку **Конвенция является конституционным инструментом обеспечения европейского правопорядка** (...), от государств-участников **требуется** в этом контексте **обеспечивать контроль за соблюдением Конвенции** по меньшей мере на таком уровне, на котором **сохраняются основы** этого правопорядка. Одним из **основных** элементов европейского правопорядка является **принцип верховенства права**, а **произвол представляет собой отрицание этого принципа**. Даже в контексте толкования и применения внутригосударственного законодательства, когда Европейский Суд наделяет власти очень широкими пределами усмотрения, он **всегда** прямо или косвенно это делает, **если только действует запрет на произвол** (...)» (§ 145 **Постановления от 21.06.16 г. по делу «Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland»**).

1.2 **Вывод.** Таким образом, поскольку «... **внутригосударственные правовые нормы, регулирующие полномочия по предложению изменения места, времени или способа проведения публичных мероприятий, не отвечают конвенционным требованиям "качества закона"**... » (§ 430 **Постановления от 07.02.17 г. по делу «Lashmankin and Others v. Russia»**), поэтому «... **государству-участнику следует пересмотреть свои национальные законы в целях обеспечения их соответствия статье 21 Пакта, в том числе в контексте спонтанных демонстраций**» (п. 9 **Соображений КПЧ от 06.04.18 г. по делу «Elena Popova v. Russia»**), так как эти нормы **не отвечают качеству закона** и необходимости в демократическом обществе (§§ 410, 411 **Lashmankin and Others**), в связи с чем не могут рассматриваться как «предусмотрено законом». То есть **существующие нормы Мафиози и Бандитов в рассматриваемой части – это основа Произвола и Беззакония**, влекущие **создание конфликтов интересов**, неминуемый отвод и увольнение с занимаемых должностей исполнителей (ст. 10, ч.ч. 5, 6 ст. 11 ФЗ «О противодействии коррупции») и расследования на предмет наличия в них коррупциогенных признаков (ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ).

14.05.20 г. сотрудники полиции превысили свои должностные полномочия, совершили множественные **преступления** и **нарушили фундаментальные** права Шлякова В.В. и Лондарь Д.В., в связи с чем **должно** быть проведено «... **эффективные, незамедлительные, тщательные и беспристрастные расследования по фактам нарушений** и, когда это целесообразно, принимать меры против предполагаемых виновников в соответствии с **нормами национального законодательства и международного права**» (п. b Принципа 3 **Принципов о компенсации**). Также «В случае **грубых нарушений международных норм** в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права, являющихся **преступлениями согласно международному праву**, государства **обязаны** проводить расследования и, при наличии достаточных улик, **обязаны подвергать судебному преследованию лиц**, предположительно совершивших эти нарушения, **а в случае доказанности вины - наказывать виновных**. Кроме того, в таких случаях государства **должны**, в соответствии с **международным правом**, сотрудничать друг с другом и помогать компетентным международным судебным органам в **расследовании** этих нарушений и **преследовании за них**» (Принцип 4 **там же**).

Поэтому важно отметить, что **в России Жертв** Россия Мафиози и Бандитов для Жертв **отменили все** нормы права, на которые они могли бы **опираться** для **защиты** своих прав, свобод и законных интересов и применяются **только** те нормы права и **опять-таки в паралогическом истолковании** (§ 149 **Постановления от 12.06.08 г. по делу «Vlasov v. Russia»**, § 112 **Постановления от 27.05.10 г. по делу «Artyomov v. Russia»**, §§ 83, 84 **Постановления ЕСПЧ от 25.11.10 г. по делу «Roman Karasev v. Russia»**), которые позволяют Мафиози и Бандитам **расправляться** с Жертвами. Это подтверждается тем, что,

1.2.1 во-первых, при задержании сотрудники полиции **обязаны** были **разъяснить** задержанным **все** их права (п.п. 7.5, 7.6 **Соображений КПЧ от 12.03.20 г. по делу «Viktor Taran v. Ukraine»**, § 77 **Постановления от 15.02.12 г. по делу «Grinenko v. Ukraine»**, § 80 **Постановления от 26.06.18 г. по делу «Fortalnov and Others v. Russia»**) и **порядок их осуществления** (Принцип 13 Свода Принципов), что Жертвам **гарантировано** взаимосвязанными (п.п. 15.3, 15.4, 17.6 **Соображений КПЭСКП от 20.06.17 г. по делу «Mohamed Ben Djazia and Naouel Bellili v. Spain»**) **требованиями** (**императивные** нормы, отклонение от которых **недопустимо**: ст. 53 Венской конвенции о международных договорах) п. «а» ст. 6 Декларации о праве, Принципом 13 Свода Принципов, п. 1 Принципа IV Руководящих принципов, п. 3 ст. 2, п. 2 ст. 9, п. 2 ст.

19 Пакта, п. 2 ст. 5, ст.ст. 10, 13 Конвенции, ст. 22, ч. 4 ст. 29, ст. 45 Конституции РФ. Непредставление информации, **повлекшее нарушение** прав является, как минимум, **преступлением**, предусмотренным ст. 140 УК РФ. Это то, что **создал** этот Мафиозно-криминальный режим и что **доказывает** его наличие и существование, поскольку «... **неразъяснение прав, сопровождающееся последующим их нарушением, может служить основанием для признания недействительными процессуальных действий, совершенных с этими нарушениями.** ...» (п. 2 мот. части **Определения КС РФ № 152-О от 08.04.04 г.**). При этом, «... Отсутствие в бланке протокола ознакомления обвиняемого и (или) его защитника с обвинительным актом и материалами уголовного дела указания о разъяснении обвиняемому его прав, в том числе права заявить ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства, **не может расцениваться как свидетельство отсутствия у следователя или дознавателя обязанности** разъяснить обвиняемому его права. **Сами по себе подобные бланки, имея вспомогательное значение, не обладают нормативным характером и не могут исключать необходимость выполнения предписаний уголовно-процессуального закона...** » (**там же**), что более полно психически здоровым объяснено в п. 1.2.8 заявления № 3161 (Заяв.№3161ВозбУгДело (<https://clc.to/zMkjqg>)). «... Вопрос о том, отказался ли "обвиняемый" от своих прав, зависит, таким образом, в значительной степени от того, **каким способом эти права были ему разъяснены.** ...» (§ 151 **Постановления от 11.12.18 г. по делу «Rodionov v. Russia»**).

Также «... **отсутствие же корреспондирующей праву** гражданина **обязанности** государственных органов **не может не приводить к умалению права как такового**, что согласно статьи 55 (часть 2) Конституции РФ **является недопустимым**» (п. 5 мот. части **Постановления КС РФ № 3-П от 18.02.2000 г.**, тот же смысл в § 46 **Постановления от 13.03.12 г. по делу «Nefedov v. Russia»**), что более полно психически здоровым объяснено в п.п. 1.6 – 1.6.1, 1.7 – 1.7.1 жалобы № 3151 (Жал.№3151Анна (<https://clc.to/GV-06Q>)).

Тот факт, что Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. в отделении полиции, но **не в момент задержания**, ознакомили с **текстами** ст.ст. 46, 51 Конституции РФ, 24.4, 25.1, 25.5 КоАП РФ не опровергает того факта, что право на информацию о их правах было **нарушено изначально**. Но поскольку ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ имеет **бланкетный** характер и **фактически правовое содержание содержится в иных нормах** (п. 3 мот. части **Постановления КС РФ № 3-П от 25.04.95 г.**, **Решения Мосгорсуда от 10.10.17 г. по делам № 7-11170/2017, № 7-11182/2017, № 7-11183/2017**), поэтому и в данном случае **право на информацию о правах было нарушено**, поскольку не был разъяснен **порядок осуществления** декларируемых прав. То есть приведенные «разъяснения» являются **неинформативными** (§ 44 **Постановления от 17.01.08 г. по делу «Ryakib Viryukov v. Russia»**), поскольку **не позволяют применить «полученную» информацию на практике**. Из текста «ознакомления» с правами **невозможно** установить **точное время** этого «ознакомления», что имеет **существенное значение** для решения вопроса о **возможности** реализации прав, а, значит, о **недопустимости** полученного доказательств (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, п.п. 2 мот. части **Определения КС РФ № 152-О от 08.04.04 г.**, п. 16 **ППВС РФ № 8 от 31.01.95 г.**, абзац 2 п. 18 **ППВС РФ № 5 от 24.03.05 г.**) составленных документов.

Говоря об **устойчивой практике**, созданной Мафиози и Бандитами следует напомнить о том, что «... **в отсутствие уведомления заявителя о задержании непосредственно после этого и об инкриминируемых ему деяниях**, а также о его праве хранить молчание **заявителю было очень сложно оценить будущую сферу применения своих показаний** (...). Кроме того, заявитель не был предупрежден о том, что, если он решит говорить, все его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. ... утверждение о том, что отказ обвиняемого от важного права, предусмотренного статьей 6 Конвенции, подразумевается в связи с его поведением, допустимо при условии, что **доказано**, что обвиняемый **мог разумно предвидеть последствия своего поведения** (...). В связи с этим ... **ссылка на статью 51 Конституции РФ** в форме заранее отпечатанного упоминания **недостаточна** для того, чтобы позволить заявителю **предвидеть "осознанно и информированно" последствия своего поведения** в случае, если он решит не хранить молчание (§ 156 **Постановления от 11.12.18 г. по делу «Rodionov v. Russia»**). ... в ряде дел он установил существование в Российской Федерации **практики, заключающейся в задержке оформления статуса подозреваемого** в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ в отношении задержанного лица и **лишающей, таким образом, это лицо эффективного осуществления своих прав** (...). ...» (§ 158 **там же**). То есть в России

создана устойчивая системная проблема (п. 9.8 **Решения КПП от 04.12.19 г. по делу «Paul Zentveld v. New Zealand»**, § 22 **Постановления от 28.07.99 г. по делу «Bottazzi v. Italy»**, §§ 46, 47 **Постановления от 20.03.18 г. по делу «Igranov and Others v. Russia»**), когда «... определение статуса заявителя в качестве задержанного подозреваемого в преступлении было отложено на несколько часов **в отсутствие разумного объяснения (...)**» (§ 38 **Постановления от 10.04.18 г. по делу «Sidorin and Others v. Russia»**), что и позволяет фальсифицировать дела и совершать, как минимум, преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, ст.ст. 303, 315 УК РФ.

Что касается навязываемых адвокатов, то Мафиози и Бандиты **создали практику**, когда «... **у него не было возможности** обсудить с ним стратегию защиты, и **адвокат не объяснил ему его права...**» (§ 66 **Постановления от 26.11.19 г. по делу «Belugin v. Russia»**).

Также о правовых последствиях не разъяснения прав смотреть п. 3.1 ниже.

1.2.2 Во-вторых, **с момента** задержания Жертвам **должно быть обеспечено осуществление их права** на помощь **избранных ими** защитников, что им **гарантировано** взаимосвязанными требованиями п.п. 1, 3 «b» ст. 14 Пакта, Принципы 1, 5 Основных принципов, касающихся роли юристов ООН, п.п. 2, 3 ст. 9 Декларации о праве, Принципом 17 Свода Принципов, п. 1 Принципа IV Руководящих принципов, п.п. 1, 3 «с» ст. 6 Конвенции, ст. 47 Хартии, ст. 48 Конституции РФ, ч. 1 ст. 25.1, ст. 25.5 КоАП РФ, п. 8 **ППВС РФ № 5 от 24.03.05 г.** и что психически здоровым **объяснено** в п.п. 1.6.2 – 1.6.4 жалобы № 3151. **Нарушение** этого права это тоже то, что **создал** Мафиозно-криминальный режим, хотя «... **право** не давать показания против себя и пользоваться помощью защитника, возникают **с момента фактического задержания** лица, **независимо** от времени составления соответствующего протокола. ... **конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным**, когда уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми **реально ограничиваются его свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения**. ... Согласно положениям Федерального закона "О полиции" в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, сотрудник полиции **обязан** разъяснить ему **причину и основания** применения таких мер, а также **возникающие в связи с этим права и обязанности** гражданина (пункт 2 части 4 статьи 5); в **каждом** случае задержания сотрудник полиции **обязан** в том числе **разъяснить** лицу, подвергнутому задержанию, его **право на юридическую помощь**, право на услуги переводчика, право на уведомление близких родственников или близких лиц о факте его задержания, право на отказ от дачи объяснения (часть 3 статьи 14); задержанное лицо **в кратчайший срок, но не позднее** трех часов **с момента** задержания, если иное не установлено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, **имеет право** на один телефонный разговор **в целях уведомления** близких родственников или близких лиц **о своем задержании и месте нахождения**; такое уведомление по просьбе задержанного лица может сделать сотрудник полиции (часть 7 статьи 14). ... » (**Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.02.15 г. по делу № 51-АПУ-15-5**).

«Закрепляя это **право как непосредственно действующее**, Конституция РФ не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с **формальным** признанием лица подозреваемым либо обвиняемым, а следовательно, и с моментом принятия органом дознания, следствия или прокуратуры какого-либо процессуального акта, и **не наделяет федерального законодателя правом устанавливать ограничительные условия его реализации** (абзац 2 п. 2 **Постановления КС РФ № 11-П от 27.06.2000 г.**). Норма статьи 48 (часть 2) Конституции РФ определенно указывает на **сущностные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи** в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. Поэтому **конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным**» (абзац 3 **там же**, то же в §§ 48, 49 **Постановления от 06.10.15 г. по делу «Turbylev v. Russia»**).

«... статья 6 Конвенции в ее уголовно-процессуальном значении **начинает применяться с момента**, когда **на лицо влияет** расследование... » (§ 97 **Постановления от 07.07.15 г. по делу «M.N. and Others v. San Marino»**). «... судебные органы ... **обязаны** назначить заявителю защитника, **чтобы обеспечить эффективное использование им**

своих прав, хотя бы заявитель прямо не просил об этом» (§ 38 **Постановления от 26.06.08 г. по делу «Shulepov v. Russia»**). «... помощь **назначенного** адвоката имела существенное значение для заявителя, поскольку **"последний мог эффективно привлечь внимание суда кассационной инстанции к любому существенному доводу в пользу заявителя"**, который мог повлиять на решение суда"... интересы правосудия **требовали**, чтобы для **обеспечения** справедливого разбирательства **заявитель мог извлечь выгоду из правового представительства** в заседании суда ... (§ 121 **Постановления от 17.12.09 г. по делу «Shilbergs v. Russia»**). ... без помощи практикующего юриста **заявитель не смог бы изложить доводы**, выдвинутые **в кассационной жалобе**, и **убедительно** выступить в суде по **затронутым правовым вопросам**, и таким образом **не смог бы эффективно защищать себя** (...)» (§ 122 **там же**).

Лишение **фундаментального** права на помощь **избранного Жертвой** защитника **с момента** задержания, то есть **наглое его нарушение** представителями власти, является, как минимум, **преступлением**, предусмотренным ч. 1 ст. 285 УК РФ. С учетом того, что **создана система нарушения п. 9.8 Решения КПП от 04.12.19 г. по делу «Paul Zentveld v. New Zealand», § 22 Постановления от 28.07.99 г. по делу «Bottazzi v. Italy», §§ 46, 47 Постановления от 20.03.18 г. по делу «Igranov and Others v. Russia»**) этого права и незаконное освобождение от ответственности **нарушителей закона**, то есть преступников (ст. 300 УК РФ), следует говорить об **организованном преступном сообществе** и преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 285 УК РФ для исполнителей (ч. 2 ст. 33 УК РФ) и ч. 4 ст. 210, ч. 3 ст. 285, ст. 300 УК РФ для организаторов (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

1.2.3 В-третьих, **с момента задержания** органы власти **обязаны** осуществлять видеозапись дальнейших действий, что психически здоровым объяснено в п.п. 1.9 – 1.9.11 заявления № 3123-2 (Заявл№3123ВновьОткрКуз2 (<https://clc.to/IOWHyw>)). Однако, поскольку в России установлен Мафиозно-криминальный режим, **главным признаком** которого является **система фальсификации** доказательств (п.п. 1.2.6 – 1.2.8 иска № 3117: Иск№3117Ирина3Верх (<https://clc.to/Husu8Q>)), поэтому видеозапись ведется **только** с целью осуждения Жертв и она **всегда** уничтожается и не принимается во внимание, когда речь заходит об ответственности Мафиози и Бандитов, **захвативших власть преступными способами**. Мафиози и Бандиты **ясно осознают**, что если бы осуществлялась видеозапись задержаний и последующих действий с Жертвами, то либо они **все** оказались на скамье подсудимых, либо у них не было бы возможности безнаказанности Грабить и Убивать. Они прекрасно **понимают**, что **ведение видеозаписи прекратит все споры** с разъяснением прав, составлением протоколов, дачей объяснений и т.д., а, значит, и с привлечением заведомо невиновных к различного рода «ответственности», то есть Грабежам и Разбоям. Но **так как Грабежи, Разбои и Убийства являются основным ремеслом Мафиози и Бандитов, поэтому видеозапись и не ведется** (по доказательствам см. п. 3.3. ниже).

1.2.4 В-четвертых, для задержания Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. **не было законных оснований** (§§ 72, 88 **Постановления от 26.05.20 г. по делу «Gremina v. Russia»**), а поэтому доставление их в отделение полиции является, как минимум, **преступлением**, предусмотренным ч. 1 ст. 301 УК РФ. В связи с чем напоминаем, что «... Различие между лишением и ограничением свободы проявляется лишь в степени или интенсивности, а не в природе меры или ее характере (...). **Защита против произвольного** задержания, предусмотренная пунктом 1 статьи 5 Конвенции, применяется к лишению свободы **любой** продолжительности, каким бы кратким оно ни было (...)» (§ 22 **Постановления от 08.10.19 г. по делу «Kapustin v. Russia»**). Право на свободу является крайне важным в «демократическом обществе» **в значении Конвенции** для лица, **теряющего право на защиту Конвенции** по той единственной причине, что **оно покорилось** и было заключено под стражу. **Заключение под стражу может являться нарушением статьи 5 Конвенции, даже если соответствующее лицо согласилось с таковым** (...) (§ 23 **там же**). Заявитель неизменно утверждал на национальном уровне и в Суде, что **он не хотел прекращать пикетирование и не склонен был идти в отделение полиции**; что он был **запуган** и **вынужден** был подчиниться «предложению» сделать это, **опасаясь**, что отказ идти с сотрудником полиции Т. в отделение мог стать основанием для привлечения его к ответственности за правонарушение согласно статье 19.3 КоАП (§ 24 **там же**). ... **как подтвердил сотрудник полиции Т., он действовал по приказу, требующему, чтобы заявитель был «доставлен» в отделение полиции.** Поэтому, **его последующее**

«предложение» заявителю пройти с ним в отделение полиции являлось частью исполнения этого приказа» (§ 25 там же).

Также «Ничто не говорит о том, что полицейские не имели полномочий для составления протокола о правонарушении на месте (...) и, прежде всего, что без доставления заявителя в отделение полиции было «невозможно» «выявить правонарушение, установить его личность, обеспечить надлежащее и своевременное рассмотрение дела и исполнение окончательного решения суда» (...). Более того, как признается Властями, **в нарушение** пункта 3 статьи 27.2 КоАП **применение меры доставления не было должным образом задокументировано** (...). Вышеуказанные соображения, по-видимому, являются одними из существенных элементов, относящихся к законности такого рода мер **в соответствии с российским законодательством** (...). Кроме того, **нет никаких доказательств** того, что заявитель был проинформирован о каком-либо **(обоснованном подозрении в)** административном обвинении против него или о **причинах** его задержания (§ 76 **Постановления от 23.07.19 г. по делу «Kalyapin v. Russia»**). Что касается подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, Властям следовало иметь в виду, что эта мера была применена в контексте административного правонарушения, максимальное наказание за которое, предусмотренное законом, представляет собой штраф в размере 30 евро. Согласно требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции, чтобы лишение свободы считалось свободным от **произвола**, недостаточно того, чтобы эта мера принималась и исполнялась в соответствии с национальным законодательством; она также **должна** быть **необходимой** в сложившихся обстоятельствах и **соразмерной** (...). В тех случаях, когда **цель** заключалась в том, чтобы «предотвратить совершение преступления лицом», внутригосударственные органы власти **обязаны** были удостовериться, в частности, в том, что лишение свободы являлось **«обоснованно необходимым» для достижения этой цели** в обстоятельствах дела. Имеющиеся материалы не указывают на то, что вышеуказанные требования были соблюдены (§ 77 **там же**). С учетом вышеизложенных соображений ... **процедура** сопровождения **не соответствовала статьям 27.1 - 27.2 КоАП и, следовательно, и дополнительно, подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (§ 78 там же)**. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (§ 79 **там же**).

Также «Власти утверждали, что Хайруллина доставили в отделение полиции в соответствии со статьей 27.2 Кодекса об административных правонарушениях, поскольку у него не было при себе удостоверяющих личность документов, и поэтому составить протокол об административном правонарушении на месте выявления правонарушения было невозможно (§ 33 **Постановления от 02.07.19 г. по делу «Ryabinina and Others v. Russia»**). Заявитель настаивал на своем требовании (§ 34 **там же**). Власти не оспаривали тот факт, что **Хайруллин был лишен свободы** по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции **с 10:30 до 17:30 20 марта 2010 года**. В протоколе об административном правонарушении было указано, что он был доставлен в отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении. Статья 27.2 Кодекса об административных правонарушениях предусматривает, что подозреваемый в совершении правонарушения может быть доставлен в отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении только в том случае, если такой протокол не может быть составлен на месте выявления соответствующего правонарушения. Суд не убежден утверждением Властей о том, что в случае заявителя это было невозможно потому, что у него не было при себе удостоверяющих личность документов, поскольку это утверждение опровергается документами из материалов дела. Фактически, ни в одном из официальных документов не упоминается о предполагаемом отсутствии удостоверяющих личность документов, и **не объясняется, почему не было возможности составить протокол об административном правонарушении на месте**. В составленном полицией протоколе говорится, что заявитель был доставлен в отделение полиции после проверки документов, удостоверяющих его личность; в протоколе об административном правонарушении указываются паспортные данные заявителя; и в справке об освобождении указывается, что водительские права заявителя были возвращены ему после освобождения. Поэтому **в материалах дела не усматривается никаких препятствий для составления протокола на месте (§ 35 там же)**. ... Суд считает, что **доставление заявителя в отделение полиции не соответствовало российскому законодательству и потому не являлось «законным»** по смыслу пункта 1 статьи 5 (§ 37 **там же**). Следовательно, ... было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (§ 38 **там же**). Сумма компенсации

имущественного ущерба 26 евро (1000 рублей штрафа), морального вреда 10 000 евро и возмещение расходов и издержек 3 700 евро.

1.2.5 В-пятых, препровождение Жертв к автомашине, на которой они доставляются в отдел полиции, является формой лишения свободы: «... **помещение заявителя и содержание его под стражей в автобусе**, последующее доставление и его присутствие в отделении полиции 24 марта 2007 года представляли собой «лишение свободы» (...). Ничто не говорит о том, что, по сути и/или с учетом требований российского законодательства, 24 марта 2007 года заявитель мог свободно принять решение не следовать за полицейскими до отделения, или, оказавшись там, в любой момент уйти без негативных последствий (...). **Заявитель был физически принужден полицией и не мог покинуть автобус, а затем и отделение полиции, без разрешения** (§ 63 **Постановления от 23.07.19 г. по делу «Kalyarín v. Russia»**). ... **на протяжении всех событий того дня присутствовал элемент принуждения, который, несмотря на незначительную продолжительность процедуры, свидетельствовал о лишении свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 (...)**» (§ 64 **там же**). «... Поэтому их приказы проехать в полицейском автобусе или автомобиле **не были законными приказами, которым она должна была подчиняться** (...). ...» (§ 88 **Постановления от 26.05.20 г. по делу «Gremina v. Russia»**).

1.2.6 В-шестых, Шляков В.В. и Лондарь Д.В. без разрешения сотрудников полиции **не имели возможности** самостоятельно покинуть отделение полиции, поэтому «... **Защита от произвольного заключения под стражу, предусмотренная пунктом 1 статьи 5 Конвенции**, применяется к лишению свободы **любой** длительности, каким бы кратким оно ни было (...) (§ 19 **Постановления от 19.07.16 г. по делу «Popov v. Russia»**). ... В своих объяснениях власти Российской Федерации не утверждали, что заявитель мог покинуть отдел милиции, по крайней мере, **пока ему этого не разрешили**. Они также не предоставили документ, содержащий **подробную версию** того, что произошло в отделе милиции, когда заявитель был внутри. **Как только было установлено, что заявитель не мог покинуть отдел, вопрос о том, пришел ли он туда добровольно или был туда доставлен, что тоже оспаривалось государством-ответчиком, теряет значение (...). Тот факт, что власти Российской Федерации полагали, что заявитель не был задержан в значении внутригосударственного законодательства, не означает, что он не был лишен свободы с точки зрения Конвенции** (...). При таких обстоятельствах ... **имел место элемент принуждения, который, несмотря на краткую продолжительность заключения, свидетельствовал о наличии лишения свободы в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции**» (§ 20 **там же**).

1.2.7 В-седьмых, в материалах дела имеется только протокол доставления и вмененного правонарушения. Однако протокол административного задержания так составлен и не был, в результате чего были **нарушены** ст.ст. 27.3 – 27.5 КоАП РФ, что является **нарушением национального законодательства**, публичного порядка (п. 51 **ППВС РФ № 53 от 10.12.19 г., Определение Верховного Суда РФ от 18.09.19 г. по делу № 307-ЭС19-7534**) и Произволом (Заяв.№3040Произвол6 (<http://clc.am/dnSeza>)). Так как **ключевой** задачей ст. 5 Конвенции «... является **предотвращение лишения свободы в результате произвола** или **необоснованных действий**. ... можно отметить три основных направления: исчерпывающий набор исключений, которые **должны** строго толковаться и которые **не позволяют** приводить широкий спектр обоснований в рамках других положений (в частности, статьи 8 - 11 Конвенции), неоднократное подчеркивание законности содержания под стражей как в процессуальном, так и в материально-правовом смысле при **строгом соблюдении принципа верховенства права** и важность оперативности или незамедлительности требуемого судебного контроля (...)» (§ 73 **Постановления от 22.10.18 г. по делу «S., V. and A. v. Denmark»**), поэтому «... само по себе отсутствие протокола задержания **должно** считаться **серьезным нарушением**, поскольку ... незарегистрированное содержание под стражей лица является абсолютным отрицанием **основополагающих гарантий**, содержащихся в статье 5 Конвенции, и представляет собой одно из **самых существенных нарушений** указанной статьи. Отсутствие регистрации таких фактов, как дата, время и место задержания, имя задержанного и причины задержания, а также имя лица, осуществившего задержание, является несовместимым с **требованием законности и самой сутью статьи 5 Конвенции** (...) (§ 76 **Постановления от 26.06.18 г. по делу «Fortalnov and Others v. Russia»**, тоже в § 13 **Постановления от 14.02.17 г. по делу «Denisenko v. Russia»**). «... Это также **несовместимо с требованием законности согласно Конвенции** (...)» (§ 89 **Постановления от 30.06.20 г. по делу «Satybalova and Others v. Russia»**). «... Кроме того,

отсутствие регистрации задержания лица может лишить это лицо доступа к адвокату и к иным правам подозреваемого и **потенциально поставить его в уязвимое положение** не только для незаконного вмешательства в его право на свободу, но и для жестокого обращения (...)» (§ 62 **Постановления от 01.10.19 г. по делу «Pastukhov v. Russia»**). «... отсутствие надлежащей регистрации задержания заявителей является достаточным для того, чтобы Европейский Суд признал их содержание под стражей в течение соответствующих периодов времени (...) **нарушающим требования**, предусмотренные в статье 5 Конвенции в отношении **надлежащей регистрации лишения свободы** (§ 79 **Fortalnov and Others**). ... **в целях обеспечения достаточных гарантий против незаконного задержания** статья 5 Конвенции **требует**, чтобы **любой факт** лишения свободы был **зарегистрирован надлежащим образом и достаточно подробно**. Соответствующие документы **должны** находиться в открытом доступе, статус лица **должен** оформляться **сразу** же после заключения его под стражу органами власти, и такому **лицу незамедлительно должны** быть **четко разъяснены все его права** (...). ...» (§ 80 **там же**). «В отсутствие каких-либо доводов властей Российской Федерации, способных убедить его прийти к иному выводу, Европейский Суд считает, что незарегистрированное содержание заявителя под стражей ... **противоречило требованиям** статьи 5 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (§ 64 **Постановления от 01.10.19 г. по делу «Pastukhov v. Russia»**).

Таким образом, «... Отсутствие **соответствующего** протокола **задержания** заявителя является **достаточным основанием** для Европейского Суда, чтобы признать, что его задержание ... противоречило **требованиям**, подразумеваемым статьей 5 Конвенции о **надлежащем** протоколировании факта лишения свободы (...)» (§ 36 **Постановления от 18.09.14 г. по делу «Rakhimberdiyev v. Russia»**).

1.2.8 В-восьмых, что касается участия Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. в «несанкционированном» митинге, то «Как установили внутригосударственные суды, заявители организовали и провели массовое публичное мероприятие в форме «митинга» без предварительного уведомления. Даже признавая то, что заявители действительно действовали таким образом, Европейский Суд **последовательно констатировал нарушение** статьи 11 Конвенции в ситуации, когда организаторы или участники публичного собрания были арестованы и осуждены за административные правонарушения по единственной причине, что российские государственные органы **считали** их собрание несанкционированным (...). Оценив **пропорциональность** вмешательства в этих делах, в отсутствие какого-либо акта насилия или существенных помех со стороны заявителей, Суд усматривает отсутствие неотложной социальной необходимости» для их ареста и осуждения за административное правонарушение (§ 39 **Постановления от 12.02.19 г. по делу «Ryklin and Sharov v. Russia»**). ... Ничто не говорит о том, что сбор, как это произошло на самом деле, повлек за собой какие-либо неблагоприятные последствия или ущерб или потребовало необходимой мобилизации полицейских ресурсов в данном контексте, помимо его **формального** несоответствия требованиям Закона о публичных мероприятиях. Национальные **власти также не объяснили**, почему они не предпочли позволить демонстрантам, в том числе заявителям, завершить свое собрание и не наложить разумный штраф за нарушение правил об уведомлении на месте или позднее (...). Соответственно, ... в настоящем деле **общая реакция** национальных властей не была «необходимой в демократическом обществе» (§ 40 **там же**). Таким образом, **имело место нарушение** статьи 10 Конвенции, рассматриваемой в свете статьи 11 в отношении каждого заявителя» (§ 41 **там же**).

Также «... **следует проводить надлежащее разграничение** между организаторами и участниками публичного мероприятия. Ассоциациям и другим лицам, организующим демонстрации, важно, как участникам **демократического** процесса, придерживаться правил, регулирующих этот процесс, и соблюдать действующие положения закона... Государства могут налагать санкции на тех, кто не соблюдает данную процедуру. В то же время (в частности, применительно к участникам митингов) **свобода принимать участие в мирном собрании имеет такое значение, что человек не может быть подвергнут наказанию - даже относящемуся к нижней границе масштаба дисциплинарных взысканий** - за участие в демонстрации, которая не была запрещена, **до тех пор, пока это лицо не совершает никаких предосудительных действий по такому случаю**... В более общем смысле, как правило, недостаточно, чтобы вмешательство осуществлялось потому, что его предмет входит в определенную категорию или на него распространяется правовая норма, сформулированная в виде абсолютной нормы. Скорее требуется, чтобы это

"вмешательство" было **"необходимо** в демократическом обществе" в **конкретных обстоятельствах** данного дела... Иными словами, незаконная ситуация, такая как организация демонстрации (или участие в демонстрации) без предварительного уведомления сама по себе не оправдывает вмешательства в право лица на свободу собраний; отсутствие предварительного одобрения и вытекающей из него "законности" действия **не дают carte blanche властям; последние остаются ограниченными требованием статьи 11 относительно пропорциональности (...)** (§ 50 **Постановления от 12.02.19 г. по делу «Muchnik and Mordovin v. Russia»**). Второго заявителя признали виновным лишь в связи с участием (мирным и не провокационным) в мероприятии, проводимом небольшой группой участников, о котором компетентный орган не был заранее информирован. Правонарушение, о котором идет речь, не включало в себя никаких дополнительных дискриминирующих элементов, касающихся какого-либо "предосудительного действия", такого как помехи движению транспорта или ущерб имуществу или акты насилия (...). Например, ничто не указывает на то, что заявитель отказывался выполнять какие-либо законные распоряжения полиции. Фактически ничто не предполагает, что какие-либо подобные распоряжения (например, распоряжение разойтись) были отданы в ходе демонстрации, о которой идет речь. В этой связи отмечается, что Пленум Верховного Суда РФ указал, что судебное преследование участников за присутствие на массовом публичном мероприятии, в отношении которого не подавалось уведомления, допустимо лишь в том случае, если они не выполняли конкретные обязательства, перечисленные в разделах 6 (3) и 4 Закона о собраниях, а именно обязательство подчиняться распоряжениям, данным полицией (...) (§ 51 **там же**). Хотя Суд не упускает из вида степень толерантности, проявленную полицией, Суд не убежден в том, что было целесообразно налагать штраф в размере 165 евро на второго заявителя в конкретных обстоятельствах настоящего дела. Заявитель последовательно утверждал, что проводил одиночное пикетирование на расстоянии от других лиц. Так, должным образом **учитывая презумпцию невиновности**, в этом контексте **на обвинителя** (не присутствовавшего в данном деле) **возлагалась обязанность обосновать** то, что заявитель заведомо участвовал в собрании, о котором не направлялось никаких уведомлений, и **отказался прекращать свое участие в нем, несмотря на четкие и неоднократные распоряжения** полиции или иного должностного лица. Суд не убежден в том, что постановления внутригосударственных судов **содержат достаточную аргументацию** по этим элементам. ... (§ 53 **там же**). ... **решения** внутригосударственных судов **не содержат должной оценки** того факта, что если бы даже заявители участвовали в публичных массовых мероприятиях, о которых не подавалось никакого уведомления, **они делали это в связи с осуществлением своей свободы выражения мнения, относящейся к делам, составляющим общественный интерес**, таким как закрытие региональной телевизионной компании... или предполагаемое преследование политических активистов» (§ 53 **там же**).

Таким образом, из приведенного следует, что сотрудники полиции **обязаны** четко и **неоднократно** распорядиться в отношении Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. прекратить **незаконные действия** и свое участие в несанкционированном митинге (§ 53 **Постановления от 12.02.19 г. по делу «Muchnik and Mordovin v. Russia»**) и **только после** того, как они не исполнят **законные** распоряжения, решать вопрос о привлечении их к **соответствующей** административной ответственности, что по материалам дела мы не наблюдаем.

1.2.9 В-девятых, **основанием** для задержания Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. было их намерение принять участие в митинге **с целью** обращения к гражданам России по центральному телевидению, на содержание которых **они платят налоги** и существующие криминальные «власти», то есть **преступные, террористические организации, их грабят каждый день** (Иск№3178ВерхЛП-3 (<https://clc.to/sVYVxw>), заяв.№3189ВновьОткрОбстЛП (<https://clc.to/ZqfNZq>)). Однако для **незаконного** привлечения Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. к административной ответственности сотрудники полиции **сфальсифицировали цель** привлечения к административной ответственности и **в документах указали иные основания**. Но для того, чтоб **установить основания** привлечения Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. к административной ответственности **необходимо установить основания, по которым сами сотрудники полиции находились в месте задержания их общее количество и техническое оснащение**. Поскольку « ... **задержание** заявителя **было частью крупномасштабной операции, заранее организованной полицией** с целью обеспечения общественного порядка в случае несанкционированного митинга (...). ...» (§ 87 **Постановления от 26.05.20 г. по делу «Gremina v. Russia»**), поэтому без установления **законных**

оснований нахождения сотрудников полиции **в месте задержания** и **их технического оснащения** **невозможно** разрешить и вопрос о **фальсификации** (ч. 1 ст. 303 УК РФ) и **целях задержания, что объяснено в п. 3 ниже.**

Так как **цель задержания определяет и мотивы** для принимаемого решения, а также **это связано с обязанностью** предоставления **соответствующей** информации, поэтому «... пункт 2 статьи 5 Конвенции содержит **элементарную** гарантию того, что **любому** задержанному лицу **должно** быть сообщено, **почему он лишен свободы.** Это **минимальная** гарантия против произвольного обращения. Данное положение является **неотъемлемой частью** **схемы защиты**, предусмотренной в статье 5 Конвенции: в силу пункта 2 статьи 5 Конвенции **каждому** задержанному **должно** быть **сообщено** на простом, не специальном языке, который он может понять, **существенные правовые и фактические основания** для его задержания для того, **чтобы он имел возможность**, если он сочтет нужным, обратиться в суд с **целью оспорить правомерность меры пресечения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции.** Хотя данная информация должна быть доведена "безотлагательно", эта обязанность не должна быть возложена в своей полноте на сотрудников правоохранительных органов в самый момент задержания. Содержание и безотлагательность передачи информации необходимо оценивать в каждом конкретном случае **в зависимости от его особых свойств (...).** Любое задержанное лицо, которое **может подать жалобу** для того, чтобы **оценить законность** своего задержания **безотлагательно, не может эффективно использовать это право, если оно своевременно и надлежащим образом не было проинформировано о причинах лишения его свободы (...).** Кроме того, **если основания для заключения под стражу изменились, или если появляются новые существенные факты, касающиеся содержания под стражей,** задержанный **имеет право знать эту дополнительную информацию (...)** (§ 60 **Постановления от 31.01.17 г. по делу «Vakhitov and Others v. Russia»**). Ограничение по времени в соответствии с понятием **безотлагательности** будет соблюдено в тех случаях, когда **основания** для задержания были сообщены в течение нескольких часов (...). ... (§ 61 **там же**). ... **обязательство информировать** в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Конвенции **возложено на внутригосударственные власти (...)** (§ 62 **там же**).

Говоря более обстоятельно **о целях, как актах произвола и злоупотребления властью,** следует напомнить, что **все, что требует** Конвенция «... - определение правил, которые можно **предвидеть** при их применении» (§ 199 **Постановления от 28.11.17 г. по делу «Merabishvili v. Georgia»**). ... **цель, ради которой власти ограничили его права, закрепленные в Конвенции или Протоколах к ней, в действительности не та, которая ими указывалась, и она недопустима в соответствии с Конвенцией.** ... (§ 282 **там же**). ... Как и статья 14 Конвенции, статья 18 Конвенции не имеет самостоятельного значения (...). Она может применяться только во взаимосвязи со статьей Конвенции или Протоколов к ней, в которых излагаются или ограничиваются права и свободы, которые **Высокие Договаривающиеся Стороны обязались гарантировать** тем, кто находится под их юрисдикцией (...). Данное правило следует из его формулировки, которая дополняет такие положения, как, например, второе предложение пункта 1 статьи 5 Конвенции и вторые пункты статей 8 - 11 Конвенции, которые допускают ограничение этих прав и свобод, и его места в Конвенции в конце Раздела I, который содержит статьи, определяющие и ограничивающие эти права и свободы (§ 287 **там же**). Однако статья 18 Конвенции не служит лишь для разъяснения сферы действия этих ограничительных положений. Она прямо **запрещает** Высоким Договаривающимся Сторонам ограничивать права и свободы, закрепленные в Конвенции, для целей, не предусмотренных самой Конвенцией, и в этом смысле она является **автономной** (...). Поэтому, как и в отношении статьи 14 Конвенции, может быть установлено нарушение статьи 18 Конвенции, даже если нет нарушения статьи, во взаимосвязи с которой она применяется (...) (§ 288 **там же**). ... **Из условий статьи 18 Конвенции следует, что нарушение может иметь место только в том случае, если рассматриваемое право или свобода относятся к ограничениям, допускаемым Конвенцией** (...) (§ 290 **там же**). ... Отдельное рассмотрение жалобы в соответствии с этой статьей Конвенции будет оправдано **только** в том случае, если утверждение о том, что **ограничение было применено в целях, не предусмотренных Конвенцией, представляется основополагающим аспектом дела** (...) (§ 291 **там же**). Право или свобода иногда ограничивается исключительно в целях, не предусмотренных Конвенцией. Однако в равной степени возможно, что ограничение применяется как для **скрытой цели,** так и для **цели, предписанной Конвенцией,** иными словами, оно преследует множественность целей. Вопрос в таких

ситуациях заключается в том, всегда ли **предписанная цель** исключает скрытую цель, **противоречит ли само наличие скрытой цели статье 18 Конвенции или же существует какой-либо промежуточный ответ** (§ 292 **там же**). ... **Перечни правомерных целей**, для достижения которых статьи 8 - 11 Конвенции допускают вмешательство в гарантируемые ими права, **являются исчерпывающими** (...) (§ 294 **там же**). Все же в делах по этим положениям, а также согласно статьям 1 - 3 Протокола N 1 к Конвенции или пунктам 3 и 4 статьи 2 Протокола N 4 к Конвенции **перед государством-ответчиком, как правило, стоит сравнительно простая задача: убедить Европейский Суд в том, что вмешательство государства в осуществление прав человека преследовало правомерную цель, даже когда заявители убедительно доказывают, что оно в действительности преследовало необозначенную скрытую цель** (...)» (§ 295 **там же**).

Таким образом, «Отказ от предоставления каких-либо **обоснований** для задержания ... в течение такого длительного времени, помимо объявления задержания незаконным, **нарушает верховенство права, принципы эффективности и пропорциональности**» (§ 12 **совпадающего мнения судьи Georgios A. Serghides на Постановление от 13.12.16 г. по делу «Kasparov and Others v. Russia (№ 2)»**). Поэтому «... меры ... в отношении заявителя **не сопровождалось надлежащими гарантиями** против возможного превышения полномочий. **Их использование допускало произвол и было несовместимо с требованием законности.** ...» (§ 46 **Постановления от 07.11.17 г. по делу «Akhlyustin v. Russia»**). «... обвинение против заявителя было выдвинуто для того, чтобы **запугать его** (§ 76 **Постановления от 19.05.04 г. по делу «Gusinskiy v. Russia»**). При таких обстоятельствах ... ограничение свободы заявителя, допускаемое согласно подпункту (с) пункта 1 Статьи 5 Конвенции применялось не только с тем, чтобы он предстал перед компетентным органом власти по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, но и **по причинам иного, несвойственного ему, характера** (§ 77 **там же**). Соответственно, имело место нарушение Статьи 18 Конвенции, взятой в совокупности со Статьей 5 Конвенции» (§ 78 **там же**).

1.2.10 В-десятых. Так как **основания** для привлечения Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. **изменились непосредственно в отделе полиции**, поэтому следует установить эти **основания**, а также **причины и условия, которые способствовали этим основаниям** (ст. 24.1, п. 7 ст. 26.1 КоАП РФ). Но прежде следует знать, что Жертва **должна** иметь возможность «... **должным образом ознакомиться с обвинениями и доказательствами**, свидетельствующими против нее, и **дать им оценку**, а также **разработать эффективную правовую стратегию своей защиты** (...)» (§ 37 **Постановления от 12.02.19 г. по делу «Muchnik and Mordovin v. Russia»**), то есть «... важно, чтобы те, кто подает свои требования в суд, полагались на **надлежащее функционирование системы правосудия**: это доверие основывается, среди прочего, на уверенности в том, что сторона в споре **будет заслушана по всем пунктам дела**. Другими словами, **стороны в споре вправе рассчитывать на консультации относительно того, требует ли конкретный документ или аргумент их комментариев** (...)» (§ 32 **Постановления от 04.03.14 г. по делу «Duraliyski v. Bulgaria»**). Также «... Суд отмечает, что в своих предыдущих решениях по **аналогичному вопросу**, он выявил ряд **системных недостатков** в отношении административного разбирательства, проводимого в соответствии с КоАП. **Во многих** из этих дел Суд установил, что **права заявителей на защиту были ограничены в степени, несовместимой со статьей 6 Конвенции**, поскольку они **не были обеспечены копиями соответствующих протоколов** об административных правонарушениях, **не были представлены адвокатом на досудебной стадии разбирательства** (и в некоторых случаях в суде первой инстанции) и **не могли нанять адвоката по своему выбору во время судебного разбирательства** (...)» (§ 16 **Постановления от 05.09.19 г. по делу «Hasanov and Others v. Azerbaijan»**). ... Заявитель подал эти жалобы в своей апелляции. **Она не была принята апелляционным судом по процессуальным причинам, которые не могут быть ему вменены**» (§ 18 **там же**).

В данном случае «... **определяющим фактором является вопрос о том, была ли какая-либо сторона «застигнута врасплох» в силу того, что суд основал свое решение на мотивах, на которые он ссылается по своему усмотрению** (...). Особая осмотрительность **требуется**, когда судебный процесс принимает неожиданный оборот, особенно если этот вопрос оставлен на усмотрение суда. **Принцип состязательности требует**, чтобы суды не полагались в своих решениях на вопросы **факта или права**,

которые не обсуждались в ходе разбирательства, и которые дают спору такой поворот, который даже добросовестная сторона не смогла бы предвидеть» (§ 48 **Постановления от 05.09.13 г. по делу «Срепек с. République tchèque»**).

Также для общего понимания не лишне будет напомнить о том, что «... принцип верховенства права, один из фундаментальных принципов демократического общества, присущ всем статьям Конвенции (...). Принцип верховенства права подразумевает, *inter alia*, что во внутригосударственном законодательстве **должна существовать мера правовой защиты в отношении произвольного вмешательства публичных властей в осуществление прав заявителей, гарантированных Конвенцией** (...). Что касается *ex post facto* дисциплинарных санкций, то ... доступные в этом отношении процессуальные гарантии, **должны** включать как **минимум право ... быть заслушанным ... до наложения санкции**. ... право быть заслушанным действительно все чаще будет появляться в качестве **основного процедурного правила** в демократических государствах, помимо судебных процедур, как продемонстрировано, *inter alia*, **подпунктом "а" пункта 2 статьи 41 Хартии Европейского союза об основных правах** (...)» (§ 156 **Постановления от 17.05.15 г. по делу «Karacsony and Others v. Hungary»**).

1.2.11 В-одиннадцатых, **изменив основания** для привлечения Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. к административной ответственности, **согласно смысла** Протокола СВ № 0370955 об административном правонарушении, сотрудники полиции применили **лишенный логики и здравого смысла** Указ Мэра г. Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ, а также предписание территориального органа Роспотребнадзора от 29 марта 2020 г. № 1П по основаниям Предписания главного государственного санитарного врача г. Москвы от 29 марта 2020 г. № 1П «О проведении дополнительных санитарно-противоэпидемиологических профилактических мероприятий», в результате чего пришли к **абсурдному** выводу о том, что Шляков В.В. и Лондарь Д.В. совершили административные правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 3.18.1 Кодекса г. Москвы об административных правонарушениях, поскольку они находились друг от друга на расстоянии менее 1,5 метров. Также Шляков В.В. находился на расстоянии более 14000 метров от места фактического проживания. То, что Собянин С.С. **превысил свои должностные полномочия** и издал лишенный логики и здравого смысла, **не имеющий научного обоснования** Указ, чем совершил, как минимум, преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, следует из объяснений Игоря Гундарова: «Профессор подает на суд на Собянина#ИгорьГундаров»: <https://youtu.be/HlaHph6Kd4g>, «ПРИГОВОР СОБЯНИНУ#ИгорьГундаров#Дмитрий Лысаковский»: <https://youtu.be/gxYXFLX1z1s>, «НАСТОЯЩАЯ ПРАВДА О МИРОВОМ ЛЕКАРСТВЕ! 11.10.2020 ИГОРЬ ГУНДАРОВ!»: <https://youtu.be/ZmXUPqn2pZM>, «ОТ ЧЕГО УМИРАЮТ ВРАЧИ!!! 02.11.2020 ИГОРЬ ГУНДАРОВ! ШОК ПОСЛЕДСТВИЯ!!!»: https://youtu.be/D6Sq8VAVx_s, «Фильм заражение в России и Море. Умышленное ЗАРАЖЕНИЕ людей? **СПЛАНИРОВАННАЯ ПАНДЕМИЯ И ЭПИДЕМИЯ**»: <https://youtu.be/QovjMCPup4U>, «Почему коронавирус летом не исчез? – Вирусолог Надежда Жолобак»: <https://youtu.be/95qUvXkv87s>, «Вакцина от коронавируса: нужна ли она вообще? - вирусолог Надежда Жолобак»: <https://youtu.be/tuRUPEk23aQ>, «"Отвакцинированные". Роберт Де Ниро»: <https://youtu.be/IGzq4D0VJd4>, «СРОЧНАЯ НОВОСТЬ! Организаторов ковидгеноцида ждет уголовный трибунал!»: <https://youtu.be/AQMSleXbc1k>, «Россия под арестом. Преступная правда. #ЕленаШувалова#ИгорьГончаров»: <https://youtu.be/6wTbwfolzaM>, «Михаил Делягин: Власть, как безумец с автоматом, пугает своей неадекватностью»: <https://youtu.be/bf4OHAjfsf4>, «Анча Баранова отвечает на запрещенные вопросы о вакцинации»: https://youtu.be/5RG2bwQn_oA, «Борис Бальсон – ВОЗ это не организация врачей!»: <https://youtu.be/sZfdq4ABA1g>, «Израильский врач пенсионер нашел средство для профилактики коронавируса»: <https://youtu.be/VcqqiaDlVOQ>, «**КАК ГОТОВИЛИ ЭТУ ДИВЕРСИЮ**» # АлександрСаверский»: <https://youtu.be/RLRDYwltiWk>, «Противники коронавируса мер в Берлине. 1 августа 2020»: <https://youtu.be/i7kNPBTEToQ>, «Миллион. Митинги в Берлине 01.08.2020»: <https://youtu.be/YOvdMrP57Ag>, «Вскрытия умерших от ковид. Что поняли патологоанатомы?»: <https://youtu.be/R6zBQDwhSFY>, «Экспертное заключение о ВРЕДЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАСОК»: <https://youtu.be/o5dhXLKfCZI>, «Трамп назначил своим советником яростного противника коронавируса...»: <https://youtu.be/2Y0aMDIx8co>, «Андрей Девятков: Коронавирус – вопрос власти и денег часть – 1»: <https://youtu.be/pDB9Spn8CNQ>, «Андрей Девятков: Часть – 2 Коронавирус делит глобальный мир и деньги»: <https://youtu.be/DXXvF-kAoNU>, «Вторая волна начнется с Германии? Гейтс о «пандемии» знает ВСЕ? ...»:

<https://youtu.be/bbV1sJsIkM0>, « «ВТОРАЯ ВОЛНА» НА ПОДХОДЕ! Как уберечься? Дослушайте до конца и поймете...»: <https://youtu.be/qCJOxkCCFIM>, «США – Медсестра рубит ужасную правду в Нью Йорке, врачи изверги»: <https://youtu.be/77QqtEpH4LY>, «Неожиданный взгляд на пандемию. Не пора ли сбросить маски?»: <https://youtu.be/QiM7aYDjSbU>, «Доктор Альфред Почс: "Коронавирус – это политическая эпидемия"»: <https://youtu.be/aS96DZAbY1A>, «Сопrotивление ковидному издевательству у нас и в мире»: <https://youtu.be/pKYCt5q-0as>, «Доктор Лоретта Больган: "Вакцина от COVID бесполезна"»: <https://youtu.be/PA1EdNKQHa4>, «ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ#ПламенПасков»: <https://youtu.be/VIIdBj3WfKI> и др. А это значит, что **ЭТОТ Указ не имеет никакого отношения к законности**, верховенству права и необходимости в демократическом обществе. **Этот Указ имеет прямое отношение к преступлениям, Коррупции и дискриминации**, в результате которых России в целом **причинен ущерб в особо крупном размере и это повлекло тяжкие последствия**. Поэтому Гундаров И. правильно психически здоровым объясняет, что 99 % ученых считают, что COVID-19 не является такой проблемой, которая заслуживала бы такого пристального внимания и в тоже время 99 % политиков, то есть Неучей, «... разделяют точку зрения Президента Путина и мэра Собянина». То есть понятно, что есть индукторы тяжелого психического расстройства и до тех пор, пока эти индукторы не окажутся в психиатрических стационарах, до тех пор они будут плодить **миллионы** индуцированных **больных**. Однако в любом случае необходимо проведение экспертизы Указа Собянина С.С. и Предписания главного государственного санитарного врача г. Москвы на предмет их научного обоснования и **соразмерности** принимаемых мер. Также они сумасшедшие и **должны** быть на скамье подсудимых («ВАС ВСЕХ БУДУТ СУДИТЬ! ...»: <https://youtu.be/L2C00B10qCw>).

При этом, если бы Шляков В.В. и Лондарь Д.В. вели совместную жизнь, то, согласно логике Невменяемых, они **должны** быть оштрафованы за то, что все время находятся на расстоянии менее 1,5 метров и, выходя из дома, они тут же **должны** разбежаться в стороны, чтоб тяжело психически Больные на них не составили протоколы и затем не осудили. Наложение штрафа по этим бредовым основаниям является как реальным Разбоем (ч. 2 ст. 162, п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ), так и **нарушением права собственности** (ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции).

1.2.12 В-двенадцатых, согласно протокола СВ № 0079258 о доставлении лица, совершившего административное правонарушение досмотр Шлякова В.В. не производился. А если бы у него нашли плакат для митинга? То что?! Однако, если пришедшая на митинг Жертва плакат не достает и не демонстрирует его, то **нет ни оснований** для задержания, ни для привлечения к административной ответственности, что психически здоровым **объяснено** в Постановлении ЕСПЧ от 26.05.20 г. по делу «**Gremina v. Russia**»: «**Принимаемая во внимание видеозаписи, представленные Правительством (...)**, Суд не видит оснований сомневаться в вышеизложенных фактах, установленных национальными судами в гражданском судопроизводстве, согласно которым заявитель не участвовала в несанкционированном митинге с показом плаката. Именно сотрудники полиции достали плакат из ее сумки, развернули и осмотрели его, а затем показали видеокамере полиции. **Это означает, что фактическое основание для лишения заявителя свободы, на которое ссылается государство-ответчик, отсутствует. В отсутствие соответствующих событий у полиции не было оснований для доставления заявителя в отделение полиции.** Поэтому их распоряжение сесть в полицейский автобус или машину, чтобы отвезти ее в отделение полиции, **не было законным, которому заявитель должна была подчиняться.** Кроме того, **вопреки утверждениям властей Российской Федерации, которые не основаны на национальном законодательстве, тот факт, что заявитель была увезена из отделения полиции на машине скорой помощи не может оправдать отсутствие записи о лишении ее свободы (§ 72 Постановления от 26.05.20 г. по делу «Gremina v. Russia»).** ... задержание заявителя **было частью крупномасштабной операции, заранее организованной полицией с целью обеспечения общественного порядка в случае несанкционированного митинга (...).** Поэтому нельзя сказать, что полиция была призвана реагировать без предварительной подготовки (...). Кроме того, **заявитель не представлял опасности для общественного порядка (...)** (§ 87 там же). ... арест заявителя был **произвольным и незаконным**. События, лежащие в основе ее ареста, в частности ее участие в несанкционированном митинге с демонстрацией плаката, не произошли, и **у полиции не было оснований** для препровождения ее в полицейский участок. Поэтому их **приказы проехать в полицейском автобусе или автомобиле не были законными**

приказами, которым она должна была подчиняться (...). Таким образом, в обстоятельствах настоящего дела, **применение силы для преодоления сопротивления заявительницы этим приказам и помещения ее в полицейскую машину было совершенно неоправданным** (§ 88 **там же**). ... Обращение с участием многочисленных сотрудников полиции (...) проводилось публично и заявительница считала его унижительным, умаляющим человеческое достоинство, причиняющим физическую боль, стресс и шок и дискредитирующим государственные органы и ее веру в справедливость. (...) (§ 89 **там же**). ... **неоправданное применение силы полицией для того, чтобы сломить сопротивление заявителя своим незаконным приказам**, помимо причинения телесных повреждений и содействия ее гипертоническому кризу, унижало заявителя, демонстрируя неуважение к ней и умаляя ее человеческое достоинство и вызывало чувство страха, страдания и неполноценности с ее стороны (§ 90 **там же**). С учетом вышеизложенного ... применение силы во время **произвольного и незаконного** задержания заявителя **было неоправданным** и представляло собой унижающее достоинство обращение (§ 91 **там же**). Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции по существу» (§ 92 **там же**).

Задержание с применением силы за плакат, который не демонстрировался и **за не проведение проверки по заявлению о преступлении** (1500 евро: §§ 102, 105 **Gremina**), стоит не менее 5000 евро (§ 105 **там же**), поскольку следует согласиться с Жертвой в том, что «... После инцидента она страдала от гипертонии, беспокойства и **чувства уязвимости и безнадежности**, которые **усугублялись из-за неспособности властей должным образом отреагировать на ее жалобу. Безнаказанность сотрудников полиции означала, что они могут причинять вред другим**» (§ 102 **там же**).

Мафиозно-криминальный режим **создал практику откровенно преступных задержаний** (ч. 3 ст. 210, ч. 1 ст. 301 УК РФ) и фальсификации доказательств (ч. 3 ст. 210, ч. 1 ст. 303 УК РФ), что можно **наблюдать практически везде и всегда**. Например, 27.06.20 г. Мафиози и Бандиты задерживали так: «НАЧАЛИСЬ ЗАДЕРЖАНИЯ! Москва. Акция в поддержку Юлии Цветковой» (<https://youtu.be/K37nLn1rX9c>), «Пикеты у здания ФСБ на Лубянке в защиту журналиста Ивана Сафронова»: <https://youtu.be/Yn-nNWVoJ6M>, «МОСКВА В ПОДДЕРЖКУ ХАБАРОВСКА! Пушкинская»: <https://youtu.be/9iHp7pWe PE>, «Задержанные в поддержку Хабаровска доставлены в ОВД «Арбат»: <https://youtu.be/uhqFk8PnaJw>, «МОСКВИЧИ В ПОДДЕРЖКУ ХАБАРОВСКА»: <https://youtu.be/DuYG1FBykPI>, «Навальный, живи». Задержания у здания ФСБ на Лубянке»: <https://youtu.be/JMtJ3-5FIXc>. Несмотря на то, что задержанные пришли **реализовать свои права, защищаемые** ст.ст. 19, 21 Пакта, ст.ст. 10, 11 Конвенции, ст.ст. 29, 31 Конституции РФ, тем не менее их, как и Шлякова В.В. с Лондарь Д.В., **незаконно** привлекли к административной ответственности за «нарушение режима самоизоляции», **совершили Разбой** и **для это преступной цели использовали те же самые преступные средства**.

То же самое мы можем наблюдать и здесь: «В Иркутске на автора баннера «Сменяемой должна быть власть, а не Конституция», составили протокол о нарушении самоизоляции»: <https://mbk-news.appspot.com/news/smenyaemoj-dolzha/>.

То есть **мы имеем откровенно преступный режим и откровенно преступную практику, не имеющую никакого отношения к законности и здравому смыслу**, поскольку утратившие разум Уголовники утратили чувство реальности и параноидную шизофрению **сделали** нормой жизни, так как Раба сделали Царем («Сергей Никитин – Раб, который стал царем (Киплинг): <https://youtu.be/f9VdxKOlaiI>, «Прокуроришки № 3!))))) Вывод!: <https://youtu.be/74sVInOUWQ>).

1.2.13 В-тринадцатых, протоколы административных правонарушений в отношении Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. составлены ненадлежащими должностными лицами (п.п. 4, 5 **ППВС РФ № 5 от 24.03.05 г.**), подлежащими **безусловному отводу** (п. 2 ч. 1 ст. 29.2, ст. 29.3 КоАП РФ, абзац 1 п. 2, абзац 2 **там же**, абзац 3 п. 4 **там же**, абзацы 3 – 5 п. 5 **там же** мот. части **Постановления КС РФ № 33-П от 07.07.20 г.**), прямо (ч. 2 ст. 25 УК РФ), заинтересованными в исходе дела (п. 9.4 **Соображений КПЧ от 11.03.20 г. по делу «Rizvan Taysumov and Others v. Russian»**), что **доказывают все преступные действия**, совершенные в отношении Жертв: 1. не разъяснение **всех** прав и порядка их осуществления (п. 1.2.1 **выше**); 2. лишение права на помощь защитника (п. 1.2.2 **выше**); 3. лишение права на сбор и представление доказательств (п.п. 1.2.3, 1.2.12 **выше**, п. 3.4 **ниже**); 4. наглая фальсификация (ч. 1 ст. 303 УК РФ) **оснований** для привлечения к административной ответственности и, соответственно, доказательств, что в целом образует **конфликт интересов** (ст. 10 ФЗ «О противодействии коррупции», ст.

10 Федерального закона № 285-ФЗ от 05.10.15 г.), являющийся **самостоятельным основанием** для отвода и **увольнения с занимаемой должности** (ч.ч. 5, 6 ст. 11 ФЗ «О противодействии коррупции», ч.ч. 5, 6 ст. 11 Федерального закона № 285-ФЗ от 05.10.15 г.).

«... тот факт, что министром не было начато дисциплинарное расследование, неизбежно **вызывает чувство сговора**, по крайней мере, **одобрения действий** полиции. **Принимая во внимание замечания**, сделанные мэром в средствах массовой информации, и **объем средств, используемых полицией, трудно представить, что полиция не выполняла определенные очень точные инструкции** (...) (§ 96 **Постановления от 24.05.16 г. по делу «Süleyman Çelebi and Others v. Turkey»**). ... **ответственность** за разгон демонстраций **лежит на иерархическом уровне** полиции, в данном случае, мэре, а затем начальнике управления безопасности, отдавшего приказ разогнать толпу (...) (§ 97 **там же**). Таким образом, ... в соответствии с национальными положениями **уголовное расследование могло бы дать ответ** судебным органам на утверждения заявителей о чрезмерном применении силы, с тем, чтобы лица, **виновные** в совершении инкриминируемых деяний предстали перед обществом без ощущения **полной безнаказанности** (§ 98 **там же**). **Ввиду отсутствия судебного расследования** в отношении **сотрудников полиции, начальника управления безопасности**, а также **мэра** Стамбула, **как главного лица**, ... имело место процессуальное нарушение статьи 3 Конвенции... » (§ 99 **там же**).

1.2.14 В-четырнадцатых, сотрудники полиции в **нарушение** ст. 17 Пакта, ст. 8 Конвенции, посредством **принуждения** отобрали у Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. отпечатки пальцев (§§ 51, 53 **Постановления от 26.06.18 г. по делу «Fortalnov and Others v. Russia»**), то есть действовали произвольно при том, что «... хранение в картотеке внутригосударственных органов отпечатков пальцев установленного или идентифицируемого лица представляет собой вмешательство в право на уважение личной жизни (...)» (§ 29 **Постановления от 18.04.13 г. по делу «M.K. v. France»**). Это **Беззаконие обусловлено самим «законодательством»**, которое явно не обеспечивает защиту заинтересованным лицам (§ 43 **там же**) и позволяет **незаконно освобождать Уголовников** в мундирах от ответственности за **совершаемые преступления** (ч. 3 ст. 210, ст. 300 УК РФ), **обеспечивая их безнаказанность и вседозволенность** (§§ 69, 70 **Постановления от 15.10.15 г. по делу «Abakarova v. Russia»**), а, значит, «... совершенно очевидно, что **существует административная практика постоянных нарушений**, несовместимая с положениями Конвенции, и государство проявляет терпимость в отношении подобных нарушений, **в результате чего разбирательства в национальных судах могут стать бесполезными или неэффективными** (...)» (§ 67 **Постановления от 16.09.96 г. по делу «Akdivar and Others v. Turkey»**). Поэтому «... власти государства-ответчика превысили пределы свободы усмотрения по данному вопросу, так как правила о хранении в спорной картотеке отпечатков пальцев лиц, подозреваемых в совершении преступлений, но не осужденных, которые были применены к заявителю в настоящем деле, не устанавливают справедливого баланса между противоречащими друг другу публичными и частными интересами, затронутыми в настоящем деле. Таким образом, хранение данных должно рассматриваться как несоразмерное вмешательство в право заявителя на уважение его личной жизни и не может быть признано необходимым в демократическом обществе (§ 46 **M.K. v. France**). Следовательно, **имело место нарушение статьи 8 Конвенции**» (§ 47 **там же**).

1.2.15 В-пятнадцатых. Когда решается вопрос о лишении свободы или о существенном и **необратимом** вмешательстве в **основные** права, то **должен** быть механизм, приостанавливающий реализацию оспариваемого решения, чего **требует** ст. 13 Конвенции (§ 124 **Постановления от 04.02.05 г. по делу «Mamatkulov and Askarov v. Turkey»**). Также приходится повторять (п. 1.2.4 заявления № 3123-2), что «... вынесенные за те или иные деяния санкции, которые являются по своему характеру уголовными, независимо от их квалификации во внутреннем праве, **должны** рассматриваться **именно** как уголовные **с учетом их цели**, характера или тяжести. Следовательно, общий характер правовых норм и **цель наказания**, которые являются по своему характеру одновременно и сдерживающими, и карательными, позволяют установить, что данное правонарушение **по смыслу статьи 14 Пакта являлось по своей природе** уголовным (п. 13.7 **Соображений КПЧ от 25.10.18 г. по делу «Berik Zhagiparov v. Kazakhstan»**). Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что вынесенные ему административные приговоры были приведены в исполнение немедленно и что он не имел возможности подать апелляцию до начала отбывания

сроков его административных арестов. ... в соответствии со статьей 14 (5) Пакта каждый осужденный за какое-либо преступление имеет право на то, чтобы его приговор был пересмотрен вышестоящей судебной инстанцией в соответствии с законом. ... **эффективность права на апелляцию уменьшается и статья 14 (5) нарушается, если пересмотр дела вышестоящим судом неоправданно задерживается в нарушение пункта 3 с) этой же статьи** (...). Комитет отмечает, что статья 660 Кодекса об административных правонарушениях содержит требование, в соответствии с которым в случае, когда обвиняемый приговаривается к административному аресту, апелляция должна рассматриваться в течение 24 часов с момента ее подачи. В данном случае апелляция автора после первого административного ареста была подана 12 февраля 2013 года, а рассмотрена Карагандинским областным судом лишь 5 марта 2013 года, то есть спустя 21 день после ее подачи и 14 дней после того, как автор был освобожден из-под стражи после отбытия своего приговора. В этих обстоятельствах и в отсутствие какой-либо дополнительной информации от государства-участника Комитет считает, что автор в достаточной мере продемонстрировал, что **ввиду необеспечения соблюдения установленных в Кодексе об административных правонарушениях процессуальных сроков рассмотрения апелляций и вследствие вызванной этим задержки решение Карагандинского областного суда было равнозначно нарушению пункта 3 с) статьи 14 и статьи 5 Пакта, рассматриваемых в совокупности**» (п. 13.8 **там же**).

1.2.16 И, наконец, в-шестнадцатых. Всего этого Безумия и Беззакония не было бы, если бы в России существовала независимая судебная власть и если бы Жертвы были обеспечены **возможностью реализовать свое право** на равенство перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ), которое Мафиози и Бандиты для Жертв отменили. Поэтому осуждение заявителя не было «... результатом справедливого судебного разбирательства, поскольку **оно было основано на непроверенных доказательствах, представленных сотрудниками милиции, которые являлись инициатором разбирательства и относились к органу, который его возбудил.** ...» (§ 101 **Постановления от 13.02.18 г. по делу «Butkevich v. Russia»**). То есть, «... осуждение заявителя не было результатом беспристрастного разбирательства, поскольку **оно было основано на непроверенных доказательствах** (...). ...» (§ 28 **Постановления от 08.10.19 г. по делу «Martynyuk v. Russia»**). «Суд ранее рассматривал жалобы в отношении Российской Федерации по поводу административных разбирательств против лиц, обвинявшихся в нарушении правил проведения публичных мероприятий или **неповиновении требований сотрудников милиции об их прекращении.** В этих разбирательствах **суды** первой инстанции **с готовностью и безоговорочно** принимали объяснения сотрудников органов внутренних дел и **лишали заявителей возможности представления доказательств противного.** ... в споре по поводу **ключевых фактов**, лежащих в основе обвинений, где единственными свидетелями обвинения были сотрудники милиции, игравшие активную роль в оспариваемых событиях, для судов было крайне важно использовать **любую разумную** возможность для **проверки** их уличающих объяснений (...). ...» (§ 102 **Butkevich**). «... в ходе этих административных разбирательств мировые **судьи с готовностью и без колебаний** принимали к рассмотрению доводы сотрудников полиции и отказывали заявителям в **любой** возможности представить какие-либо доказательства обратного. ... **в споре по ключевым фактам**, лежащим в основе обвинений, когда единственными свидетелями обвинения являлись сотрудники полиции, сыгравшие активную роль в оспариваемых событиях, **судам было необходимо использовать все разумные возможности для проверки их инкриминирующих показаний** (...). **Невыполнение этого требования** противоречит **основополагающим принципам уголовного права, а именно in dubio pro reo** (лат. - при сомнении - в пользу обвиняемого) (...). ... **отклоняя все доказательства в пользу обвиняемого без какого-либо обоснования**, суды Российской Федерации **возложили на обвиняемого чрезмерное и непомерное бремя доказывания** вопреки фундаментальному требованию о том, что обвинение **должно доказывать свою правоту**, и вопреки одному из основополагающих принципов уголовного права, а именно in dubio pro reo (...). ...» (§ 72 **Постановления от 02.02.17 г. по делу «Navalnyy v. Russia»**). В результате «... **необоснованность этого вывода настолько поразительна и ощутима с первого взгляда**, что решения национальных судов в ходе разбирательств 2002 года можно считать **грубо произвольными**, и, достигнув такого вывода в обстоятельствах дела, **национальные суды фактически установили крайний и недостижимый стандарт доказывания** для заявителя, так

что его требование не могло, в любом случае, иметь даже малейшую перспективу успеха» (§ 174 Постановления от 15.11.07 г. по делу «Khamidov v. Russia»). При этом «... даже если слушание не является публичным, обвиняемый также имеет **общее право** присутствовать, принимать в нем **эффективное** участие, слушать и следить за разбирательством и **делать замечания** (...). ...» (§ 152 Постановления от 16.12.10 г. по делу «Trepashkin (№ 2) v. Russia»).

Однако напоминаем, что с учетом **запрета** различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях (ст. 26 Пакта, ст. 14 Конвенции, ст. 19 Конституции РФ), «Если в ходе судебного процесса имели место **нарушения** предусмотренных в статье 14 Пакта **гарантий справедливого судебного разбирательства**, приводящие к вынесению ... приговора, такой приговор носит произвольный характер... Такие нарушения могут включать использование признаний, сделанных под принуждением (...); неспособность обвиняемого допросить **соответствующих** свидетелей (...); **отсутствие эффективного представительства**, включающего конфиденциальные встречи адвоката с клиентом на **всех** этапах уголовного судопроизводства (...), в том числе во время допросов по уголовным делам (...), на предварительных слушаниях (...), в ходе судебного разбирательства (...) и в апелляционном производстве (...); **несоблюдение презумпции невиновности, которое может проявляться в помещении обвиняемого в клетку** или надевании на него наручников во время судебного разбирательства (...); отсутствие эффективного права на обжалование (...); отсутствие достаточного времени и возможностей для подготовки защиты, включая неспособность получить доступ к правовым документам, необходимым для проведения юридической защиты или обжалования, таким как официальные обращения прокурора в суд (...), **судебные решения** (...) или **протокол судебного заседания**; отсутствие надлежащего устного перевода (...); непредоставление доступных документов и процедурных приспособлений для инвалидов; чрезмерные и неоправданные задержки в судебном (...) или апелляционном процессе (...); и **общее отсутствие справедливости уголовного процесса** (...) или **отсутствие независимости** или **беспристрастности суда первой инстанции или апелляционного суда**» (п. 41 Замечаний КПЧ общего порядка № 36).

Сознательный обход процедуры составляет явное пренебрежение верховенством права и позволяет «... предположить, что определенные государственные органы разработали практику, нарушающую их **обязанности** в соответствии с российским законодательством и Конвенцией. Такая ситуация имеет наиболее серьезные **последствия** для российского правопорядка, эффективности конвенционной системы и авторитета Европейского Суда (§ 257 Постановления от 25.04.13 г. по делу «Savridin Dzhurayev v. Russia»). ... **Повторение подобного беззакония может лишить эффективности внутренние средства правовой защиты, на которых покоится конвенционная система** (...). ... **обязательства** государства ... **требуют** разрешения этой стойкой проблемы без задержки (§ 259 там же). Отсутствие эффективного внутреннего расследования этих **неприемлемых** происшествий вызывает дополнительную серьезную озабоченность... Конвенционное **требование** об эффективном и быстром расследовании **каждого** происшествия такого рода... , в частности, **настаивают на привлечении к ответственности виновных** в таких происшествиях, чтобы направить ясный сигнал о том, что **подобные действия не будут допускаться** (...). ...» (§ 260 там же).

« ... **суды страны как хранители индивидуальных прав и свобод должны** считать своим **долгом** осуждение **неправомерного поведения** государства способом присуждения **адекватного и достаточного** возмещения вреда заявителю, принимая во внимание **фундаментальную важность права**, которое они нашли нарушенным, даже если нарушение являлось случайным, а не намеренным следствием поведения государства. Это могло бы означать, что **государство не вправе пренебрегать индивидуальными правами и свободами и обходить их безнаказанно** (...)» (§ 117 Постановления от 10.01.12 г. по делу «Ananyev and Others v. Russia»). Таким образом, «**Ввиду отсутствия судебного расследования в отношении сотрудников полиции, начальника управления безопасности, а также мэра ... , как главного лица**, ... имело место процессуальное нарушение статьи 3 Конвенции... » (§ 99 Постановления от 24.05.16 г. по делу «Süleyman Çelebi and Others v. Turkey»).

Результатом созданного Мафиозно-криминальным режимом является то, что «... жалоба заявителя не имела успеха не из-за недостатка доказательств или необоснованности заявленных требований, а в силу правовых норм, примененных и истолкованных судами (...)» (§ 83 Постановления ЕСПЧ от 25.11.10 г. по делу «Roman

Karasev v. Russia). ... использованный российскими судами способ толкования и применения соответствующих правовых норм ГПК РФ лишил заявителя возможности предпринять какие-либо действия по получению компенсации за **вред, причиненный государственными органами, и не предоставил ему никаких эффективных средств правовой защиты (...)** (§ 84 *там же*). «... основная проблема заключалась не в теоретической доступности средств правовой защиты в национальном праве, а, скорее, в произвольном применении закона нижестоящими судами и, как следствие, лишение жертвы эффективных внутренних средствах правовой защиты» (§ 149 *Постановления от 12.06.08 г. по делу «Vlasov v. Russia»*). «... Принимая во внимание его пренебрежительность до настоящего времени и выявленные выше недостатки, а также тщетные попытки обжалования заявителями действий следователей в суды (...), ... ожидание заявителей до окончания расследования могло оказать влияние на процессуальное обязательство, вытекающее из статьи 3 Конвенции» (§ 111 *Постановления от 03.07.14 г. по делу «Antayev and Others v. Russia»*). «Кроме того, попытка заявителя обжаловать действия следователя в суд на основании статьи 125 УПК РФ **были тщетными**. ... областной суд отказал в рассмотрении жалобы по существу, указав, что роль суда заключалась не в том, чтобы действовать в качестве общего контролера за работой следователя. ...» (§ 80 *Постановления от 03.07.14 г. по делу «Amadayev v. Russia»*). «... Органы власти Российской Федерации отреагировали на заслуживающее доверия утверждение заявительницы ... путем проведения доследственной проверки и **отказались возбуждать уголовное дело и проводить полноценное расследование. Это решение было поддержано судами Российской Федерации, что привело к отступлению от их процессуальных обязанностей** по статье 3 Конвенции. ...» (§ 66 *Постановления от 12.02.20 г. по делу «A. v. Russia»*). «... с момента **рассмотрения гражданскими судами по существу** утверждений о жестоком обращении, **принимая во внимание выводы прокуратуры**, от заявителя не требуется прибегать к иному производству, предусмотренному статьей 125 УПК РФ (...)» (§ 21 *Постановления от 12.11.15 г. по делу «Merezhnikov v. Russia»*). «... **национальные суды не рассмотрели** его утверждения о широко распространенной коррупции в правительстве Москвы **в свете фактической информации, содержащейся в докладе в целом**. ...» (§ 25 *Постановления от 23.06.20 г. по делу «Kommersant and Others v. Russia»*). «... в разбирательстве ... суды ... в краткой форме **отклонили подробные доводы заявителя** за отсутствием доказательств угрозы жестокого обращения, **не приводя дополнительных подробностей в поддержку своей позиции. Объяснения заявителя ... не получили оценки судов**. Вместо этого внутригосударственные суды в разбирательстве ... с готовностью приняли заверения, предоставленные властями ..., как твердую гарантию против угрозы жестокого обращения с заявителем ... (...). ... внутригосударственные суды **должны** были удостовериться в том, что подобные гарантии являются настолько **достоверными и практическими, чтобы обеспечить право заявителя** не подвергаться жестокому обращению со стороны властей этого государства (...). Тем не менее **в разбирательстве ... такая оценка не делалась**» (§ 199 *Постановления от 07.11.13 г. по делу «Ermakov v. Russia»*).

1.3 **Вывод.** Так как речь идет о **тотальных преступлениях**, организованных Мафиози и Бандитами, которые **должны** быть предметом проверки и оценки, поэтому в дополнение к п. 1.2 выше об **обязательности** проведения расследования в связи с нарушением фундаментальных прав, следует сказать, что «... убытки, присужденные заявителю, никоим образом не были связаны с какими-либо возможными недостатками в расследовании и, следовательно, не представляли собой возмещение» (§ 32 *Постановления от 26.03.19 г. по делу «Anoshina v. Russia»*). ... Расследование "эффективно", когда оно является **независимым, адекватным, тщательным, объективным, беспристрастным, открытым и незамедлительным** (...)

«... Согласно пункту 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник **обязано** обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Оно **должно** предоставить **полное возмещение** лицам, чьи права, **гарантируемые Пактом**, были нарушены. Соответственно, государство-участник **обязано**, среди прочего, принять **надлежащие** меры для: а) проведения **незамедлительного, эффективного, тщательного, независимого, беспристрастного и транспарентного** расследования ..., а также **преследования и наказания виновных**, б) **постоянного информирования автора о ходе расследования** и с) предоставления автору **надлежащей** компенсации за нарушения прав ее сына и ее прав, а также **надлежащие** меры по реабилитации. Государство-участник также **обязано** принять **все**

необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем» (п. 10 **Соображений КПЧ от 10.03.20 г. по делу «Saodat Kulieva v. Tajikistan»**).

«... уголовное расследование и последующее привлечение к судебной ответственности представляют собой **необходимые** средства восстановления нарушенных прав человека, в частности прав, защищаемых статьей 7 Пакта (...). ...» (п. 9.3 **Соображений КПЧ от 11.03.20 г. по делу «Rizvan Taysumov and Others v. Russian»**). «... в тех случаях, когда в результате расследований вскрываются нарушения некоторых признаваемых в Пакте прав, таких как права, **защищаемые** в соответствии со статьями 6 и 7, государства-участники **обязаны** обеспечить привлечение виновных к судебной ответственности. Хотя обязательство по привлечению к судебной ответственности виновных в нарушениях статей 6 и 7 предусматривает принятие мер, а не достижение результата (...), государства-участники **обязаны добросовестно, оперативно и тщательно расследовать все** обвинения в серьезных нарушениях Пакта, **выдвинутые против него и его органов**. ...» (п. 7.5 **Соображений КПЧ от 06.04.18 г. по делу «Annadurdy Khadzhiyev v. Turkmenistan»**). «**Расследования утверждений о нарушениях** статьи 6 **должны всегда** быть независимыми (...), беспристрастными (...), оперативными (...), тщательными (...), эффективными (...), заслуживающими доверия (...) и транспарентными (...). В случае установления факта нарушения необходимо предоставлять **полное** возмещение, включая, с учетом конкретных обстоятельств дела, адекватные меры по компенсации, реабилитации и сатисфакции (...). Государства-участники также несут **обязательство** принимать меры для **предотвращения повторения аналогичных нарушений в будущем** (...). ...» (п. 28 **Замечаний КПЧ общего порядка № 36**).

«... **любое** применение силы к лицу, лишенному свободы, если это только не обусловлено его собственными действиями, унижает человеческое достоинство и в принципе является **нарушением права, гарантированного статьей 3 Конвенции** (...). ...» (§ 46 **Постановления от 03.04.12 г. по делу «Kazantsev v. Russia»**). «... уважение человеческого достоинства образует часть самого существа Конвенции (...) совместно со свободой человека (...)» (§ 89 **Постановления от 28.09.15 г. по делу «Bouyid v. Belgium»**). Кроме того, существует особенно прочная связь между понятиями «унижающего достоинства» обращения или наказания в значении статьи 3 Конвенции и уважения «достоинства». ... «хотя заявитель не перенес серьезные или длительные физические последствия, его наказание, объектом которого он являлся, составляло посягательство именно на то, что является одной из **основных целей** защиты статьи 3 Конвенции, а именно достоинство и физическую неприкосновенность лица» (...). Многие последующие решения выявили тесную связь между понятиями «унижающего достоинства обращения» и уважения «достоинства» (...)» (§ 90 **там же**). «... **физическое насилие**, которому он подвергся, **было совершено должностными лицами** государства-участника, **которые выступали в официальном качестве; и эти действия представляют собой акты пыток по смыслу статьи 1 Конвенции**» (п. 7.4 **Решения КПП от 11.08.17 г. по делу «Rached Jaïdane v. Tunisia»**). «... обеспечивая **законность процедур**, применяемых полицией, она представляет собой **одну из** процессуальных гарантий права на справедливое судебное разбирательство» (§ 69 **Постановления от 12.01.17 г. по делу «Stulíř v. the Czech Republic»**). «... в **обязанности** властей государства-ответчика входит **представление доказательств, которые могли бы поставить под сомнение версию потерпевшего** (...). ...» (§ 42 **Постановления от 06.10.15 г. по делу «Boris Ivanov v. Russia»**). «Хотя телесные повреждения могут показаться достаточно легкими, они представляют собой свидетельство **применения физической силы в отношении лишенного свободы лица, которое, следовательно, находится в неравном положении**; подобное обращение **носит характер одновременно бесчеловечного и унижающего достоинства**» (§ 113 **Постановления от 27.08.92 г. по делу «Tomasí v. France»**). «... группа ... **полностью контролировала ситуацию**, и что заявители не оказывали ей какого-либо физического сопротивления. При таких обстоятельствах ... заявители были подвергнуты жестокому обращению с целью запугать, унижить и оскорбить их. ... такое обращение с заявителями ... **должно** квалифицироваться как бесчеловечное и унижающее достоинство. Что касается восьмого заявителя, вокруг шеи которого затягивали веревку, пока он не потерял сознание (...), то подобное обращение в совокупности с чувствами страха, тоски и неполноценности, вызванными в нем обжалуемым обращением, **должно** было причинить ему страдание, достигающее серьезности, достаточной для его квалификации в качестве пытки в значении статьи 3 Конвенции. ...» (§ 97 **Постановления от 03.07.14 г. по делу «Antayev and Others v. Russia»**).

«... я еще раз высказываю сожаление по поводу **терпимости** Европейского Суда **по отношению к грубости сотрудников милиции** в ситуациях, подобных настоящему делу, тому, что обычно называется "заламыванием рук" (...). **Такая терпимость несовместима с официальным призывом соблюдать принцип уважения человеческого достоинства в органах полиции**, провозглашенным Большой Палатой Европейского Суда в деле "Буид против Бельгии" (...). **"Заламывание рук", которое вызвало травму, повлекшую временную нетрудоспособность на срок более трех недель (...), достойно не меньшего порицания в свете статьи 3 Конвенции, нежели пощечина** (...). В свете принципов статьи 3 Конвенции такие травмы, даже причиненные по небрежности, недопустимы (...). **Возможность физического принуждения, которая предоставляется государственным органам, предполагает с их стороны такой профессионализм, который позволяет поставить его применение лишь во благо общества**, чего не произошло в настоящем деле. Возможно, чтобы Европейский Суд был более требователен в дальнейшем, следовало бы напомнить о строгих **требованиях** статьи 12 Декларации о правах человека и гражданина от 26 августа 1789 г.: "Обеспечение прав человека и гражданина влечет необходимость применения вооруженной силы; эта сила, следовательно, установлена в интересах всех, а не в интересах тех, кому она вверена". Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции» (§ 7 **особого мнения судьи Paulo Pinto de Albuquerque на Постановление от 12.11.15 г. по делу «Merezhnikov v. Russia»**).

«... **сам по себе факт того, что он стал очевидцем подобного обращения властей** с его сыном (вторым автором) **для целей** получения от него признания в совершении преступления, **равносителен пыткам по смыслу статьи 1 Конвенции**» (п. 9.2 **Решения КПП от 12.05.17 г. по делу «D.C. and D.E. v. Georgia»**). «Что касается **психологического воздействия** полицейской операции на заявителей, ... которые влекут за собой вмешательство в жилище и арест подозреваемых, то они **неизбежно вызывают негативные эмоции у пострадавших** лиц. ... Г-жа Гуцанова дважды обращалась к психиатру с жалобами на бессонницу и острую тревогу, ей назначали транквилизаторы (...). Обе девочки также были осмотрены психиатром, который заметил, что, вспоминая события, они реагировали плачем или выражением острой тревоги (...). Г-жа Гуцанова заявила, что ее младшая дочь Б. снова начала заикаться (...). Что касается С., старшей дочери пары, показания ее тети и ее школьного учителя указали, что она была глубоко затронута полицейской операцией в ее доме и арестом ее отца (...). ... тот факт, что полицейская операция была проведена ранним утром, в которой участвовали **специальные сотрудники в масках**, и которые были **увидены** г-жой Гуцановой и ее двумя дочерьми, **способствовала усилению чувства страха и тревоги**, испытываемых этими тремя заявителями, в той степени, в которой обращение, которому они подвергались, превысило порог строгости, требуемый для применения статьи 3 Конвенции. Поэтому ... эти три заявителя подвергались унижающему достоинство обращению» (§ 134 **Постановления от 15.10.13 г. по делу «Gutsanovi v. Bulgaria»**). «... Сотрудники правоохранительных органов не обратили внимания на **присутствие заявительницы, о котором им было прекрасно известно**, продолжили операцию и **вынудили ее наблюдать за сценой насилия** в отношении ее отца, который **не оказывал какого-либо сопротивления. Это очень сильно повлияло на заявительницу** и ... представляло собой непринятие органами власти мер по предупреждению жестокого обращения (...) (§ 67 **Постановления от 12.02.20 г. по делу «A. v. Russia»**). Соответственно, имело место нарушение позитивного материального обязательства властей Российской Федерации по статье 3 Конвенции (§ 68 **там же**). Кроме того, **имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте** в связи с тем, что власти Российской Федерации **не провели эффективного расследования в этом отношении**» (§ 69 **там же**).

«... обязательство государства по статье 3 Конвенции **не может** считаться выполненным, если **механизмы защиты**, предусмотренные внутренним законодательством, существуют **только** в теории: **прежде всего** они **должны действовать эффективно на практике, что предполагает незамедлительное рассмотрение дела без неоправданной задержки** (...). ...» (§ 64 **Постановления от 24.03.16 г. по делу «Sakir c. Grèce»**). «... Оперативная реакция властей имеет **решающее** значение для поддержания общественного доверия и приверженности верховенству права и предотвращения **любых** проявлений терпимости к **незаконным действиям или сговору** в их совершении (...)» (§ 28 **Постановления от 28.04.15 г. по делу «Baştürk v. Turkey»**). «Утверждения о жестоком обращении, противоречащем статье 3 Конвенции, **должны** быть подтверждены **надлежащими** доказательствами. При

установлении обстоятельств дела Европейский Суд применяет стандарт доказывания "вне всякого разумного сомнения" (...). Однако такое доказывание может быть следствием существования достаточно веских, четких и последовательных выводов или **неопровержимых презумпций** относительно фактических обстоятельств дела (...)» (§ 54 **Постановления от 12.02.20 г. по делу «A. v. Russia»**).

«... если лицо **выдвигает достоверное утверждение** о том, что оно стало жертвой обращения, нарушающего статью 3 Конвенции, находясь под контролем милиции или других аналогичных государственных органов, эта статья **во взаимосвязи** с установленной статьей 1 Конвенции **общей обязанностью** государства "обеспечивать каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции" **требует** проведения эффективного официального расследования. Такое расследование **должно** быть **способно привести к выявлению и наказанию виновных лиц** (...). В противном случае **общий запрет** пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, несмотря на свою фундаментальную значимость, станет неэффективным на практике и в некоторых случаях предоставит представителям власти возможность фактически безнаказанно нарушать права лиц, находящихся под их контролем (...) (§ 48 **Постановления от 20.11.18 г. по делу «Samesov v. Russia»**). Расследование по серьезным жалобам на жестокое обращение **должно** быть **оперативным и тщательным**. Власти **всегда должны** предпринимать серьезные попытки установить, что произошло на самом деле, и **не должны** со ссылкой на поспешные или необоснованные выводы прекращать расследование или принимать какие-либо решения. Они **обязаны** принимать **все** доступные и разумные меры для того, чтобы **обеспечить доказательства** по делу, в том числе показания очевидцев и заключения судебно-медицинской экспертизы. **Любой** недостаток расследования, который умаляет возможность **установления причин** телесных повреждений или личности виновных, может привести к нарушению указанного стандарта (...). Таким образом, **тот факт, что не были приняты надлежащие меры по снижению риска преступного сговора между предполагаемыми преступниками, приравнивается к значительному недостатку в проведении надлежащего расследования** (...). Кроме того, расследование **должно** быть независимым, беспристрастным и подлежать контролю со стороны общественности (...). Оно **должно** приводить к вынесению **мотивированного** решения, **чтобы заверить общественность в соблюдении принципа верховенства права** (...) (§ 49 **там же**). Именно власти государства-ответчика **должны** иметь возможность обратиться к процедуре, которая позволит принять **все необходимые** меры, чтобы выполнить возложенное на них в соответствии со статьей 3 Конвенции **позитивное обязательство** провести эффективное расследование (...) (§ 50 **там же**). ... проведения доследственной проверки по заявлению о преступлении в соответствии со статьей 144 УПК РФ недостаточно, если власти **обязаны соблюдать стандарт, установленный статьей 3 Конвенции** в отношении эффективного расследования заслуживающих доверия утверждений заявителя о жестоком обращении с ним в период содержания под стражей в полиции. Доследственная проверка является **первоначальной стадией работы** с заявлением о преступлении согласно уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации. За ней **должны** следовать возбуждение уголовного дела и уголовное расследование, если **собранная информация** содержит **признаки состава** уголовно наказуемого деяния. Таким образом, на власти возлагается **обязанность возбудить производство по уголовному делу** и провести "предварительное расследование" в соответствии с разделом VIII УПК РФ, то есть **полномасштабное уголовное расследование**, в рамках которого был бы выполнен **весь** спектр следственных действий (...) (§ 51 **там же**, тот же смысл в § 94 **Постановления от 26.05.20 г. по делу «Gremina v. Russia»**). ... Сам факт отказа следственных органов возбуждать уголовное расследование по **заслуживающему доверию утверждению** о жестоком обращении со стороны сотрудников органов внутренних дел свидетельствует о невыполнении властями государства-ответчика своего обязательства в соответствии со статьей 3 Конвенции по проведению эффективного расследования (...) (§ 52 **там же**). ... проведение поверхностной доследственной проверки на внутригосударственном уровне не являлось надлежащим основанием для освобождения властей Российской Федерации от бремени доказывания и **представления доказательств, способных поставить под сомнение заслуживающие доверия утверждения заявителей** о жестоком обращении со стороны сотрудников органов внутренних дел. ... (§ 53 **там же**). ... Доследственная проверка может служить правомерной цели отсеивания **недостаточно обоснованных** или даже **надуманных** жалоб, экономя ресурсы следственных органов (...). Однако если

полученная информация выявила **признаки состава преступления**, то есть того, что предполагаемое жестокое обращение **могло иметь место**, проведения доследственной проверки будет недостаточно, и власти **должны** инициировать **надлежащее** расследование, в рамках которого может быть выполнен **весь** спектр следственных действий, включая **допрос свидетелей**, **очные ставки** и предъявление лиц для опознания (...). В рамках доследственной проверки (если за ней не последовало расследования уголовного дела) **невозможно** установить личность должностных лиц, которые предположительно виновны в жестокое обращение, и **невозможно** привлечь их к наказанию, поскольку **возбуждение уголовного дела и уголовное расследование являются предварительными условиями** для предъявления обвинений, которые затем могут быть рассмотрены судом (...)» (§ 54 **там же**).

«... Органы власти Российской Федерации отреагировали на заслуживающее доверия утверждение заявительницы о жестоком обращении, **запрещенное** статьей 3 Конвенции, путем проведения доследственной проверки и **отказались возбуждать уголовное дело и проводить полноценное расследование. Это решение было поддержано судами Российской Федерации, что привело к отступлению от их процессуальных обязанностей** по статье 3 Конвенции. **Доследственная проверка лишила власти Российской Федерации надлежащей основы для исполнения возложенного на них бремени доказывания и представления доказательств, которые могли бы поставить под сомнение заслуживающие доверия утверждения заявительницы** ..., вследствие чего Европейский Суд считает **данные утверждения установленными** (...)» (§ 66 **Постановления от 12.02.20 г. по делу «А. v. Russia»**). То есть «... остается рассмотреть вопрос о том, **представили ли Власти какие-либо доказательства, устанавливающие факты, которые могли бы поставить под сомнение представленные заявителями версии событий** (...)» (**Постановления от 04.02.20 г. по делу «Botov and Others v. Russia»** (§ 121), **по делу «Nigmatullin and Others v. Russia»** (§ 120)). ... Учитывая, что объяснения Властей были представлены в результате **несоответствия поверхностных** внутригосударственных проверок требованиям статьи 3 Конвенции, ... они **не могут считаться удовлетворительными или убедительными**. ... **Власти не смогли снять с себя бремя доказывания и представить доказательства, способные поставить под сомнение изложенную заявителями версию событий, которую Суд считает установленной** (...)» (§ 125, 124 **соответственно, по делу «Ishevskiy and Others v. Russia»** (§ 109)). Но в любом случае «Необходим **достаточный элемент общественного контроля расследования или его результатов**, в частности, во **всех** делах заявитель **должен располагать эффективным доступом к следственной процедуре** (...)» (§ 105 **Постановления от 03.07.14 г. по делу «Antayev and Others v. Russia»**). Наконец, выводы следствия **должны основываться на тщательном, объективном и беспристрастном анализе всех** относимых элементов. Уклонение от следования **очевидной** линии проверки в значительной степени умаляет способность следствия **установить обстоятельства дела и виновных лиц** (...). ...» (§ 106 **там же**).

«... задержки допроса потенциальных виновников совершения преступления представляют серьезный фактор, умаляющий эффективность расследования. В прошлом Европейский Суд устанавливал нарушение процессуального обязательства по расследованию доказуемых жалоб ..., когда не были приняты **целесообразные** меры для **уменьшения риска сговора** между сотрудниками, потенциально причастными к преступлению, **что составило значительный недостаток адекватности расследования** (...). Данная **угроза воспрепятствования правосудию посредством сговора** особенно значительна в ситуации иерархического подчинения и совместной службы, такой как служба сотрудников милиции. В настоящем деле угроза подобного сговора также возросла с течением времени (§ 108 **Постановления от 03.07.14 г. по делу «Antayev and Others v. Russia»**). ... в настоящем деле, в котором внутригосударственные следственные органы пришли к выводу об **ответственности известной группы** представителей государства за обжалуемые действия, **уклонение от установления ответственных лиц может быть связано лишь с нежеланием прокуратуры проводить расследование** (...). Уклонение от **очевидной** линии проверки **в значительной степени умаляет способность следствия установить обстоятельства дела и виновных**. Наконец, если обстоятельства таковы, что власти вынуждены направлять сотрудников в маска для осуществления задержания, ... от последних следует **требовать** видимой демонстрации некоторых анонимных **средств идентификации** - например, номера или буквы, что позволит их идентифицировать и **допросить** в случае жалоб на то, каким образом проводилась операция (...)» (§ 109 **там**

же). ... Что касается ссылки властей на тот факт, что расследование все еще продолжалось и преступники еще не были установлены... Принимая во внимание его продолжительность до настоящего времени и выявленные выше недостатки, а также тщетные попытки обжалования заявителями действий следователей в суды (...), ... ожидание заявителей до окончания расследования могло оказать влияние на процессуальное обязательство, вытекающее из статьи 3 Конвенции» (§ 111 там же).

«... в данном случае в расследовании ... отсутствует элемент беспристрастности (...), поскольку оно было поручено ... тому же самому следователю, который, как утверждает авторами, причастен к применению пыток. ...» п. 9.4 Соображений КПЧ от 11.03.20 г. по делу «Rizvan Taysumov and Others v. Russian»), то есть прямо заинтересован в фальсификации доказательств для цели самому уйти от наказания и ответственности за совершенные преступления, поскольку «... Другие свидетели, включая следователя, который, как следует из материалов дела, присутствовал в комнате с заявителем, не были допрошены. Таким образом, Суд считает объяснение Властей необудительным» (§ 122 Постановления от 04.02.20 г. по делу «Botov and Others v. Russia»).

Поскольку всё приведенное Россия Мафиози и Бандитов для России Жертв отменили, приведенные нормы и доводы предназначены для их нарушения Мафиози и Бандитами и их неисполнения ими, поэтому мы имеем результат, когда «... простое проведение предварительного расследования, за которым не следует, собственно, расследование, в ходе которого может быть осуществлен весь комплекс следственных действий, включая допрос свидетелей, очные ставки и опознание, является недостаточным для того, чтобы власти могли выполнить требования эффективного расследования заслуживающих доверия утверждений о жестоком обращении со стороны полиции в соответствии со статьей 3 Конвенции (...). ... На достоверные утверждения заявителя об обращении, запрещенном статьей 3, Власти отреагировали оперативно (...) путем проведения доследственной проверки, где дважды было отказано в возбуждении уголовного дела и проведении полноценного расследования. В результате, например, сотрудник полиции V.S. дал различные "объяснения" (...), которые не приводили его к тем же последствиям, что и при допросе в качестве свидетеля в контексте уголовного судопроизводства и не влекли за собой необходимых гарантий, присущих эффективному уголовному расследованию, такое, как уголовная ответственность за дачу ложных показаний. Очной ставки между заявителем и V.S. не проводилось. Полицейский А.Ф. никогда не допрашивался (...). В материалах дела нет ничего, что указывало бы на то, что были предприняты попытки установить конкретные роли сотрудников полиции V.S. и А.Ф. в инциденте, а также личности других полицейских, участвующих в нем, несмотря на видеозапись, сделанную полицией (§ 94 Постановления от 26.05.20 г. по делу «Gremina v. Russia»). Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте» (§ 95 там же). «... причины, приведенные сотрудниками полиции, участвовавшими в задержании ..., характеризовались «отсутствием искренности, недобросовестности и ... ложной информации» (...). Таким образом, ... причины задержания ... не были обоснованы» (§ 90 Постановления от 30.06.20 г. по делу «Satybalova and Others v. Russia»).

Также следует иметь в виду, что «... в делах о незаконном применении силы представителями государства - не по ошибке, недосмотру или небрежности - гражданское или административное производство, направленное исключительно на возмещение причиненного вреда, а не на установление и наказание виновных, не является адекватным и эффективным средством правовой защиты в отношении жалоб на нарушение статей 2 и 3 Конвенции (...)» (§ 20 Постановления от 12.11.15 г. по делу «Merezhnikov v. Russia»). ... с момента рассмотрения гражданскими судами по существу утверждений о жестоком обращении, принимая во внимание выводы прокуратуры, от заявителя не требуется прибегать к иному производству, предусмотренному статьей 125 УПК РФ (...) (§ 21 там же). ... Если лицо лишено свободы, применение к нему физической силы, когда это не является строго необходимым в силу его поведения, посягает на его человеческое достоинство и в принципе признается нарушением прав, гарантированных статьей 3 Конвенции (...). Вопрос о том, было ли обращение направлено на унижение жертвы, является другим элементом, который следует принимать во внимание, однако отсутствие такой цели не исключает автоматически возможного нарушения статьи 3 Конвенции (...)» (§ 27 там же).

2. Если решение влечет нарушение **фундаментальных прав**, то оно подлежит **безусловному** обжалованию и **не может иметь юридической силы** до тех пор, пока доводы жалобы не будут рассмотрены **по существу** (§ 96 **Постановления от 04.02.03 г. по делу «Lorsé and Others v. the Netherlands»**). До рассмотрения обращения на принятое решение оно **не подлежит исполнению ни в каком виде** в силу ст. 13 Конвенции, которая имеет приоритет перед внутренними законами (абзац 2 п. 3 мот. части **Постановления КС РФ № 9-П от 16.06.09 г.**, абзац 2 п. 2 мот. части **Определения КС РФ № 114-О-П от 19.01.11 г.**, абзац 3 п. 4.2 мот. части **Постановления КС РФ № 12-П от 19.04.16 г.**, **Определения Верховного Суда РФ от 23.09.14 г. по делу № 308-ЭС14-1224**, от 17.09.18 г. по делу № 66-КГ18-15, **Постановления Суда по интеллектуальным правам от 09.02.17 г. по делу А65-18749/2014**) и предусматривает **приостанавливающее** действие решений, имеющих необратимые последствия: «... Понятие эффективного средства правовой защиты в соответствии со статьей 13 Конвенции обязательно **требует**, чтобы применение такого средства правовой защиты могло **предотвратить исполнение мер, противоречащих Конвенции и имеющих необратимые последствия**. Следовательно, **до того момента**, как государственные органы власти **проведут проверку на соответствие таких мер Конвенции, их применение будет противоречить статье 13 Конвенции** (...). Трудно найти какие-либо доводы в отношении того, почему бы данный принцип эффективного средства правовой защиты личных прав человека не смог бы применяться в качестве **обязательного конвенционного требования** в международном праве при рассмотрении дел Европейским судом, тогда как он применяется в судебном разбирательстве в национальных правовых системах» (§ 124 **Постановления от 04.02.05 г. по делу «Mamatkulov and Askarov v. Turkey»**). Также, «... **Требование законности по смыслу Конвенции требует соблюдения соответствующих положений внутреннего законодательства и совместимости с верховенством права**, которое включает **свободу от произвола** (...)» (§ 67 **Постановления от 04.06.20 г. по делу «Avendi OOD v. Bulgaria»**). «... **статья 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты для осуществления материальных прав и свобод, установленных Конвенцией, независимо от того, в какой форме они обеспечиваются в национальной правовой системе; средства правовой защиты должны быть эффективными в том смысле, что они должны предотвращать предполагаемое нарушение или прекращать его, равно как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение** (...)» (абзац 3 п. 3.1 мот. части **Постановления КС РФ № 10-П от 21.04.10 г.**). При этом «... факт доступа к внутренним средствам правовой защиты только для получения ответа о том, что требование отклонено вследствие толкования компетенции органа-ответчика по сравнению с одним из его подразделений или исполнительных органов, может вызвать вопрос с точки зрения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Степень доступа, допускаемая национальным законодательством и ее толкованием со стороны судов страны, также **должна быть достаточной для обеспечения "права на суд" с учетом принципа верховенства права** в демократическом обществе. **Чтобы право доступа было эффективным, лицо должно иметь ясную практическую возможность оспаривания акта, составляющего вмешательство в его права** (...)» (§ 74 **Постановления от 26.07.11 г. по делу «Georgel and Georgeta Stoeescu v. Romania»**), что психически здоровым более полно объяснено в п.п. 6.8 – 6.8.4 заявления № 3162 (Заяв.№3162ВновьОткрНуждин (<https://clc.to/6ZVo5Q>)).

«... без ущерба для вопроса о приостанавливающем действии или отсутствия обжалования, эффективность средства правовой защиты во избежание любого риска произвольного решения **требует**, чтобы вмешательство судьи или "национального органа" было **реальным** (...)» (§ 161 **Постановления от 25.06.20 г. по делу «Moustahi c. France»**). ... **короткое время между принятием такой меры и приведением ее в исполнение исключает любую возможность** того, что суду действительно будет передан вопрос на рассмотрение, и тем более **серьезно рассмотреть правовые обстоятельства и аргументы**, которые выступают **за** или **против** нарушения статьи 8 Конвенции или статьи 4 Протокола № 4 в случае приведения в исполнение решения ... (§ 162 **там же**). ... **поспешность, с которой было исполнено постановление ..., имела практическое значение, делавшее существующие средства правовой защиты неэффективными и, следовательно, недоступными** (§ 163 **там же**). ... на практике заявители не имели эффективных средств правовой защиты, позволяющих им обосновать жалобы, основанные на статьях 8 Конвенции и 4 Протокола № 4, во время их высылка.

Это не удалось исправить путем последующей выдачи вида на жительство. Таким образом, имело место нарушение статьи 13 Конвенции в сочетании с этими положениями» (§ 164 там же).

2.1 В связи с чем напоминаем, что из положений Конституции РФ (статьи 17 (части 1 и 2), 18, 46 (часть 1)) «... во взаимосвязи с ее статьей 19 и корреспондирующих им положений международных договоров Российской Федерации, являющихся составной частью ее правовой системы и **имеющих приоритет перед внутригосударственными законами** (статья 15, часть 4, Конституции РФ), следует, что **право на судебную защиту** предполагает наличие таких **конкретных правовых гарантий**, которые **позволяют реализовывать его в полном объеме** и **обеспечивать эффективное восстановление в правах** посредством правосудия, отвечающего **общеправовым требованиям** справедливости и равенства (абзац 2 п. 2 мот. части **Постановления КС РФ № 6-П от 25.03.08 г.**). Согласно пункту 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Аналогичные положения закреплены в пункте 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах» (абзац 3 там же).

2.2 «... жалоба по статье 13 вытекает из тех же фактов, которые были рассмотрены при рассмотрении жалобы по статье 10 выше. Однако **существует различие в характере интересов**, защищаемых статьей 13 Конвенции, и **интересов**, защищаемых в соответствии со статьей 10: первая предоставляет процессуальные гарантии, а именно «право на эффективное средство правовой защиты», тогда как процессуальное требование, присущее последней является вспомогательным для более широкой цели обеспечения уважения основного права на свободу выражения мнения (...). Принимая во внимание разницу в целях гарантий, предоставляемых двумя статьями, Суд считает целесообразным в настоящем деле рассмотреть один и тот же набор фактов в соответствии с обоими положениями (**Постановления от 23.06.20 г. по делу «Bulgakov v. Russia» (§ 46), по делу «ООО Flavus and Others v. Russia» (§ 52), по делу «Engels v. Russia» (§ 41), по делу «Vladimir Kharitonov v. Russia» (§ 54)**). ... заявитель имел обоснованную жалобу о нарушении его права на свободу выражения мнения. Соответственно, статья 13 требовала, чтобы он имел внутригосударственные средства правовой защиты, которые были бы «эффективными» как на практике, так и в законодательстве в том смысле, что оно либо препятствует предполагаемому нарушению или его продолжению, либо обеспечивает **надлежащее** возмещение за любое нарушение, которое уже было допущено (§ 46 **Bulgakov** и **иные, соответственно**). ... **суд апелляционной инстанции не рассмотрел существо его жалобы**. В нем не рассматриваются правовые различия ..., а также **не рассматриваются необходимость и соразмерность** меры ... и **чрезмерные последствия выбранного способа его осуществления**. Он также **не оценил доказательства заявителя и не сделал каких-либо выводов относительно того, должно ли оно быть принято или отклонено**. Соответственно, ... средство правовой защиты, предусмотренное национальным законодательством, не было эффективным в обстоятельствах дела заявителя (...)» (§ 48 **Bulgakov**). «Хотя заявители смогли подать иск в суд с просьбой пересмотреть блокирующие меры и их влияние на работу своих сетевых СМИ, **российские суды не рассмотрели существо их жалоб. Они не касались несоблюдения властями требований законодательства** по выявлению проблемных веб-страниц, а также **не рассматривали необходимость и соразмерность мер** блокировки или их чрезмерный объем. Соответственно, ... средство правовой защиты, предусмотренное национальным законодательством, не было эффективным в обстоятельствах дела заявителей (...)» (§ 54 **ООО Flavus**). «Хотя заявитель мог подать апелляцию на постановление о блокировании, суд апелляционной инстанции не рассмотрел существо его жалобы. Он также не затрагивал специфику информации о конкретных технологиях и не рассматривал необходимость и пропорциональность меры блокирования. Соответственно, Суд считает, что средство правовой защиты, предусмотренное национальным законодательством, не было эффективным в обстоятельствах дела заявителя (...)» (§ 43 **Engels**). «Несмотря на то, что заявитель мог подать иск о пересмотре постановления Роскомнадзора о блокировке и его влияния на его веб-сайт, **российские суды отказались рассматривать суть его жалобы. Они не исследовали ни законность, ни соразмерность последствий** постановления о блокировке на веб-сайте заявителя. Соответственно, ... средство правовой защиты, предусмотренное национальным

законодательством, не было эффективным в обстоятельствах дела заявителя (...)» (§ 56 *Kharitonov*). «Таким образом, имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 10 (§ 47 *Bulgakov* и *иные, соответственно*). ... Суд присуждает заявителю 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда и сумму, истребуемую в качестве компенсации судебных расходов и издержек, за вычетом 850 евро, предоставленных в качестве юридической помощи, плюс любой налог, который может быть взыскан с заявителя» (§ 53 *там же*).

Таким образом, отказ от рассмотрения доводов Жертвы по **конкретному** вопросу образует не только нарушения права, которое подлежит защите, но и нарушение права на эффективные средства правовой защиты, поскольку Жертва **не может реализовать на практике те нормы права, которые подлежат применению**, но добиться их применения она не может по причине **преступной** деятельности «судей» и «прокуроров». Поэтому «... **обязательство властей государства по смыслу статьи 13 Конвенции также включает в себя обязанность гарантировать, чтобы компетентные государственные органы власти обеспечивали возможность использования предоставленных средств правовой защиты ...** (...). Для Европейского Суда было бы немыслимо, чтобы статья 13 Конвенции предоставляла право на средство правовой защиты и содержала требование о его эффективности, не защищая при этом **применение** предоставленных средств правовой защиты. Утверждение об обратном **привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом верховенства права**, который Договаривающиеся Государства **обязались** соблюдать при ратификации Конвенции (...)» (§ 63 *Постановления от 30.04.19 г. по делу «Elvira Dmitriyeva v. Russia»*). **Учитывая, что решение районного суда в пользу заявительницы, ... не было исполнено вопреки требованиям законодательства Российской Федерации, Европейский Суд не может согласиться с тем, что средства правовой защиты, предусмотренные законодательством Российской Федерации, были эффективными в деле заявительницы.** ... (§ 64 *там же*). Таким образом, в настоящем деле имело место нарушение статьи 13 Конвенции» (§ 65 *там же*).

2.3 Поэтому «... Превентивные меры, принятия которых **требует** соответствующее позитивное обязательство, как раз входят в круг **обязанностей** государственных органов и обоснованно могут считаться подходящим средством **предотвращения опасности, о которой они были информированы.** ... (§ 107 *Постановления от 30.04.04 г. по делу «Oneryildiz v. Turkey»*). ... Соответственно, ... чем выяснять, соответствовало ли предварительное расследование во всех отношениях процессуальным **требованиям**, установленным для таких дел (...), было **предпочтительнее оценить, были ли судебные органы, как хранители законов, призванных охранять жизнь граждан, решительно настроены наказать виновных.** ...» (§ 115 *там же*). «... предотвращение нарушения, в абсолютном смысле, является наилучшим решением во многих случаях. ...» (§ 33 *Решения от 23.09.10 г. о приемлемости по делу «Yuriy Aleksandrovich Nagovitsyn and Magometgiri Khakyashevich Nalgiyev»*), что психически здоровым объяснено в п.п. 2 – 2.7 заявления № 3178-3 (Иск№3178ВерхЛП-3 (<https://clc.to/sVYVxw>)).

2.4 Также следует напомнить, что «... "... задачей Генерального прокурора в Кассационном суде Турции было **представление рекомендаций** по существу жалоб, представленных заявителем и Казначейством. Генеральный прокурор представил свое письменное заключение, согласно которому следовало оставить без изменения компенсацию, присужденную судом первой инстанции. Следовательно, заключение Генерального прокурора было предназначено для того, чтобы повлиять на решение Кассационного суда. ...**учитывая характер доводов** Генерального прокурора и тот факт, что **заявителю не была предоставлена возможность представить письменные возражения**, имело место нарушение права заявителя на **состязательное судебное разбирательство**. Это право означает, в принципе, **возможность сторон гражданского или уголовного судебного разбирательства ознакомиться и прокомментировать все представленные доказательства или замечания**, даже если они представлены независимым участником национальной правовой системы, таким, как Генеральный прокурор в настоящем деле, **с целью оказания влияния на решение суда** (...). Верно, что Генеральный прокурор также рекомендовал отклонить и жалобу Казначейства. Однако в то время как этот нейтральный подход мог бы обеспечить равенство сторон на стадии обжалования, все же дело еще заключалось и в том, что **заявитель оспаривал размер компенсации, присужденной ему нижестоящим судом. Поэтому он имел право иметь полное представление о любых доводах, которые могли лишить его**

шансов на удовлетворение его просьбы Кассационным судом..." (§ 55 Постановления от 11.07.02 г. по делу «Göç v. Turkey»). ... если Правительственный комиссар затрагивает в своем устном выступлении вопрос, который не поднимали стороны, председательствующий судья отложит рассмотрение дела, чтобы дать сторонам возможность ответить (...). ... (§ 56 там же). Относительно довода о том, что заявитель мог ознакомиться с материалами дела в Кассационном суде Турции и получить копию заключения Генерального прокурора, Европейский суд счел, что само по себе это не является достаточной гарантией обеспечения права заявителя на состязательное судебное разбирательство. ... исходя из соображений справедливости, секретариат Кассационного суда **должен** был сообщить заявителю о том, что было представлено заключение и что, **если он пожелал, он мог бы представить на него письменные комментарии**. ... это требование не закреплено в национальном законодательстве. Власти Турции утверждали, что адвокат заявителя должен был бы знать, что в соответствии с существовавшей практикой можно было ознакомиться с материалами дела. Однако ... требовать от адвоката заявителя, чтобы он брал на себя инициативу и периодически знакомился с материалами дела, чтобы узнать, включены ли туда новые документы, являлось бы **возложением несоразмерного бремени** на него и не обязательно гарантировало бы действительную возможность прокомментировать заключение, поскольку его так и не известили о расписании производства по жалобе (...). ... (§ 57 там же). Принимая во внимание указанные доводы, ... имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с неизвещением заявителя о заключении Генерального прокурора» (§ 58 там же).

2.5 Но так как в России ничего этого нет, **всё приведенное Мафиози и Бандиты для населения в России отменили, приведенные нормы и доводы предназначены для их нарушения Мафиози и Бандитами и их неисполнения ими**, поэтому сложилась **преступная** практика, когда «... "... во многих случаях пытки применяются после произвольного ареста и часто их целью является выбивание признательных показаний или наказание и **запугивание политических противников**. Пытки применяются в полицейских участках, тюрьмах и помещениях государственных служб безопасности и центральных сил безопасности. Их практикуют полицейские, военные, сотрудники службы национальной безопасности и тюремные надзиратели. При этом **прокуроры, судьи** и должностные лица администрации исправительных учреждений также **способствуют применению пыток, ничего не предпринимая для пресечения этой практики, произвольных задержаний и жестокого обращения и не давая хода жалобам на применение пыток или жестокое обращение**" (...). ...» (п. 10.6 Решения КПП от 22.11.19 г. по делу «Hany Khater v. Morocco»).

Однако, несмотря на то, что Мафиози и Бандиты, захватившие преступными способами органы власти в России, создали эту преступную практику, тем не менее их никто и никогда не сможет освободить от ответственности по компенсации за причиненный вред.

2.6 В связи с чем вновь напоминаем, что как следует из абзаца 6 п. 1 ППВС РФ № 47 от 25.12.18 г. составной частью законодательства РФ является Стамбульский протокол (**Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания**). Также «... статья 14 применима **ко всем** жертвам пыток и **неправомерного обращения**. ... статья 14 не только признает право на справедливую и **адекватную** компенсацию, но и **требует** от государств-участников **обеспечивать получение возмещения** жертвами пыток или **неправомерного обращения**. ... возмещение **должно** охватывать **всю** совокупность причиненного жертве ущерба и включать, среди прочих мер, реституцию, компенсацию и реабилитацию жертвы, а также **меры, способные гарантировать невозможность повторения нарушений**, – с **обязательным** учетом обстоятельств **каждого** дела (...). ...» (п. 8.6 Решения от 25.11.19 г. по делу «Ali Aarrass v. Morocco»). При этом «... расходы и издержки, понесенные в рамках национального разбирательства **с целью предотвращения предполагаемых нарушений Конвенции**, также **подлежат взысканию в соответствии со статьей 41 Конвенции** (...)» (§ 188 Постановления от 03.10.13 г. по делу «Nizomkhon Dzhurayev v. Russia»). «... **Жалоба также затронула важные правовые вопросы и принципы, что потребовало проделать огромную работу**. Было необходимо глубочайшее изучение текущего положения вопроса ... и всестороннее сравнительное исследование законодательства и практики в других государствах-членах Совета Европы, а также соответствующих текстов и документов Совета Европы (§ 138 Постановления от 04.12.08 г. по делу «S. and Marper v. United Kingdom»). ... Исходя из принципа справедливости, в

свете своей прецедентной практики по схожим делам Европейский суд присудил заявителям компенсацию судебных расходов и издержек в размере 42000 евро...» (§ 140 там же). Следует помнить и о том, что «... Поскольку истец воспользовался имеющимся у него процессуальным правом на увеличение исковых требований, его поведение нельзя признать недобросовестным и отказать в защите нарушенного права при обращении в суд. ...» (Определение Верховного Суда РФ от 17.06.20 г. по делу № 305-ЭС19-23183).

3. Таким образом, поскольку права Шлякова В.В. во время его **незаконного** задержания 14.05.20 г. были нарушены также как и тех, кого задерживали 27.06.20 г. и как в отношении последних в отношении Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. были **сфабрикованы** административные материалы, что **мы можем наблюдать** («НАЧАЛИСЬ ЗАДЕРЖАНИЯ! Москва. Акция в поддержку Юлии Цветковой» (<https://youtu.be/K37nLn1rX9c>)), «Пикеты у здания ФСБ на Лубянке в защиту журналиста Ивана Сафронова»: <https://youtu.be/Yn-nNWVoJ6M> и **это является системной проблемой** (§ 22 Постановления от 28.07.99 г. по делу «Bottazzi v. Italy», §§ 46, 47 Постановления от 20.03.18 г. по делу «Igranov and Others v. Russia»), которую **создали** Мафиози и Бандиты (§§ 27- 29 Постановления от 03.02.11 г. по делу «Igor Kabanov v. Russia»), поэтому осталось сформулировать нарушение прав Жертв и размер компенсации, которая не может быть ниже, чем это определено практикой ЕСПЧ. В связи с чем напоминаем, что «... иск о компенсации **должен** быть рассмотрен в разумный срок (...); компенсация **должна** быть **выплачена безотлагательно** и, как правило, не позднее шести месяцев с даты, в которую решение о присуждении компенсации вступило в силу (...); процессуальные правила, регулирующие иск о взыскании компенсации, **должны** соответствовать принципу справедливости, гарантированной статьей 6 Конвенции (...); правила относительно юридических издержек **не должны создавать чрезмерное бремя** для сторон в случае, когда иск является обоснованным (...); **размер компенсации не должен быть неразумным** в сравнении с компенсациями, присуждаемыми Европейским Судом в аналогичных делах (...» (§ 99 Постановления от 15.01.09 г. по делу «Burdov v. Russia (№ 2)»). Также «... принятие национальными властями меры, благоприятной для заявителя, лишит заявителя статуса жертвы **только** в том случае, если нарушение признается прямо или, по крайней мере, по существу и впоследствии будет исправлено (...). **Эффективность предоставленного возмещения** будет зависеть, в частности, **от характера права, которое, как утверждается, было нарушено, причин, по которым было принято решение и продолжительности неблагоприятных последствий** для соответствующего лица после принятия этого решения (...). **Предоставляемое возмещение должно быть соответствующим и достаточным**. Наличие у лица статуса жертвы также может зависеть от суммы компенсации, присуждаемой национальными судами, и **эффективности (включая оперативность) средства правовой защиты**, предоставившего компенсацию (...» (§ 35 Постановления от 15.01.19 г. по делу «Edward Zammit Maempel and Cynthia Zammit Maempel v. Malta»).

Более полно вопросы компенсации рассмотрены в Заяв.№3040п.1.17Компенсация (<http://clc.am/gGEIYA>), п.п. 9.13.1 – 9.13.6 Доказательства7 (<https://clc.to/z0BkBw>), п.п. 1.4 – 1.4.10 заявления № 3178-3 (<https://clc.to/sVYVxw>).

3.1 Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. задержали **без законных** на то оснований, чем **нарушили их право**, предусмотренное п. 1 ст. 9 Пакта, § 1 ст. 5 Конвенции. При задержании им не разъясняли права и порядок их осуществления, чем нарушили п. 2 ст. 9 Пакта, § 2 ст. 5 Конвенции, что объяснено выше и что делает полученные доказательства юридически ничтожными: «При рассмотрении дела об административном правонарушении собранные по делу доказательства **должны** оцениваться в соответствии со статьей 26.11 КоАП РФ, а также с позиции соблюдения **требований закона при их получении** (ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ). **Нарушением, влекущим невозможность использования доказательств**, может быть признано, в частности, **получение объяснений** потерпевшего, свидетеля, лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, **которым не были предварительно разъяснены их права и обязанности, предусмотренные ч. 1 ст. 25.1, ч. 2 ст. 25.2, ч. 3 ст. 25.6 КоАП РФ, статьей 51 Конституции РФ**, а свидетели, специалисты, эксперты не были предупреждены об административной ответственности соответственно за дачу заведомо ложных показаний, пояснений, заключений по статье 17.9 КоАП РФ, а также существенное нарушение **порядка назначения и проведения экспертизы**» (абзацы 1, 2 п. 18 ППВС РФ № 5 от 24.03.05 г.).

3.2 Нарушили Мафиози и Бандиты фундаментальное право Шлякова В.В. и

Лондарь Д.В. на помощь избранных ими защитников (п. 3 «b» ст. 14 Пакта, п. 3 «с» ст. 6 Конвенции, ст. 48 Конституции РФ) посредством не разъяснения и не обеспечения **этого** права и **порядка его осуществления**, что объяснено в п.п. 1.2.1, 1.2.2 выше.

3.3 Также Мафиози и Бандиты нарушили право Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. на представление доказательств и **возможность их сбора** (п. 1 ст. 14, п. 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 6, ст. 10 Конвенции, ч. 4 ст. 29, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ), не разъяснив им и **не обеспечив возможность** осуществлять видеозапись **публичных правоотношений** (Видео9 (<https://clc.to/ezpr1A>)), на что **согласие Мафиози и Бандитов не требуется**. Это лишний раз **доказывает**, что **им это право и порядок его осуществления никто не разъяснял**. Право на представление доказательств в виде видеозаписи находится **во взаимосвязи** с правом на пользование благами научного прогресса (п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации, п. 1 «b» ст. 15 Пакта об экономических правах), которое также не разъяснялось, не обеспечивалось, то есть **нарушалось**.

Поэтому для тех кто в тундре и тайге объясняем еще раз. Мафиози и Бандиты «разъясняют» право представлять доказательства (ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ) с одновременным **запретом** производить видеозаписи и представлять их в качестве доказательств, что на практике **должно** выглядеть так: «Вы имеете право представлять доказательства, поэтому я вам запрещаю их получать и представлять!» И это не имеет значения о каком месте мы говорим: будь то место задержания, место составления протокола, разъяснения прав или дачи объяснений. Во **всех** этих местах Жертвы **имеет право** производить видеозапись и **представлять её в качестве доказательств** по делу. Запрет на это – **является запретом на представление доказательств** и одновременно доказательством того, что право на представление доказательств не разъяснялось и не обеспечивалось, а, значит, что протоколы составлены в нарушение установленного законом порядка без разъяснения и обеспечения прав и поэтому они по этой причине не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинений (п. 3.1 выше).

3.4 Так как Шляков В.В. и Лондарь Д.В. пришли на митинг, чтоб выразить свое отношение к **преступной деятельности** Мафиози и Бандитов, которые прикидываются должностными лицами, поэтому лишение их этой возможности является нарушением их прав, гарантированных ст.ст. 19, 21 Пакта, ст.ст. 10, 11 Конвенции, ст.ст. 29, 31 Конституции РФ.

3.5 Поскольку Шлякову В.В. откровенно преступными способами был назначен штраф в размере 4 000 рублей и взыскание этого штрафа возможно с применением насилия вооруженными наемниками Мафиози и Бандитов, которых они купили на средства, украденные у Шлякова В.В., Лондарь Д.В. и других, **находящихся в их положении**, поэтому это является Разбоем и нарушением права собственности, которое **должно** быть защищено ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, ст. 35 Конституции РФ.

3.6 Так как штраф накладывался в **нарушение установленного законом порядка**, то есть **без проверки и оценки доказательств** на предмет их допустимости, достоверности и достаточности и без учета обстоятельств, освобождающих от ответственности (*состояние крайней необходимости, то есть ст. 2.7, п. 3 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ*), поэтому было цинично нарушено право на справедливое разбирательство дела, защищаемое п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ст.ст. 41, 47 Хартии, ст. 45, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ.

3.7 Лишая Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. свободы передвижения, Мафиози и Бандиты нарушили их право свободы передвижения, что им гарантировано ст. 12 Пакта, ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции, ст. 27 Конституции РФ. Введение **научно необоснованных** ограничений на свободу передвижения является **несоразмерной** мерой и **не может рассматриваться** как «... обоснованным общественными интересами в демократическом обществе» (п. 4 ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции). Это **преступное политическое** решение, по которому **необходимо возбуждать уголовное дело и устанавливать всех** тех, кто был **заинтересован в обмане мирового масштаба** и кто инициировал **обрушение экономик** большинства стран. Поэтому, «... когда заявитель выдвигает доводы по вопросу соразмерности вмешательства в рамках судебного разбирательства на внутригосударственном уровне, **суды должны их тщательно рассмотреть и ответить на эти доводы, приведя надлежащую мотивировку** (...)» (§ 148 *Постановления от 17.10.13 г. по делу «Winterstein and Others v. France»*).

И первым шагом на пути этого является **обязательность** назначения экспертизы на предмет установления в оспариваемом Указе Собянина С.С. (п. 1.2.11 выше) коррупционных признаков, как это прямо **предписано** взаимосвязанными **требованиями** п. 2 ст. 6 ФЗ «О противодействии коррупции», ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ, п.п.

3 «а», 12 ППВС РФ № 5 от 24.03.05 г. и допросе в качестве свидетеля Игоря Гундарова, а также **оценки его выступлениям** (п. 1.2.11 там же).

3.8 Все перечисленные и объясненные выше **преступления**, совершенные в отношении Шлякова В.В. и Лондарь Д.В. представителями обслуги Мафиози и Бандитов, повлекли унижающее достоинство обращение, что **запрещено** ст. 7 Пакта, ст. 3 Конвенции, ст. 21 Конституции РФ. Ситуация усугубляется тем, что Мафиози и Бандиты свою обслугу незаконно освободили (ч.ч. 3, 4 ст. 210, ст. 300 УК РФ) от ответственности и наказания за совершаемые **преступления** и эта **обслуга**, уверенная в безнаказанности и вседозволенности, **занимается реальной террористической деятельностью** на территории Жертв, внушая им страх и подавляя всякую волю к сопротивлению за совершаемые в отношении них тяжкие и особо тяжкие преступления, что само по себе является унижающим достоинство обращением.

3.9 Также следует иметь ввиду, что осуществляемый Мафиози и Бандитами Произвол (Заяв.№3040Произволб (<http://clc.am/dnSezA>)) является злоупотреблением правом (п. 4 ст. 1, п. 1 ст. 10 ГК РФ, п.п. 1.3 – 1.11.4 заявления № 3097 (Заяв.3097-2ВновьОткрАкуз (<http://clc.to/Txs8eg>)) и наглым **нарушением** ст. 5 Пакта, ст. 17 Конвенции, ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, п. 4 ст. 1, п. 1 ст. 10 ГК РФ, п. 1 ППВС РФ № 25 от 23.06.15 г. Конечно, следует говорить и о злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ, п. 18 ППВС РФ № 19 от 17.10.09 г.). Однако следует не забывать, что стало абсолютной нормой не только угроза применения насилия, но и само **незаконное** применение насилия, что **не расследуется** и покрывается **всеми** органами «власти», что только **доказывает**, что **в это насилие** (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) **они вовлечены все** (ст. 210 УК РФ). То есть quo tacuit, cum loqui debuit et potuit, consentire videtur – кто промолчал, когда мог и должен был говорить, тот рассматривается как согласившийся (положение римского права). И «... **безразличие или бездействие государства является одной из форм поощрения и/или де-факто разрешения.** ...» (п. 18 **Замечаний КПП общего порядка № 2**).

vim vi repellere licet – насилие разрешено отражать силой (положение римского гражданского права).

salus populi suprema lex est – общественное благо – высший закон (Цицерон).

«... если лицо выступает с доказуемой жалобой на жестокое обращение, это положение косвенно **требует** проведения эффективного официального расследования (...). ... статья 13 Конвенции **требует в дополнение** к выплате при необходимости компенсации **тщательного и эффективного** расследования, которое могло бы повлечь **установление и наказание** лиц, **несущих ответственность за** лишение жизни и **обращение, противоречащее статье 3 Конвенции**, включая **эффективный доступ заявителя к процедуре расследования**, ведущего к **установлению и наказанию** этих виновных лиц (...)» (§ 112 **Постановления от 05.06.12 г. по делу «Buntov v. Russia»**).

Что касается навязываемых адвокатов, то **системной проблемой** является ситуация, когда «... он не мог обжаловать приговор в связи с уклонением его адвоката и опекуна от подачи жалобы. ... во многих делах подобное **уклонение со стороны адвоката влекло вывод о нарушении** подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (...). ...» (§ 145 **Постановления от 21.06.16 г. по делу «Vasenin v. Russia»**).

«... что касается доступа к суду, то важно, чтобы правила, касающиеся, в частности, возможности обжалования и сроков, были установлены четко, но **они также должны быть доведены до сведения сторон**, участвующих в судебном разбирательстве, настолько явно, насколько это возможно, чтобы они **могли использовать их** в соответствии с законом. Это особенно актуально, когда лицо, которое было приговорено по умолчанию, задержано или не представлено адвокатом, когда оно получает уведомление о вынесенном приговоре: оно **должно иметь возможность незамедлительно** получить информацию надежным и официальным способом о возможности обжалования и сроках подачи апелляции. Речь идет не о толковании права или предоставлении консультаций, которые может дать только адвокат, а о том, какие действия могут быть представлены при вынесении решения суда (...)» (§ 81 **Постановления от 31.01.12 г. по делу «Assuncao Chaves v. Portugal»**). Следовательно, отсутствие ясной и достоверной официальной информации относительно **средств** обжалования, формальных требований и сроков для подачи жалобы нарушило право

заявителя на доступ к суду в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции» (§ 87 там же).

«Заявитель ... также ссылался на то, что **следственные органы утратили его паспорт** гражданина Нигерии. Он утверждал, что власти Российской Федерации нарушили требования статей 1, 13 и 17 Конвенции, статей 2 и 6 Протокола N 4 к Конвенции, статьи 7 Протокола N 7 к Конвенции и статьи 1 Протокола N 12 к Конвенции» (§ 90 **Постановления от 23.10.14 г. по делу «Mela v. Russia»**).

«... в принципе **ничто не мешает** Европейскому суду **рассмотреть** последующую жалобу, в которой ставится новый **вопрос, не решенный первоначальным решением** (...)» (§ 9 **Постановления от 02.07.20 г. по делу «Ananyev and Others v. Russia»**).

4. Шляков В.В. и **все те, кто находится в его положении, не должны** платить **никаких** пошлин при обращении в суд, поскольку Мафиози и Бандиты их **грабят каждый день** и поэтому Жертвы Мафиози и Бандитов **не должны** платить им **дополнительную дань**.

4.1 Существует две России: 1. Россия Мафиози и Бандитов, где **отменены все нормы права**, по которым они **должны** отвечать за **совершаемые преступления**; 2. Россия Жертв Мафиози и Бандитов, где «законы» созданы для того, чтоб грабить Жертв. То есть **«законы» в России Жертв** являются для Мафиози и Бандитов теми **преступными средствами**, с помощью которых они грабят Жертв. И поэтому «законы» в России Жертв **не являются основой демократического общества**, то есть **большинства** и Россия в **нарушение** ч. 2 ст. 1 Конституции РФ не является правовым государством, поскольку как в России Жертв, так и в России Мафиози и Бандитов отсутствует равенство перед законом и судом. Сам **«суд» из России Мафиози и Бандитов** является **преступным средством** для грабежей и разбоев в России Жертв, поскольку **«... региональные суды демонстрировали чрезмерное уважение к органам исполнительной власти или даже не обладали необходимой независимостью. ...»** (§ 24 **Постановления от 26.11.19 г. по делу «Savenko (Limonov) v. Russia»**).

4.2 Несмотря на то, что национальным достоянием, то есть **каждого** россиянина, являются **все без исключения** полезные ископаемые, однако Россия Мафиози и Бандитов это **все присвоила себе**, хотя **все** получаемые средства **должны** распределяться **для блага России Жертв**, то есть **большинства налогоплательщиков**. Россия Мафиози и Бандитов на территории России Жертв создала организованное преступное сообщество (ст. 210 УК РФ), которое занимается **только** грабежами, разбоями и убийствами. **Ничем другим** Россия Мафиози и Бандитов на территории России Жертв не занимается.

4.3 Если Россия Мафиози и Бандитов, например, занимается строительством на территории России Жертв, то этим она занимается **только** с целью **хищений бюджетных средств**, то есть **средств России Жертв, способы** которых в СССР именовались «приписками», что относилось к **хищениям государственной собственности**. Но если в СССР это являлось преступлениями, то в России Мафиози и Бандитов это называется «бизнесом», хотя, **даже по законом России, это** является преступлениями. Но **эти преступления в России Жертв не расследуются, поскольку все «судебные», «следственные» и «надзирающие» органы, то есть преступные, террористические организации, находятся в России Мафиози и Бандитов.**

4.4 Так как в России Мафиози и Бандитов находятся «законодательные» органы, поэтому стало возможным вводить «законы», с помощью которых Мафиози и Бандиты обкладывают **данью все** население России Жертв, **начиная с момента зачатия**. **Все** Аферы с «платонами», «маркировкой», которые ведут к **удорожанию продукции и обогащению единиц** – это и есть **обложение данью всех**. Как только беременная женщина начинает больше есть и **потреблять в связи с беременностью**, она со своим мужчиной **автоматически** начинают **больше платить Мафиози и Бандитам**. То есть «материнский капитал» - это часть от украденного у отцов и матерей, которое Мафиози и Бандиты возвращают ограбленным с целью создания иллюзии заботы о будущем поколении, хотя это **«будущее поколение» Мафиози и Бандиты начинают грабить в утробе матери.**

4.5 Услуги ЖКХ – это Хищения и Разбои России Мафиози и Бандитов на

территории России Жертв (иск№2434Тарифы (<https://clc.to/QU5P w>), АпелЖал№2331 (<https://clc.to/BEHtiw>)).

4.6 Россия Мафиози и Бандитов на территории России Жертв **разворовала все** пенсионные накопления и теперь за счет «реформ» **обеспечила себе возможность воровать еще больше**, поскольку **сократилось число тех, кто будет иметь право на получение пенсии**. При этом следует отметить, что и **до «реформы» Россия Мафиози и Бандитов платила не всем, кто имел право на пенсии**.

4.7 Россия Мафиози и Бандитов присвоила себе (ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 160, ст. 210 УК РФ) вклады граждан СССР в Сбербанке. То есть она их просто украла и **кроме Паранойи Россия Жертв от России Мафиози и Бандитов ничего иного получить не может**.

4.8 Когда Россия Мафиози и Бандитов на территории России Жертв занимается хищениями, то на этой территории перестают действовать вообще какие-либо органы власти, которые могли бы обеспечить действие законности (Иск№3178ВерхЛП-3 (<https://clc.to/sVYVxw>), заяв.№3189ВновьОткрОбстЛП (<https://clc.to/ZqfNZq>)). То есть территория России Жертв предназначена **только** для того, чтоб Россия Мафиози и Бандитов могла **безнаказанно совершать любые** преступления, поскольку «надзор» и «контроль» за этими **преступлениями** находится в сфере России Мафиози и Бандитов.

4.9 Россия Мафиози и Бандитов – это паралогическое мышление, которое является основной бредовой системы. Именно здесь **осуществляется искажение реальности и желаемое выдается за действительность, создавая иллюзии на территории России Жертв**. То есть **Россия Мафиози и Бандитов является индукторами психических расстройств на территории России Жертв** в связи с чем **вся территория России Жертв является Дурдомом под открытым небом**.

4.10 Если мы начнем изучать **судебную практику** деятельности Мафиози и Бандитов, то увидим **одну и ту же картину**: в рамках этого **преступного** режима **была полностью истреблена судебная власть**, которая стала обслугой Мафиози и Бандитов. То есть Мафиози и Бандиты полностью истребили справедливое (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ), объективное (п. 2.5 Бангалорских Принципов, п. 9.7 Соображений КПЧ от 21.10.14 г. по делу «Olga Kozulina v. Belarus», § 61 Постановления от 04.02.20 г. по делу «Alexandru Marian Iancu v. Romania»), компетентное, независимое и беспристрастное (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 7.6 Соображений КПЧ от 27.03.19 г. по делу «Marcos Siervo Sabarsky v. Bolivarian Republic of Venezuela», ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, абзацы 2, 3 п. 2 мот. части Постановления № 20-П от 20.07.12 г.) рассмотрение дела на условиях равенства (п. 9.2 Соображений КПЧ от 07.11.17 г. по делу «Gabriel Osío Zamora v. Bolivarian Republic of Venezuela», абзац 3 ч. 2 мот. части Постановления КС № 10-П от 21.04.10 г.). «... понятие «суд» «означает - независимо от его наименования – орган, который создан на основании закона, является независимым от исполнительной и законодательной ветвей власти или пользуется в конкретных случаях **судебной независимостью в принятии решений по правовым вопросам** в разбирательствах, являющихся судебными по своему характеру» (...). ...» (п. 8.5 Соображений КПЧ от 07.11.17 г. по делу «Gabriel Osío Zamora v. Bolivarian Republic of Venezuela», п. 7.6 Соображений КПЧ от 27.03.19 г. по делу «Marcos Siervo Sabarsky v. Bolivarian Republic of Venezuela»). Однако, «... несмотря на существование дисциплинарной системы судебных органов, в рамках которой ведется надзор за добросовестностью и надлежащей работой судей, она используется **только для наказания судей, принимающих не устраивающие исполнительную власть решения** (...). ...» (п. 5.11 Соображений КПЧ от 07.11.17 г. по делу «Gabriel Osío Zamora v. Bolivarian Republic of Venezuela»). И поскольку на территории Жертв их грабят Мафиози и Бандиты, которых **обслуживают «судьи»**, поэтому и говорить о какой-либо объективности, независимости и беспристрастности совершенно излишне. «... **суд** первой инстанции **не только не рассмотрел утверждения автора..., но и мешал автору говорить о них** перед лицом присяжных. В свете вышеизложенного Комитет **констатирует**, что **в силу отсутствия эффективного расследования его утверждений ... имело место нарушение прав автора по пункту 3 статьи 2 в сочетании со статьей 7 Пакта»** (п. 9.2 Соображений КПЧ от 16.03.17 г. по делу «Dmitry Tyan v. Kazakhstan»). Все описываемые **преступления**, как правило, приводят к **естественному результату**, где «судья **явно нарушил свое обязательство в отношении беспристрастности и независимости...**» (п. 5.13 Соображений КПЧ от 08.04.91 г. по делу «Kelly v. Jamaica»), «... **не рассмотрел ни одного из законных требований ... , создавал стрессовые ситуации и открыто нарушал закон»** (п. 13.10

Соображений КПЧ от 06.04.98 г. по делу «Victor P. Domukovsky and Others v. Georgia»), что психически здоровым более полно объяснено в п. 9.16.5 Доказательства7 (<https://clc.to/z0BkBw>). То есть в России не существует эффективных средств правовой защиты (п. 10.4 Соображений КПИ от 20.09.18 г. по делу «Munir al Adam v. Saudi Arabia»), поскольку вопли Жертв «рассматривают» их Палачи, что более полно объяснено в п. 1.10.5 заявления № 3178-3.

«Что касается формы и содержания заявлений Немцова, то **национальные суды не рассмотрели его утверждения о широко распространенной коррупции в правительстве Москвы в свете фактической информации, содержащейся в докладе в целом.** За заявлением, обвиняющим господина Лужкова и его супругу в том, что они подают "вредный пример" коррупции, **последовали конкретные примеры такой практики,** в том числе распоряжения мэра о выделении большого участка земли под застройку компанией его жены или **передаче в собственность ее компании государственного производителя** быстровозводимого жилья (...). Эти фактические элементы не оспаривались в ходе судебного разбирательства; истцы не оспаривали их. ... эти не оспоренные элементы подтверждают вывод, который Немцов сделал **из них.** Поскольку он также приводит слова о том, что считает Лужкова «коррупционером» и «вором», Суд признает, что **это сильные слова, которые предполагают причастность к преступной деятельности** (...). Однако **отсутствие судимости не обязательно исключает реальность предполагаемых фактов, в частности, когда такие обвинения еще не были официально расследованы** (...). Г-н Немцов реагировал на довольно оскорбительный комментарий представителя мэра, и его реакция была сообщена как есть, без редактирования. Спонтанные формы выражения допускают большую степень преувеличения и не могут быть приняты с тем же стандартом точности, что и письменные утверждения (...)» (§ 25 **Постановления от 23.06.20 г. по делу «Kommersant and Others v. Russia».**)

«... называя региональных чиновников "ворами", в настоящем контексте заявитель не вышел за рамки той степени преувеличения или даже провокации, которая является частью свободы журналиста (...)» (§ 47 **Постановления от 02.10.18 г. по делу «Fedchenko v. Russia (№ 4)».**)

«Указанное высказывание было сделано заявителем в общем контексте дискуссии об ограничениях, которые власти города ввели в отношении права граждан на свободу мирных собраний. Если говорить конкретнее, утверждение заявителя можно воспринимать как предположение о том, что **региональные суды демонстрировали чрезмерное уважение к органам исполнительной власти или даже не обладали необходимой независимостью.** Как осуществление политических прав, так и функционирование судебной системы являются вопросами, представляющими **общий интерес** и пользующимися высокой степенью защиты в соответствии со статьей 10 Конвенции, и органы власти обладают особенно узкой свободой усмотрения для ограничения политических речей (...)» (§ 24 **Постановления от 26.11.19 г. по делу «Savenko (Limonov) v. Russia».**) ... **Требования** защиты репутации политического деятеля **должны сопоставляться с интересами открытого обсуждения политических вопросов** (...), но **суды Российской Федерации в настоящем деле не выполнили такого сопоставления** (§ 25 **там же.**) ... Высказывание заявителя передавало его **возмущение по поводу** того, что, как он считал, являлось **отклонением законных претензий к Правительству Москвы.** Высказывание отражало его **собственный опыт неудачных попыток защитить право** на свободу мирных собраний в г. Москве, а также **было основано на опыте других лиц, также проигравших в суде свои споры с мэром г. Москвы.** ... подобных обстоятельств в совокупности с фактической информацией, предоставленной властями Российской Федерации, которая демонстрировала, что **суды ни разу не выносили решений об оставлении исков мэра г. Москвы о защите чести, достоинства и деловой репутации без удовлетворения** (...), было достаточно для фактического обоснования резкой реакции заявителя. Соответственно, ... заявитель имел право на выражение своего мнения на публичной площадке по вопросу, представляющему **интерес для общества.** **Районный суд и Московский городской суд не пытались установить равновесие между конкурирующими интересами и не приняли во внимание** тот факт, что мэр г. Москвы являлся профессиональным политическим деятелем. **Данные упущения со стороны судов** вели к выводу о том, что **стандарты, которыми руководствовались суды** Российской Федерации при рассмотрении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации, предъявленного к заявителю, **не соответствовали принципам, воплощенным в статье 10 Конвенции** (§ 26 **там же.**)

То есть, «... суды Российской Федерации просто отметили, что **оспариваемое утверждение причиняло ущерб чести, достоинству и деловой репутации В.Ш., при этом суды не указали каких-либо причин в подтверждение данного вывода.** Районный и областной суды **не сочли необходимым рассматривать вопрос** о том, было ли оспорено утверждение, которое касалось **поведения В.Ш. в публичной сфере в качестве губернатора,** а не его личных качеств или личной жизни, как фактическое посягательство, способное нанести какой-либо ущерб чести или деловой репутации истца, не говоря уже о его достоинстве. Аргументация судов Российской Федерации, как представляется, основывалась на молчаливом предположении о том, что **интересы, связанные с защитой "чести и достоинства других лиц",** в частности, тех, **кто наделен публичными полномочиями,** преобладают над свободой выражения мнения при **любых обстоятельствах.** **Не сумев взвесить два конкурирующих интереса, суды Российской Федерации не смогли установить необходимый баланс** (§ 38 **Постановления от 05.03.19 г. по делу «Skudayeva v. Russia»**). Вышеуказанные доводы позволяют сделать вывод о том, что **причины,** которые были приведены для оправдания вмешательства в права заявительницы, предусмотренные статьей 10 Конвенции, **не были "важными и достаточными".** Европейский Суд при этом исходит из принципиально субсидиарной роли системы Конвенции (...). Однако **столкнувшись с непредставлением судами Российской Федерации важных и достаточных оснований** для оправдания рассматриваемого вмешательства, Европейский Суд приходит к выводу, что **нельзя считать, что суды Российской Федерации "применяли стандарты, которые соответствовали принципам, воплощенным в статье 10 Конвенции", или "основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов"** (...). ... вмешательство публичных властей в осуществление права заявительницы на свободу выражения мнения не было "необходимо в демократическом обществе"» (§ 39 **там же**).

«... непредсказуемо большие размеры компенсации по делам о диффамации способны оказать пагубное влияние на свободу выражения мнений и, следовательно, требуют самого тщательного контроля со своей стороны (...). Г-ну Володину было присуждено 1 000 000 рублей в качестве компенсации морального вреда, то есть более 25 000 евро на тот момент. Эта сумма была необычно высока в абсолютном выражении, но также во много раз выше по сравнению с решениями по сопоставимым делам о диффамации, которые рассматривались в Суде (...) (§ 19 **Постановления от 07.07.20 г. по делу «Rashkin v. Russia»**). ... Возмещение убытков должно иметь разумное отношение соразмерности нанесенному ущербу репутации (...). Однако при вынесении денежного решения в отношении заявителя национальные суды не провели серьезную оценку его соразмерности в отношении финансового положения и ресурсов заявителя (...). Что касается их оправдания для возмещения такой большой суммы ущерба, поскольку истец был политиком и известным общественным деятелем, то эта позиция плохо сочетается с подходом, соответствующим Конвенции, в отношении видных политических деятелей, таких как член парламента от правящей партии. в данном случае следует быть готовым терпеть жесткую критику и, возможно, не претендовать на тот же уровень защиты, что и частное лицо, неизвестное широкой публике, особенно когда заявление не затрагивает их частную жизнь или не затрагивает их близость (...). В этих обстоятельствах ... высокая компенсация убытков г-ну Володину не преследовала "насущную социальную потребность" и не была "необходимой в демократическом обществе" (...) (§ 20 **там же**). Принимая во внимание тот факт, что российские суды не применили принципы, закрепленные в статье 10 Конвенции, и чрезмерную сумму присуждения компенсации заявителю, Европейский суд находит нарушение этого положения (§ 21 **там же**).

Так как **коррупцированные** российские «судьи», то есть **Взяточники,** являются **выходцами из России Мафиози и Бандитов,** то есть **индукторами Шизофрении** и «... Судья был прямым **предметом критики заявителя,** который поставил под сомнение **его способность** принимать **обоснованное** судебное решение» (§ 45 **Постановления от 03.07.12 г. по делу «Mariusz Lewandowski v. Poland»**), поэтому наложение взыскания на заявителя за **способ критики действий судьи** самим судьей, является **нарушением** принципа беспристрастности и, соответственно, п. 1 ст. 6 Конвенции (§§ 46 - 50 **там же**). То есть «... **суд, который наказывал его за неуважение к суду, не был беспристрастным в том смысле, что он объединил три функции, а именно потерпевшего от поведения заявителя, его обвинителя и его судьи**» (§ 64 **Постановления от 06.12.18 г. по делу «Słomka v. Poland»**). Это та система, которую Мафиози и Бандиты **создали в судах на территории России Жертв.** То есть, **создана**

Система, в рамках которой Палачи, испытывая ненависть к законности и правопорядку (п. 6.8.1 жалобы № 3176), злоупотребляя правом, властью и должностными полномочиями (п. 1.2.13 жалобы № 3178-3), нагло нарушая публичный порядок (Определение Верховного Суда РФ от 17.10.17 г. по делу № 310-ЭС17-8992, Определение Верховного Суда РФ от 18.09.19 г. по делу № 307-ЭС19-7534, п. 51 ППВС РФ № 53 от 10.12.19 г.) и единообразное толкование и применение **соответствующих** норм права (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.07.15 г. по делу № 5-ПВ15), **с преступной целью** безнаказанного осуществления Произвола (Заяв.№3040Произволб (<http://clc.am/dnSezA>), п. 12 Замечаний общего порядка № 35 КПЧ, § 78 Постановления от 09.07.09 г. по делу «Moogen v. Germany») и Истязаний посредством психологических пыток (п. «д» ч. 2 ст. 113, ст. 210 УК РФ), по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды (п. «з» ч. 2 ст. 117, ст. 210 УК РФ) к подконтрольному Быдлу и доведению его до самоубийств (ст. 110, ст. 210 УК РФ), установили такие «порядки», что добиться **рассмотрения по существу** каких-либо обращений на территории, подконтрольной Мафиози и Бандитам вещь практически не реальная, что психически здоровым более полно объяснено в п. 1.1.10 иска № 3178-3, Заяв.№3040БесчелОбращ2 (<http://clc.am/8TiWow>) и п. 1.1.10 заявления № 3189 (заяв.№3189ВновьОткрОбстЛП (<https://clc.to/ZqfNZq>)).

Однако никакая Жертва не наделяется обязанностью соглашаться с Бредом Сумасшедших (§ 72 Постановления от 26.05.20 г. по делу «*Gremina v. Russia*») и выполнять преступные требования (ст. 10 Декларации о праве, п.п. 14, 26 Замечаний общего порядка Комитета против пыток № 2, ст. 3 Конвенции, §§ 144, 158 Постановления ЕСПЧ от 20.10.15 г. по делу «*Vasiliauskas v. Lithuania*», п. 39 Рекомендаций Res (2001)10 Комитета министров СЕ по Европейскому кодексу полицейской этики, принятой 19.09.01 г., ст. 42 УК РФ). «... если речь идет об общем интересе, **публичным властям надлежит действовать своевременно, надлежащим образом и максимально последовательно**; ошибки или просчеты государственных органов **должны** служить выгоде заинтересованных лиц, особенно при отсутствии иных конфликтующих интересов; **риск любой ошибки, допущенной государственным органом, должно нести государство, и ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица (...). ...»** (Постановления ЕСПЧ от 01.12.16 г. по делу «*Tomina and Others v. Russia*» (§ 39), от 15.05.18 г. по делу «*Titova and Others v. Russia*» (§ 37), абзац 7 п. 4.1 Постановления КС РФ № 16-П от 22.06.17 г., Определение Верховного Суда РФ от 09.10.18 г. по делу № 5-КГ17-201, Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.12.19 г. по делу № 88-445/2019, Апелляционное определение Мосгорсуда от 28.11.18 г. по делу № 33-45352/2018).

Что касается **системных пыток и их последствий**, то есть полного отсутствия мозгов у органов «следствия», «прокуратуры» и «судов», то **достаточно** уяснить, что «... **органы прокуратуры не начали расследования после их уведомления** о предполагаемых побоях. **Они также оставили без внимания жалобы** отца заявителя на применение насилия к заявителю, ссылаясь на временное отсутствие юрисдикции в период судебного разбирательства против заявителя (...). Достоин удивления, что **жалоба отца заявителя была рассмотрена** управлением внутренних дел Воронежской области, государственным органом, **сотрудники которого были причастны к рассматриваемым событиям** (...). Хотя Европейский Суд признает необходимость внутренних проверок милиции **с целью** возможного применения дисциплинарных санкций по делам о предполагаемом злоупотреблении полномочиями в милиции, он находит поразительным, что в настоящем деле **первичные следственные действия, которые обычно имеют решающее значение для установления истины** по делам о полицейской жестокости, производились органом самой милиции (...). В этой связи ... расследование **должно** проводиться **компетентными**, квалифицированными и **беспристрастными** специалистами, **независимыми** от подозреваемых, и учреждениями, сотрудниками которого последние являются (...). Кроме того, ... Суд намерен подчеркнуть ..., что он не убежден в том, что ссылавшаяся на показания сотрудников милиции в постановлении от 8 августа 2002 г. следователь заслушала их лично. Представляется, что **она просто пересказала показания сотрудников милиции**, полученные во время служебной проверки. Европейский Суд, однако, учитывает важную роль, которую следственные опросы играют при получении **точной и достоверной** информации от подозреваемых, свидетелей и потерпевших и в конце концов при **установлении истины** относительно расследуемого дела. **Наблюдение поведения подозреваемых, свидетелей и потерпевших при опросе и оценка доказательной силы их показаний образуют существенную часть процесса**

проверки (§ 63 **Постановления от 14.10.10 г. по делу «Georgiy Bykov v. Russia»**). Кроме того, не делались попытки проведения судебно-медицинской экспертизы заявителя. ... **надлежащее** медицинское обследование является **существенной гарантией** против жестокого обращения. Судебный медик **должен** обладать формальной и фактической независимостью, иметь специальную подготовку и действовать в соответствии с поручением общего характера (...). При составлении заключения после медицинского обследования лица, ссылающегося на жестокое обращение, **особенно важно**, чтобы врач **установил степень соответствия истории** жестокого обращения. Заключение **с указанием степени подтверждения истории** предполагаемого жестокого обращения **должно** быть **основано** на рассмотрении иных возможных диагнозов (травмы, не связанные с жестоким обращением, включая самотравмирование и заболевания) (...) (§ 64 **там же**). ... при прокурорской проверке применялись различные стандарты оценки показаний, поскольку показания заявителя и его отца были сочтены субъективными в отличие от показаний сотрудников милиции. Достоверность последних также следовало поставить под сомнение, поскольку следствие **должно** было установить, подлежат ли эти сотрудники дисциплинарной или уголовной ответственности (...) (§ 68 **там же**). ... хотя следственные органы могли не располагать именами лиц, которые могли видеть заявителя до его задержания или позднее в отделе внутренних дел или могли наблюдать предполагаемые побои, от них можно было ожидать принятия мер по своей инициативе для установления возможных очевидцев (§ 69 **там же**). Таким образом, ... уклонение следственных органов от сбора доказательств и их благосклонное отношение к сотрудникам милиции **должны** рассматриваться как **особенно серьезный недостаток расследования** (...). Европейский Суд ... поражен тем фактом, что, узнав о применении к заявителю насилия в отделе внутренних дел, **национальные суды**, рассматривавшие его уголовное дело, **проявили полное безразличие к ситуации и не приняли никаких мер к устранению этого нарушения**, в частности, не предложив российским органам преследования провести эффективное и оперативное расследование указанных событий» (§ 70 **там же**).

Что касается средств правовой защиты от Мафиози и Бандитов, то «... "Власти Российской Федерации не продемонстрировали, какое возмещение могло быть предоставлено **заявителю прокурором**, судом или иным государственным учреждением, при том, что проблемы ... **явно имели структурный характер и затрагивали не только личную ситуацию заявителя** (...). Власти Российской Федерации не представили доказательства существования внутреннего средства правовой защиты, с помощью которого заявитель мог обжаловать общие условия ... с учетом **структурной** проблемы ..., или того, что доступные средства правовой защиты были эффективны, то есть могли воспрепятствовать возникновению или сохранению нарушений, или что они могли обеспечить заявителю надлежащее возмещение (...)"» (§ 87 **Постановления от 12.06.08 г. по делу «Vlasov v. Russia»**). «... проблема ... затрагивала не только его лично, но имела **структурный характер**. **При таких обстоятельствах обращение к властям было бы бесполезным, поскольку власти не могли прекратить длящееся нарушение его права**. ... (§ 84 **Постановления от 03.03.11 г. по делу «Tsarenko v. Russia»**). ... Власти Российской Федерации не представили информации или доказательств привлечения кого-либо из должностных лиц к дисциплинарной или иной ответственности за **нарушение прав заявителя**. ... **обращение к уполномоченному по правам человека, прокурору или в суд не составляет эффективное средство правовой защиты, поскольку не обеспечивают перспективы получения превентивного или компенсаторного возмещения** (...)» (§ 87 **там же**). Однако, «... если ставится вопрос о доказуемом нарушении одного или нескольких прав, предусмотренных Конвенцией, **статья 13 Конвенции требует**, чтобы для жертвы был доступен **механизм установления ответственности государственных должностных лиц или органов за это нарушение**. ...» (§ 85 **там же**). Тот же смысл имеют и Постановления от 18.03.10 г. по делу «**Maksimov v. Russia**» (§ 62), от 21.06.11 г. по делу «**Orlov v. Russia**» (§ 86). Также «... Если можно утверждать доказуемым образом, что было нарушение **одного** или нескольких прав, закрепленных Конвенцией, то **должен** быть механизм, куда потерпевший мог бы обратиться для **установления ответственности государственных служащих или государственных органов**, виновных в их нарушении. Кроме того, в соответствующих случаях в принципе **должна** существовать возможность компенсации материального и морального вреда, причиненного нарушением этих прав, в рамках существующего порядка возмещения вреда (...). ...» (§ 161

Постановления от 13.06.02 г. по делу «Anguelova v. Bulgaria»). Однако Мафиози и Бандиты **создали систему**, где «... что касается доступности гражданско-правового средства правовой защиты, ... в прецедентной практике **отсутствуют примеры** того, чтобы российские суды по гражданским делам могли в отсутствие признания виновности по уголовному делу рассматривать по существу гражданские требования в отношении предполагаемых **тяжких** преступлений. ... хотя российские суды по гражданским делам **теоретически** имеют право на независимую оценку вопросов факта и права, **на практике** значение предшествующего уголовного разбирательства столь велико, что **даже самые убедительные доказательства** обратного, представленные истцом, **будут отклонены**, и такое средство правовой защиты окажется теоретическим и иллюзорным, а не практическим и эффективным, как того **требует** Конвенция (...). В делах, в которых уголовное преследование публичных должностных лиц прекращалось на стадии предварительного следствия или оканчивалось оправданием, **любые** другие средства правовой защиты, доступные заявителю, включая требование о возмещении ущерба, имели ограниченные перспективы успеха и не могли рассматриваться как обеспечивающие возмещение заявителю (...). ...» (§ 136 **Постановления от 17.12.09 г. по делу «Denis Vasilyev v. Russia»**).

То есть Россия Жертв не имеет средств правовой защиты, поскольку эти средства находятся в **полном распоряжении** Мафиози и Бандитов и они определяют, имеют ли Жертвы возможность воспользоваться этими средствами.

Но так как средства правовой защиты находятся во владении Мафиози и Бандитов, поэтому они определяют и сроки, когда Жертвам они позволят воспользоваться этими сроками или **лишить их вообще всех прав** в связи с истечением опять-таки установленных законом сроков. Поэтому в этой преступной системе есть нереализуемая декларация о том, что «... **процессуальный статус предопределяет необходимость учета** дополнительных параметров, позволяющих при отнесении срока разбирательства конкретного дела к разумному исключить его произвольную оценку, в том числе имея в виду, что обеспечение их права на уголовное судопроизводство в разумный срок **зависит не столько от продолжительности досудебного производства по делу** (которая может быть связана с большим объемом процессуальных и оперативно-розыскных действий), **сколько от своевременности, тщательности, достаточности и эффективности предпринятых мер для объективного рассмотрения соответствующих требований** (абзац 3 п. 4.1 мот. части **Постановления № 28-П от 11.11.14 г.**); ... **определяющее значение в разрешении вопроса о праве такого лица** на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок **должны иметь своевременность, тщательность, достаточность и эффективность предпринятых мер** в целях **своевременного** возбуждения уголовного дела, завершения судопроизводства и установления подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления. В противном случае невыполнение или ненадлежащее выполнение органами уголовного преследования своей процессуальной **обязанности** по проверке сообщения о преступлении, выражающееся в том числе в длительном затягивании решения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, в **неоднократном необоснованном** прерывании проверки по заявлению о преступлении, в **непроявлении должного усердия и тщательности при выявлении лиц, виновных в его совершении, в целях их своевременного привлечения к ответственности... лишало бы потерпевших или иных заинтересованных лиц, которым запрещенным уголовным законом деянием причинен физический, имущественный или моральный вред**, не только права на судопроизводство в разумный срок, **но и права на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации**» (абзац 6 **там же**).

Однако, так как в России установлен Мафиозно-криминальный режим и **все** органы власти находятся в прямой зависимости от Мафиози и Бандитов (п. 10.4 **Соображений КПИ от 20.09.18 г. по делу «Munir al Adam v. Saudi Arabia»**), поэтому **все** сроки давности **должны** начать отсчет с того времени, когда будут восстановлены демократические основы (п. 9.6 **Соображений КПЧ от 23.07.15 г. по делу «J.N.G.P. v. Uruguay»**, §§ 111, 144, 158, 159 **Постановления ЕСПЧ от 20.10.15 г. по делу «Vasiliauskas v. Lithuania»**).

«... Поскольку он также приводит слова о том, что считает Лужкова «коррупционером» и «вором», Суд признает, что **это сильные слова, которые предполагают причастность к преступной деятельности** (...). Однако **отсутствии**

судимости не обязательно исключает реальность предполагаемых фактов, в частности, когда такие обвинения еще не были официально расследованы (...). ...» (§ 25 Постановления от 23.06.20 г. по делу «Kommersant and Others v. Russia»).

«Полицейский сломал плечо журналисту на участке для голосования»: <https://youtu.be/b5Ke2gtu3OM>, <https://meduza.io/news/2020/06/30/v-peterburge-na-izbiratelnom-uchastke-napali-na-korrespondenta-mediazony>.

«... намерение заявителей при обращении в суд состояло не в том, чтобы участвовать в судебном разбирательстве как учебном упражнении, а скорее в том, **чтобы получить результат**. ... обращаться в суд для защиты своих прав бессмысленно, если в итоге они находятся в худшем положении, чем до судебного разбирательства (...). Именно это и произошло в данном случае, поскольку финансовое бремя каждого из заявителей было почти вдвое или втрое больше, чем то, с которым они столкнулись изначально. Соответственно, хотя они и имели доступ к суду, ... отказ ex post facto возместить их расходы, тем не менее, являлся препятствием для права заявителей на доступ к суду (...).» (§ 68 Постановления от 18.02.20 г. по делу «Černius and Rinkevičius v. Lithuania»).

«... Негативные выражения могут выпадать из-под защиты свободы выражения мнения, если они признаются вопиющей клеветой, например, когда единственной целью обидных высказываний является оскорбление, однако использование вульгарных слов, само по себе, не является решающим при оценке обидных выражений, поскольку они могут служить лишь стилистическим целям. **Стиль является частью сообщения как форма выражения** и, таким образом, **подлежит защите наряду с содержанием выраженных идей и информации** (...) (§ 89 Постановления от 24.03.20 г. по делу «Andrushchenko v. Russia»). ... не каждое высказывание, которое конкретными лицами или группами лиц может быть воспринято как обидное или оскорбительное, оправдывает назначение уголовного наказания в виде лишения свободы. Хотя такие чувства понятны, они не могут сами по себе налагать ограничения на свободу выражения мнения. **Только при тщательном изучении контекста**, в котором были использованы обидные, оскорбительные или агрессивные слова, **можно установить значимое различие между языком, который шокирует и оскорбляет, защита которого предусмотрена статьей 10 Конвенции**, и языком, который утратил право на толерантное отношение к нему **в демократическом обществе** (...). ...» (§ 91 там же). «... имеет значение тот факт, что высказывания заявителя не были направлены против конкретных сотрудников милиции, а касались, скорее, **милиции как общественного института**. ... пределы допустимой критики в отношении государственных служащих при **осуществлении ими официальных полномочий** шире, чем в отношении обычных граждан (...), тем более если такая **критика касается общественного института в целом**. Некоторые излишества могут укладываться в указанные пределы, **особенно когда речь идет о реакции на то, что воспринимается как неоправданное или незаконное поведение государственных служащих** (§ 75 Постановления от 28.08.18 г. по делу «Savva Terentyev»). ... милиция, будучи правоохранительным органом, вряд ли может рассматриваться как незащищенное меньшинство или группа, которая сталкивается с угнетением и неравенством или с глубоко укоренившимися предрассудками, враждебностью и дискриминацией либо является уязвимой по каким-либо иным причинам и которая в принципе нуждается в повышенной защите от нападок в виде оскорблений, высмеивания или клеветы (...) (§ 76 там же). ... в силу того, что милиция является частью сил безопасности государства, она **должна** проявлять особенно высокую терпимость к оскорбительным высказываниям за исключением случаев, когда подобные подстрекательские высказывания могут спровоцировать непосредственные противоправные действия в отношении сотрудников милиции и подвергнуть их **реальной** опасности физического насилия. **Только** в очень сложных обстоятельствах напряженности, вооруженного конфликта, борьбы с терроризмом или беспорядков в тюрьме со смертельным исходом Европейский Суд устанавливал, что соответствующие заявления могли стать стимулом к насилию, способному создать угрозу для сотрудников сил безопасности, и признавал, что вмешательство в связи с такими заявлениями было оправдано (...) (§ 77 там же). «... статья заявителя **демонстрирует его эмоциональное неодобрение и неприятие того, что он рассматривал как злоупотребление властью** со стороны сотрудников правоохранительных органов, и **выражает его скептическую и саркастическую**

точку зрения на моральные и этические нормы персонала российской полиции. С этой точки зрения рассматриваемые заявления можно понимать как резкую критику нынешнего положения дел в российской полиции (...). Используемые заявителем фразы представляли собой провокационные **метафоры, которые подтверждали его эмоциональный призыв к мерам, которые должны быть приняты с целью улучшения ситуации в отношении свободного осуществления права на свободу мирных собраний и в отношении применения физической силы против демонстрантов** (§ 96 *Andrushchenko*). ... Национальные суды сосредоточили свое внимание на характере формулировок, использованных заявителем, ограничив их выводы формой и содержанием речи. **Они не пытались проанализировать оспариваемые заявления в контексте соответствующей дискуссии или выяснить, какие идеи они стремились привить.** ... (§ 100 *Постановления от 24.03.20 г. по делу «Andrushchenko v. Russia»*). ... хотя формулировка оспариваемых заявлений была такова, чтоб «оскорблять, шокировать или беспокоить», ее **нельзя рассматривать** как возбуждение низменных эмоций или укоренившихся предрассудков по отношению к членам уязвимой социальной группы, каковыми, **по мнению национальных судов,** являются российские правоохранители. ... (§ 101 *там же*). ... Соответственно, имело место нарушение пункта 2 статьи 10 Конвенции (§ 104 *там же*).

Европейский Суд **обязан** рассмотреть «... правило, содержащееся в подпункте "b" пункта 3 статьи 35 Конвенции, как состоящее из трех критериев. Во-первых, пострадал ли заявитель от "значительного ущерба"? Во-вторых, заставляет ли уважение прав человека рассматривать соответствующее дело? В-третьих, было ли это дело надлежащим образом рассмотрено внутригосударственным судом (...)?» (§ 39 *Постановления от 08.10.19 г. по делу «Margulev v. Russia»*). Первый вопрос о том, был ли заявителю причинен какой-либо "значительный ущерб", представляет собой основной элемент. Вдохновленный общим принципом de minimis non curat praetor, этот первый критерий нормы основывается на предпосылке, согласно которой нарушение права, каким бы реальным оно ни было с чисто юридической точки зрения, должно иметь минимальный уровень тяжести, чтобы подлежать рассмотрению международным судом. Оценка этого минимального уровня является по сути относительной и зависит от всех обстоятельств дела. Тяжесть нарушения должна оцениваться с учетом как субъективных представлений заявителя, так и того, что **объективно имеет значение** в конкретном деле. Иными словами, отсутствие какого-либо "значительного ущерба" может быть основано на таких критериях, как финансовое воздействие спорного вопроса или важность дела для заявителя. Однако одного субъективного восприятия недостаточно, чтобы сделать вывод о том, что лицу был причинен значительный ущерб. Субъективное восприятие **должно** быть подтверждено **объективными** основаниями (...). Нарушение может касаться важных принципиальных вопросов и, соответственно, вызывать нарушение независимо от материального интереса (...) (§ 40 *там же*). Европейский Суд вновь подтверждает ключевое значение права на свободу выражения мнения как одного из предварительных условий работающей демократии (...). В делах, касающихся права на свободу выражения мнения, применение критерия приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу, содержащегося в подпункте "b" пункта 3 статьи 35 Конвенции, **должно** надлежащим образом учитывать важность этой свободы и **подлежать тщательному изучению** со стороны Европейского Суда. Данный **анализ должен** охватывать, среди прочего, такие элементы, как **вклад в дискуссию, представляющую общий интерес,** и вопрос о том, **связано ли дело с прессой или иными средствами массовой информации** (...) (§ 41 *там же*). ... субъективное восприятие заявителя предполагаемого нарушения состояло в том, что он испытал сдерживающий эффект судебного разбирательства по делу о диффамации и испытывал нежелание вносить дальнейший вклад в обсуждение вопроса, представляющего общий интерес (...). Рассматриваемое в контексте существенной роли свободной прессы в обеспечении надлежащего функционирования демократического общества (...), предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции в настоящем деле касается, ... "важных принципиальных вопросов". Таким образом, Европейский Суд убежден в том, что заявителю был причинен значительный ущерб в результате разбирательства по делу о диффамации независимо от имущественных интересов, и не считает необходимым рассматривать вопрос о том, обязывает ли соблюдение прав человека рассматривать дело или оно было надлежащим образом рассмотрено внутригосударственным судом (...) (§ 42 *там же*).

«... не полагался на какую-либо конкретную запись в блоге или отрывок из электронной почты, а также не указывал каким-либо иным образом язык, используемый заявителем в блоге и электронных письмах, которые он считал оскорбительными. ... (§ 66 **Постановления от 30.06.20 г. по делу «Cimperšek v. Slovenia»**). ... Однако в отсутствие подробного изложения причин в решении министра и в решении административного суда о том, почему **осуществление заявителем его права на свободное выражение мнения** было оскорбительным и, как таковое, несовместимым с работой судебного эксперта, Европейский суд не может подписаться под доводом властей о том, что отклонение заявления заявителя было необходимо для обеспечения морали и репутации судебных экспертов и защиты авторитета и беспристрастности судебной власти (§ 67 **там же**). ... тот факт, что ни министр, ни административный суд не осуществили никакой оценки того, был ли достигнут справедливый баланс между конкурирующими интересами, о которых идет речь, и что Суд, тем самым, **лишен возможности эффективно осуществлять свою проверку** того, соблюдали ли национальные власти стандарты, установленные в его прецедентном праве в отношении уравнивания таких интересов, являются достаточными для того, чтобы Суд пришел к выводу, что в обстоятельствах настоящего дела, вмешательство в свободу выражения мнений заявителя не было "необходимым в демократическом обществе" (...)» (§ 69 **там же**).

Отвод навязанному защитнику направлен «... на **исключение каких-либо действий** со стороны защитника, **могущих прямо или косвенно способствовать неблагоприятному для его подзащитного исходу дела** (...)» (абзац 3 п. 2 мот. части **Определения КС РФ № 1332-О от 28.05.20 г.**).

С учетом изложенного имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении первого заявителя и нарушение статьи 11 Конвенции в отношении второго заявителя.

1.2.2 Но так как **одним из** «потерпевших» Шуманина В.Ю. является председатель областного суда, поэтому **все** обращения **вправе** рассматривать **только** Верховный Суд РФ (**Постановление ЕСПЧ от 03.02.11 г. по делу «Igor Kabanov v. Russia», Определение КС РФ № 22-О от 02.03.06 г., п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ, апелляционное определение Липецкого облсуда от 25.02.13 г. по делу № 33-492/2013, определение Тамбовского облсуда от 06.0.15 г. по делу № 33-973/2015, определение Тверского облсуда от 01.02.18 г. по делу № 33-435/2018**) и далее выше по цепочке (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 7.3 **Соображений КПЧ от 01.11.11 г. по делу «Miroslav Klain and Eva Klain v. Czech Republic», п. 8.5 Соображений КПЧ от 26.07.19 г. по делу «X., Y., A., B., C. and D. v. Greece», ч. 3 ст. 46 Конституции РФ**), что психически здоровым объяснено в п. 2.2.1 заявления № 3178-3 (Иск№3178ВерхЛП-3 (<https://clc.to/sVYVxw>)). Поэтому **все** иски и жалобы будут подаваться **только** в Верховный Суд РФ еще и потому, что «... Исходя из позиции **недопустимости лишения стороны права на обжалование судебных актов** в порядке кассационного производства в Верховном Суде РФ **как важного средства обеспечения законности** выносимых судебных решений (часть 3 статьи 15 Кодекса) и **в целях предоставления заявителю в полном объеме гарантий права на судебную защиту**, настоящее дело передано на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Указанный **подход соответствует требованию** об исчерпании внутренних средств правовой защиты, сформулированному в статье 35 Конвенции, и практике ее применения Европейским судом по правам человека, согласно которым **важно**, чтобы в целях защиты нарушенного права, лицо, чье право нарушено, исчерпало средства правовой защиты, которые ему предлагает национальное законодательство и которые способны предоставить ему эффективное и достаточное возмещение, а государство **должно** иметь возможность **исправить положение** с помощью **всех** собственных правовых средств, которые являются эффективными и достаточными в рамках своего внутреннего правопорядка (...). ...» (**Определения Верховного Суда РФ от 23.09.14 г. по делу № 308-ЭС14-1224**).

1.2.3 Также напоминаем, что «... право на судебную защиту является основополагающим конституционно-процессуальным правом-гарантией. Одним из неотъемлемых свойств права на судебную защиту и необходимым условием справедливого судебного разбирательства является **право на беспристрастный суд**,

обеспечиваемое предусмотренной законом **возможностью отвода судей**. В демократическом обществе участники судебного разбирательства **должны** испытывать доверие к суду, которое может быть поставлено под сомнение только на основе **достоверных и обоснованных** доказательств, свидетельствующих об обратном. Разрешая заявление об отводе, суд **должен** установить, были ли сомнения заявителя в том, что конкретный судья не являлся достаточно беспристрастным, объективно обоснованными. Гарантиями соблюдения принципа беспристрастности судьи при разрешении вопроса о заявленном ему отводе являются **вынесение мотивированного определения**, подтверждающего отсутствие обстоятельств, которые позволяли бы усомниться в его беспристрастности при рассмотрении данного дела, и процедуры проверки вынесенных судебных постановлений вышестоящими инстанциями. В случае установления обстоятельств, вызывающих сомнение в беспристрастности судей (судьи), и отмены вынесенных ими судебных актов судом вышестоящей инстанции дело может быть направлено на новое рассмотрение в ином составе судей. Если в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области или суде автономного округа после удовлетворения заявлений об отводах невозможно образовать новый состав суда для рассмотрения данного дела, оно **должно** быть передано в Верховный Суд РФ для определения суда, в котором это дело будет рассматриваться. Между тем при рассмотрении настоящего дела **суд первой инстанции не применил нормы международного права и положения Конституции РФ**, гарантирующие право каждого на справедливое судебное разбирательство, в том числе на рассмотрение спора независимым и беспристрастным судом, а также **взаимосвязанные** с ними положения гражданского процессуального закона, регулирующие основания отвода судей, и, как следствие, **не обеспечили соблюдение конституционных и общепризнанных международно-правовых принципов осуществления правосудия**, а именно справедливости правосудия, осуществляемого независимым, беспристрастным и **компетентным** судом, созданным на основании закона. Как видно из материалов дела, судом первой инстанции не обсуждался отвод всему составу Пятигорского городского суда и **не заслушал мнение заявителя относительно наличия сомнений в объективности и беспристрастности судей** Пятигорского городского суда. **Не обсуждался вопрос о наличии обстоятельств послуживших основаниями для отвода судей**, предусмотренными статьей 16 ГПК РФ. Кроме того, суд первой инстанции **не учел сформулированные Европейским Судом по правам человека критерии беспристрастности суда**, а именно, что суд должен быть "объективно беспристрастным", т.е. необходимы достаточные гарантии, исключающие какие-либо сомнения по этому поводу, и что при принятии соответствующего решения определяющим является то, могут ли опасения заявителя считаться объективно обоснованными. Следовательно, **вопрос об объективности и беспристрастности состава суда в данном конкретном деле необходимо было разрешать с учетом подлежащих установлению фактических обстоятельств этого дела**. Согласно пункту 4 части 2 и части 4 статьи 33 ГПК РФ суд передает дело на рассмотрение другого суда, если после отвода одного или нескольких судей либо по другим причинам замена судей или рассмотрение дела в данном суде становятся невозможными. Передача дела в этом случае осуществляется вышестоящим судом. Дело, направленное из одного суда в другой, должно быть принято к рассмотрению судом, в который оно направлено. Споры о подсудности между судами в Российской Федерации не допускаются. ...» (**Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 26.02.19 г. по делу № 33-1471/2019**).

Также «хитромудрых» просим не забывать, что «... По результатам проверки заявления об отводе состава суда установлено, что 08.05.2019 при рассмотрении судьями Химичевым В.А. и Силаевым Р.В. заявления об отводе судьи Булгакова Д.А. **с использованием систем видеоконференц-связи** в результате технической ошибки **видеозапись** судебного заседания **отражает процесс рассмотрения заявления об отводе не в полном объеме**. Исследовав аудиопrotocol судебного заседания от 08.05.2019, суд установил, что его **качество является неудовлетворительным**. Таким образом, материалы дела (т. 7, л.д. 104) **не подтверждают надлежащую видео- и аудиофиксацию судебного заседания** по рассмотрению судьями Химичевым В.А. и Силаевым Р.В. заявления об отводе судьи Булгакова Д.А., что **затрудняет возможность проверки доводов общества "Фаворит" о ненадлежащем рассмотрении указанного отвода**. ... Принимая во внимание необходимость устранения каких-либо сомнений лиц, участвующих в деле, в беспристрастности состава суда, учитывая отсутствие процессуальной возможности самостоятельного обжалования определения об

отказе в удовлетворении заявления об отводе либо повторного его заявления по тем же основаниям, заявление об отводе судей Химичева В.А., Силаева Р.В., Булгакова Д.А. подлежит удовлетворению. ...» (**Определение Суда по интеллектуальным правам от 05.06.19 г. по делу № 33-7084/2017**).

1.3 Так как в России не принято отвечать по существу поставленных вопросов и вместо этого, **как правило**, предлагается паранойя, поэтому напоминаем, что «... государство-участник также **не выполнило свое обязательство** по статье 13 и **не обеспечило право заявителя на предъявление жалобы и на быстрое и беспристрастное рассмотрение его дела компетентными органами** (...)» (п. 8.7 Решения КПП от 31.07.17 г. по делу «Ashim Rakishev v. Kazakhstan», тоже в п. 8.6 Решения КПП от 10.11.17 г. по делу «Damien Ndarisigaranye v. Burundi», п. 8.6 Решения КПП от 30.11.17 г. по делу «Jean Ndagijimana v. Burundi»). «... **бездействие компетентных органов сделало крайне маловероятным обращение к какому-либо средству правовой защиты, в результате которого автор сообщения мог бы получить надлежащее возмещение, и что в любом случае длительность процессуальных действий во внутренней системе превысила любые разумные сроки.** ... » (п. 6.3 Решения КПП от 10.11.17 г. по делу «Damien Ndarisigaranye v. Burundi»). Таким образом, «... **государство-участник не выполнило свое обязательство** согласно статье 13 Конвенции обеспечивать, чтобы **заявитель имел право на предъявление компетентным органам жалобы** и на быстрое и беспристрастное **рассмотрение ими такой жалобы** ...» (п. 9.3 Решения КПП от 14.11.11 г. по делу «Dmytro Slyusar v. Ukraine»).

1.3.1 Так как решения выносятся откровенно преступными способами, поэтому напоминаем, что: «... **право на судебную защиту, признаваемое и гарантируемое** согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ, **не подлежит ограничению** (статья 17, часть 1; статья 56, часть 3, Конституции РФ) и предполагает наличие **гарантий, позволяющих реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах** посредством правосудия, отвечающего **требованиям равенства и справедливости**. Суды при рассмотрении конкретных дел **обязаны исследовать по существу** фактические обстоятельства и **не вправе** ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а **отсутствие необходимого правового механизма не может приостанавливать реализацию вытекающих из Конституции РФ прав и законных интересов граждан** (...)» (абзац 1 п. 5.1 мот. части **Постановления КС РФ № 16-П от 09.04.20 г.**). При этом национальные суды **должны** «... **рассмотреть соответствующие жалобы, положить конец предполагаемым нарушениям и, в принципе, исправить положение** (...)» (п. 7.2 Решения КПЭСКО от 11.10.19 г. по делу «M.L.V. v. Luxembourg»), что прямо **предписано** ст. 8 Всеобщей декларации. «... **Надлежащее осуществление судебной власти предполагает ее осуществление независимым, объективным и беспристрастным** в части рассматриваемых вопросов органом. ... » (п. 9.7 **Соображений КПЧ от 21.10.14 г. по делу «Olga Kozulina v. Belarus»**). «... **по общему правилу** именно судам государств - участников Пакта надлежит производить оценку фактов и доказательств или же **обеспечивать** применение **внутреннего законодательства** в каком-либо конкретном деле ...» (п. 9.3 **Соображений КПЧ от 27.07.18 г. по делу «F.A. v. Russia»**), «... за исключением случаев, когда **представляется очевидным**, что такая оценка или применение являются **произвольными** или **равносильны грубой ошибке или отказу в правосудии**, или что суд как-то иначе **нарушил свою обязанность** соблюдать независимость и **беспристрастность** (...)» (п. 8.8 **Соображений КПЧ от 28.07.17 г. по делу «Arsen Ambaryan v. Kyrgyzstan»**). «... в тех случаях, когда такое осуждение носит явно произвольный характер, стало результатом очевидной ошибки или равносильно отказу в правосудии, или если **судебное разбирательство нарушает право на надлежащую правовую процедуру**, это может придать этому ограничению прав, ... произвольный характер (...)» (п. 11.6 **Соображений КПЧ от 27.07.18 г. по делу «Andrés Felipe Arias Leiva v. Colombia»**). «... вмешательство, предусмотренное законодательством, **должно** соответствовать **положениям, целям и задачам** Пакта и **должно** в любом случае **являться разумным** в **соответствующих конкретных обстоятельствах** (...). Понятие «произвольности» включает в себя элементы неприемлемости, **несправедливости, непредсказуемости** и **несоблюдения процессуальных гарантий**, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности (...)» (п. 9.4 **Соображений КПЧ от 06.04.18 г. по делу «Deepan Budlakoti v. Canada»**).

«... гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство включает право сторон, участвующих в деле, представлять **любые** замечания, которые **они** считают относящимися к их делу. Поскольку **целью** Конвенции является **обеспечение** не теоретических или иллюзорных прав, а прав фактических и эффективных (...), это право можно считать эффективным **только** в том случае, если замечания были **действительно "заслушаны"**, то есть **должным образом учтены судом**, рассматривающим дело. Следовательно, действие статьи 6 Конвенции заключается в том, чтобы, среди прочего, **обязать** "суд" провести **надлежащее** рассмотрение **замечаний, доводов и доказательств, представленных сторонами** по делу, **беспристрастно** решая вопрос об их относимости к делу (...)» (§ 80 **Постановления от 12.02.04 г. по делу «Perez v. France»**). «... статья 6 **требует**, чтобы национальные суды **адекватно** указывали причины, на которых основаны их решения. Не требуя подробного ответа на каждый аргумент, выдвинутый заявителем, это **обязательство** тем не менее предполагает, что сторона в судебном разбирательстве может ожидать **конкретного и четкого** ответа на те доводы, которые имеют **решающее** значение для исхода рассматриваемого разбирательства (...)» (§ 24 **Постановления от 16.06.20 г. по делу «Covalenco v. Moldova»**). «... Кроме того, если эти доводы относятся к "правам и свободам", гарантированным Конвенцией и Протоколами к ней, национальные суды **должны** рассматривать их **в обязательном порядке и с особой тщательностью** (§ 96 **Постановления от 28.06.07 г. по делу «Wagner and J.M.W.L. v. Luxembourg»**, тоже в §§ 72, 75 **Постановления от 07.02.13 г. по делу «Fabris v. France»**). «... Кроме того, если эти доводы относятся к "правам и свободам", гарантированным Конвенцией и Протоколами к ней, национальные суды **должны** рассматривать их **в обязательном порядке и с особой тщательностью** (§ 96 **Постановления от 28.06.07 г. по делу «Wagner and J.M.W.L. v. Luxembourg»**, тоже в §§ 72, 75 **Постановления от 07.02.13 г. по делу «Fabris v. France»**). «... **основные права** являются неотъемлемой частью **общих принципов права, соблюдение которых обеспечивает суд** (...). ... (§ 25 **Постановления Суда ЕС от 28.02.2000 г. по делу «Krombach v. Bamberski»**, § 41 **Постановления от 23.05.16 г. по делу «Avotiņš v. Latvia»**). Таким образом, ... каждое лицо имеет право на справедливое судебное разбирательство, **которое вдохновляется этими основными правами** (...)» (§ 26 **Krombach**). «... **эффективность ... материально-правовых гарантий основных прав человека зависит от механизмов контроля, обеспечивающих соблюдение таких прав**» (§ 160 **Постановления от 30.06.05 г. по делу «Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland»**). «Чтобы считаться ... "судом", орган власти **должен** обеспечивать **фундаментальные гарантии процедуры**... Если процедуры компетентного органа не обеспечивают их, государство не может быть освобождено от обязанности предоставления доступа заинтересованного лица ко второму органу, который **должен** обеспечить **все гарантии судебной процедуры**. Вмешательство одного органа удовлетворяет требованиям ... Конвенции, но при условии, что последующие процедуры имеют судебный характер и дают данному лицу **гарантии, соответствующие характеру рассматриваемого [правоотношения - Усманов] (...)** (§ 51 **Постановления от 05.06.12 г. по делу «Soliyev v. Russia»**). ... требование ... законодательства само по себе не противоречит гарантиям ... Конвенции, если данный порядок судопроизводства прямо установлен в национальном законодательстве и **соблюдается всеми участниками судопроизводства, в том числе и судами** (...)» (§ 64 **там же**). «Принцип справедливости, закрепленный в статье 6 Конвенции, нарушается в тех случаях, когда суды игнорируют конкретный, соответствующий и важный довод, высказанный заявителем (...)» (§ 63 **Постановления от 21.01.16 г. по делу «Siredzhuk v. Ukraine»**). Отказ от рассмотрения доводов Жертвы свидетельствует о том, что **«судья проводил разбирательство в предвзятой манере»** и это свидетельствует **«о нарушении прав ..., предусмотренных в пункте 1 статьи 14 Пакта»** (п. 6.7 **Соображений КПЧ от 08.07.04 г. по делу «Barno Saidova v. Tajikistan»**). «... **сами судьи должны** соблюдать принцип состязательного разбирательства, в частности, когда они отклоняют обращение или **принимают решение по иску на основании вопроса, поднятого судом по собственной инициативе** (...)» (§ 31 **Постановления от 04.03.14 г. по делу «Duraliyski v. Bulgaria»**). «... Вместе с тем, также **должно** быть принято во внимание, что **фактическое препятствие может нарушать Конвенцию точно также, как и юридическое** (...)» (§ 98 **Постановления от 18.02.09 г. по делу «Andrejeva v. Latvia»**). ... процессуальные нормы направлены на то, чтобы **обеспечить надлежащее** отправление правосудия и **соблюдение принципа правовой определенности**, и что **заинтересованные лица вправе ожидать, что данные нормы будут соблюдаться** (...). Этот принцип применяется в обоих направлениях:

не только по отношению к участникам судебного разбирательства, но также по отношению к национальным судам» (§ 99 **там же**). «... важно, чтобы те, кто подает свои требования в суд, полагались на **надлежащее** функционирование системы правосудия: это доверие основывается, среди прочего, на уверенности в том, что сторона в споре **будет заслушана по всем пунктам дела**. Другими словами, **стороны в споре вправе рассчитывать на консультации** относительно того, **требует ли конкретный документ или аргумент их комментариев** (...)» (§ 32 **Duraliyski**). «... даже если защита знакома с делом, ей **должно** быть предоставлено **дополнительное время** после определенных происшествий **с целью корректировки своей позиции, подготовки ходатайства, подачи жалобы и так далее**. Такие "происшествия" могут включать, например, изменения обвинительного заключения (...), вынесение решения суда первой инстанции (...), представление нового доказательства стороной обвинения (...) или внезапное и существенное изменение позиции эксперта во время судебного разбирательства (...)» (§ 141 **Постановления от 28.06.11 г. по делу «Miminoshvili v. Russia»**). «... **определяющим фактором является вопрос о том, была ли какая-либо сторона «застигнута врасплох» в силу того, что суд основал свое решение на мотивах, на которые он ссылается по своему усмотрению** (...). Особая осмотрительность **требуется**, когда судебный процесс принимает неожиданный оборот, особенно если этот вопрос оставлен на усмотрение суда. Принцип состязательности **требует**, чтобы суды не полагались в своих решениях на вопросы **факта или права, которые не обсуждались в ходе разбирательства**, и которые дают спору такой поворот, который даже добросовестная сторона не смогла бы предвидеть» (§ 48 **Постановления от 05.09.13 г. по делу «Серек с. République tchèque»**). «... Даже если национальный суд имеет определенную степень свободы усмотрения при выборе доводов в определенном деле и **принятии доказательств в поддержку доводов сторон**, орган государственной власти **обязан** оправдать свои действия, **приведя основания для своего решения** (...). ... Более того, мотивированное решение предоставляет сторонам возможность обжаловать его, так же как и возможность кассационному органу пересмотреть решение. **Только через вынесение обоснованного решения может осуществляться общественный контроль за отправлением правосудия** (...)» (§ 58 **Постановления от 22.02.07 г. по делу «Tatishvili v. Russia»**).

Все приведенные **требования «судьи» и «прокуроры»** Камчатки нагло растоптали.

1.4 Поскольку речь идет о праве на получение информации, что психически здоровым Конституционный Суд РФ разъяснил в Определениях № 134-О от 07.02.13 г., № 1275-О от 09.06.15 г., № 1544-О от 02.07.15 г. и т.п., однако мы дополнительно напоминаем, что «... право на доступ к информации в ведении государственных органов распространяется и на записи, находящиеся в государственных органах, **независимо** от формы хранения, источников и даты их регистрации (...) и что государствам-участникам следует предпринимать **все** усилия для **обеспечения** легкого, быстрого, эффективного и **практического** доступа к такой информации (...)» (п. 7.4 **Соображений КПЧ от 18.07.13 г. по делу «Rafael Rodríguez Castañeda v. Mexico»**, тот же смысл в § 74 **Постановления от 22.01.08 г. по делу «E.B. v. France»**, **Постановление от 08.11.16 г. по делу «Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary»**). ... **любое** ограничение права на свободное выражение своего мнения **должно** удовлетворять совокупности следующих условий, изложенных в пункте 3 статьи 19: оно **должно** быть установлено законом, **должно** служить достижению одной из целей, перечисленных в подпунктах а) и б) пункта 3 статьи 19, и **должно** быть **необходимым** для достижения одной из этих целей (...)» (п. 7.5 **там же**).

2. Таким образом, руководство ГБУЗ «Камчатский краевой психоневрологический диспансер» **совместно с прокуратурой** (глава 4 Закона «О прокуратуре РФ»)

обязаны:

1. Предоставить информацию о **всех** правах и **порядке их осуществления** Шуманина В.Ю. **в письменном виде** (п. 1 **Принципа 12 Принципов, п.п. 1, 3 ст. 22 Рекомендаций**) с разъяснением **порядка защиты** нарушенного права (п. «а» ст. 6 **Декларации о праве, п. 2 ч. 1 ст. 27 Закона «О прокуратуре РФ»**) **со ссылкой «... на закон или иной нормативный правовой акт, предусматривающие способы защиты** этих интересов» (ч. 2 ст. 16 **УПК РФ, ч. 3 ст. 131 ГПК РФ**) в противном случае в Верховный Суд РФ будет предъявлен иск, как это рекомендовано в п.п. 7.2, 7.3 **Решения КПП от 26.11.19 г. по делу «E.L.G. v. Spain»**.
2. Вернуть Шуманину В.Ю. в течение трех дней компьютер и принтер для того, чтоб он мог реализовать свое **конституционное право** «... **производить** и распространять

- информацию **любым законным способом**. ...» (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) или выплатить компенсацию (п. 3 ч. 1 ст. 27 Закона «О прокуратуре РФ») в размере 10 000 евро (§ 70 **Постановления от 23.10.18 г. по делу «Manannikov v. Russia»**).
3. Вернуть Шуманину В.Ю. средства связи с тем, чтоб он мог **реализовать свое право** на общение с избранными им защитниками.
 4. Предоставить информацию об условиях содержания Шуманина В.Ю. в ГБУЗ «Камчатский краевой психоневрологический диспансер», то есть **видеозаписи этих условий**, а также информацию о рационе питания.
 5. **Устранить нарушения** п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14, п. 2 ст. 19 Пакта, п. 6.4 **Соображений КПП** от 19.07.11 г. по делу «Aleksandr Butovenko v. Ukraine», п. 6.4 **Решения КПП** от 28.11.17 г. по делу «Olga Shestakova v. Russia», п. «а» ст. 6, п. 1 ст. 9 Декларации о правах, Принцип 24 Принципов о компенсации, п. 1 ст. 6, ст.ст. 10, 13 Конвенции, § 271 **Постановления от 13.09.16 г. по делу «Ibrahim and Others v. the United Kingdom»**, п. 2 «с» ст. 41 Хартии, ст.ст. 2, 18, ч. 4 ст. 29, ст. 45 Конституции РФ «... **установить** существование доступных средств правовой защиты, которые... » (§ 84 **Постановления от 11.10.11 г. по делу «Romanova v. Russia»**) «... **способно непосредственно исправить обжалуемую ситуацию и иметь разумные перспективы на успех** (...)» (§ 116 **Постановления от 23.02.16 г. по делу «Mozer v. the Republic of Moldova and Russia»**), «... **с помощью которого можно добиться рассмотрения жалобы по существу**» (§ 96 **Постановления от 04.02.03 г. по делу «Lorsé and Others v. the Netherlands»**), чтоб «... была ... **рассмотрена именно жалоба на основании Конвенции** (...)» (§ 27 **Постановления от 17.05.18 г. по делу «Ljatifí v. the former Yugoslav Republic of Macedonia»**), «... **положить конец определенному поведению**» (§ 73 **Постановления от 09.07.15 г. по делу «Gherghina v. Romania»**), «... **в том смысле, что они должны предотвращать предполагаемое нарушение или его прекращать, равно как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение** (...)» (§ 16 **Постановления ЕСПЧ от 24.02.05 г. по делу «Poznakhirina v. Russia»**), а также **разъяснить точную природу** средств правовой защиты и **механизмы их осуществления**, (§ 64 **Постановления от 18.03.10 г. по делу «Kuzmin v. Russia»**), которые должна использовать сторона Шуманина В.Ю. и сообщить нам об этих средствах.
 6. Не совершать преступления, запрещенные ст. 316, ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 285, ст. 315 УК РФ, исполнить требования ст. 8 Всеобщей декларации, п.п. 4, 6 «е», 8, 12 «а» Декларации, п. 3 ст. 2 Пакта, Принцип 18 Принципов о компенсации, ст. 13 Конвенции, п. 3 ст. 41 Хартии, §§ 182-192, 202-215 **Постановления от 29.03.06 г. по делу «Scordino v. Italy»**, §§ 27, 28 **Постановления от 18.09.14 г. по делу «Avanesyan v. Russia»**, ст. 53 Конституции РФ, ст. 2, ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, п. 16 ППВС РФ № 25 от 23.06.15 г. и принять меры к предотвращению неоправданных задержек по выплате компенсации за причинение морального и материального вреда, так как «... возмещение в связи с допущенным нарушением Конвенции ложится в первую очередь на власти соответствующего государства-ответчика. В этой связи вопрос о том, может ли заявитель считать себя жертвой нарушения положений Конвенции или нет, имеет значение на любой стадии рассмотрения дела Европейским Судом (§ 32 **Постановления от 04.03.03 г. по делу «Posokhov v. Russia»**). ... решение или мера, имеющие благоприятные последствия для заявителя, в принципе, не могут служить достаточным основанием для лишения заявителя статуса «жертвы», если только власти соответствующего государства не признают, в прямой форме или на практике, нарушения Конвенции и не предоставят в связи с этим возмещения (...)» (§ 33 **там же**).
 7. Так как нас **принуждают** работать, а **любой** труд **должен** быть оплачен по его **количеству и качеству**, что психически здоровым **объяснено** в п.п. 7 – 7.10 заявления № 3162 (*Заяв.№3162ВновьОткрНуждин* (<https://clc.to/6ZVo5Q>)), поэтому за написание данного заявления просим выплатить 21 739,2 евро (§§ 32 – 37 **Постановления от 16.06.20 г. по делу «Boljević v. Serbia»**). Если же данное заявление в установленном законом порядке рассмотрено не будет и нам не будут даны ответы **по существу** поставленных вопросов, то в этом случае вам **надлежит** выплатить 1 972 602,72 доллара США, что психически здоровым **объяснено** там же.
 8. Назначить правовую экспертизу данного заявления **с целью установления качества и объема труда, предназначенного** для написания данного заявления.
 9. Обеспечить **участие** Шуманина В.Ю. и его защитников (ст.ст. 20, 21, 47 Хартии) во всех проводимых в отношении него действиях с использованием видеосвязи (п. 2

«b» ст. 32, п. 4 ст. 32 Конвенции ООН против коррупции, п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14, ст.ст. 19, 26 Пакта, п. 1 ст. 6, ст.ст. 10, 13, 14 Конвенции, ч. 1 ст. 6 ГК РФ, ч. 2 ст. 16, п. 11 ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47, ст. 278.1 УПК РФ, ст. 155¹ ГПК РФ).

10. Все документы по делу просим присылать на электронный адрес Шуманина В.Ю. и электронные адреса его защитников, **как это предусмотрено ст. 19, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, ч. 4 ст. 10 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», п. 3 ст. 2, п. 2 ст. 19, ст. 26 Пакта, ст.ст. 10, 13, 14 Конвенции, ст. 42 Хартии** (<https://youtu.be/IMaIMxZDAmw>).
11. Ответы дать как Шуманину В.Ю., так и всем его защитникам и в них указывать номер обращения.
12. Иметь ввиду, что так как речь идет о **публичных** правоотношениях, поэтому в случае нарушения законности и наших прав разбираться мы вправе **в судах** по месту **нашего** проживания, а не на территории организованных преступных сообществ, поскольку соображения общественного порядка **требуют**, что причинителю вреда «не следует разрешать пользоваться преимуществами своего **неправомерного поведения** и не следует предоставлять возможность легализации фактической ситуации, создавшейся в силу **неправомерного ... [поведения - Усманов Р.Р.]**, а также не следует позволять выбирать новую площадку для спора, который уже был урегулирован в другой стране. Такая презумпция в пользу возвращения **должна лишить желаний действовать таким образом и должна содействовать "общей заинтересованности в обеспечении уважения верховенства права" (...)**» (§ 126 **Постановления от 23.10.14 г. по делу «V.P. v. Russia»**, § 152 **Постановления от 11.12.14 г. по делу «Hromadka and Hromadkova v. Russia»**) при том, что освобождая себя от разрешения спора, российские суды не ссылались на какой-либо закон, указывающий на **порядок разрешения спора со ссылками на подлежащие применению нормы права** и без оценки выполнимости предлагаемых действий, что является отказом в правосудии (§§ 28, 29 **Постановления от 21.06.11 г. по делу «Zylkov v. Russia»**).

Ответственность за заведомо ложный донос, достоверность изложенных сведений и используемую терминологию несет Усманов Р.Р.

Приложение:

1. Копии **всех** необходимых документов, как того **требуют** п. 1 ст. 6 Конвенции (п. 1 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ), § 95 **Постановления от 03.07.14 г. по делу «Georgia v. Russia (I)»**, § 311 **Постановления от 28.11.17 г. по делу «Merabishvili v. Georgia»**, §§ 87 – 90 **Постановления от 09.04.19 г. по делу «Tomov and Others v. Russia»**, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, п. 55 ППВС РФ № 10 от 23.04.19 г., приведены в тексте заявления.
2. Копия доверенности: <https://clc.to/87YVPw>

17.06.20 г.

Иванова И.А.

Усманов Р.Р.